

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга пятая

ОДОМ

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга пятая

ОДОМ

Москва

2017

Мой жизненный путь богат событиями. Оглядываясь назад с высоты прожитых лет, я понял: нужно рассказать об истории моих предков, родных и близких.

Пять томов «Наследия» – итог десятилетнего труда. Мне удалось переработать огромный объём информации, успеть побеседовать с людьми, которых, к сожалению, уже нет в живых, что позволило окунуться в историю своего малого народа горских евреев. Каждая из книг пятитомника названа еврейским именем одного из моих близких, а пятая книга для меня особенная, ведь она получила название «Одом». Этим именем меня нарекли родители.

Работая над «Наследием», я описал жизнь моих предков, рассказал о трудностях, которые им и мне пришлось преодолеть.

Выступая в Кремле, я сказал Президенту России: «Преемственность в аграрном секторе имеет громадное значение. Я думаю, что его просторы настолько велики, что и мои внуки будут работать в этом же направлении».

И каково же было моё удивление, когда, работая над книгой, я выяснил, что мой прадед занимался животноводством и продавал мясо! Прямая линия истории прошла через века, соединив предков со мной и моими детьми.

Впереди ещё многолетний труд. Моя цель – увековечить все прожитое в «Наследии», передать его моим детям, внукам и будущим поколениям, ведь, как писал великий Булгаков, рукописи не горят.

Игорь Бабаев

I

Ябегом взлетел по лестнице роддома. Открывая дверь кабинета главного врача, внезапно ощутил легкий холодок тревоги. Едва переступив порог, в нетерпении воскликнул:

– Ну что?!

Хозяин кабинета сразу узнал меня.

– О-о! Игорь Алексеевич! – он выскочил из-за стола. – Прощу! – лицо его сияло. – Поздравляю с сыном!

Во мне будто вулкан взорвался. Сын!

– С ними все в порядке?

– Можете сами убедиться. Ребенок родился здоровым, вес – три треста. Роды прошли без осложнений – все в пределах нормы, если не считать того, что немного раньше срока.

– Может, что-то нужно?

– Мы понаблюдаем их здесь несколько дней – но только чтобы перестраховаться. Сейчас нет ни малейшего повода для беспокойства.

Голос врача звучал уверенно.

– А можно мне увидеть сына?

– Помилуйте! – доктор улыбнулся. – Исключено. Супругу – пожалуйста. Только недолго, – он смотрел на меня серьезно, даже как будто строго, но в глазах плясали искорки; доктор явно был за меня неподдельно и искренне рад. Молча протянул мне белоснежный халат – словно пропуск в мир моих надежд. Я благодарно кивнул.

– Пойдемте.

II

Лида лежала на кровати, в глазах – бесконечная усталость. Взгляд изнуренной тяжелой работой женщины.

– Смотрите, не утруждайте жену слишком долгими разговорами. Ей еще сил надо набираться. А вообще, – чуть наклонившись, он тронул меня за рукав и прошептал: – Она у вас чудо.

И тут же, приняв озабоченный вид, взял Лиду за запястье, привычно нащупал пульс и стал считать, сосредоточенно глядя на циферблат своих часов.

«Вся эта суровость – напускное», – мелькнуло у меня в голове.

– Пульс в норме, – пробормотал врач, потом внимательно посмотрел на меня. – Такими темпами – скоро домой вас отправим.

Он что-то записал в лист назначений, который лежал на столе рядом с Лидиной кроватью.

– Имя ребенку уже выбрали?

Они с Лидой одновременно взглянули на меня, словно ожидая, что я разгадаю им эту загадку.

Я улыбнулся.

– Мы назвали его Женей.

– Женя? – доктор как будто попробовал имя на вкус. – Чудесное имя! В честь кого? – он бросил быстрый взгляд на Лиду.

Она ничего не ответила, просто повторила: «Женя!»

И тут же эхом отозвался я: «Женечка!»

Мы словно перекачивали имя нашего мальчика на языке, как хрустальный шарик.

– Значит, Евгений Игоревич появился на свет, – торжественно, точно приобщаясь некой тайны, произнес доктор. – Поздравляю вас. Хороший мальчик. Не волнуйтесь.

Мы с Лидой смотрели друг на друга – мы оба были причастны к этому чуду.

– Ну, я пошел. Только вы недолго, – еще раз с напускной строгостью произнес врач и вопросительно посмотрел на меня: услышал? нет? Кивнув нам на прощание, вышел.

Я положил ладонь на Лидину руку.

– Тебе что-нибудь нужно?

– За мной тут смотрят, не волнуйся. Пожалуйста, позвони маме. Успокой.

– Уже позвонил. Они все знают.

Я погладил ее по ладони.

– Я такая счастливая, – прошептала Лида.

Глаза мои светились. После всех тревожных рождений Женечки казалось выходом из тупика, волшебным снадобьем, исцеляющим раны прошлого.

Лида смотрела на меня – понимала, наверное, что я чувствую. Глаза ее излучали свет. В палату заглянула медсестра, словно намекая: пора и честь знать. Я кивнул ей, напоследок хозяйским глазом окинул комнату, проверяя, не нуждается ли Лида в чем-либо, и вышел, летя как на крыльях.

Пьянящее ощущение не покидало. Хотелось пуститься в пляс. Казалось, весь мир со мной в гармонии. Я решил пройтись.

Торопиться домой было незачем. Тамара ушла на рынок. Последнее время она целыми днями что-то покупала, перестирывала, гладила – готовилась к приезду Лиды. Сережа пока оставался у Кима. Я вдруг понял, как истосковался по нашему мальчику.

III

Проснулся на следующее утро мгновенно – словно над ухом выстрелили. Ошалело вскочил на кровати, огляделся. Сколько я спал?

Солнце уже взошло. Стрелки часов показывали пять утра. Как еще рано! В открытую форточку доносился оглушительный птичий гомон.

Как там Лида?

От мысли о ней и Женечке меня захлестнула волна адреналина. Под стеклом большого письменного стола лежало фото: улыбающийся Сережа, совсем еще кроха, у Лиды на руках. Вот приедет домой Женечка – сделаем новый портрет: все Бабаевы вместе.

Как долгов был путь к этому счастью!

IV

Я встречал Лиду с огромным букетом благоухающих цветов. Она спустилась по ступенькам, опираясь на перила. Следом нянечка несла конвертик с ребенком. Я бросился к ним.

– Ну-ка, покажите его!

– Игорь, только осторожнее!

Я подхватил спеленутого Женечку на руки. Сердце затрепетало. В этом сердцебиении было все – и страх за новую жизнь, и ощущение полета, и какая-то неосознанная гордость: я второй раз стал отцом!

Осторожно приподнял краешек конверта. С чем сравнить этот аромат – сладкий, молочный, щекочущий ноздри? Я держал в руках чудо – лучезарное и такое беззащитное. Это пьянящее ощущение отцовства! Да я снесу любую стену, какая бы ни встала передо мной!

Веки малыша дрогнули, он открыл глаза. Да-да, конечно же, младенцы нескольких дней от роду еще не умеют фокусировать взгляд, но я готов был поклясться: между нами словно искра пробежала! Накатила волна нежности – огненной, победоносной. Что-то в Жене уловило мой порыв и ответило. Умиление и гордость захлестнули меня, даже показалось, что сын, словно продолжая начатый мной диалог, вдруг улыбнулся. Миллионы солнц словно озарили небо!

– Ты посмотри!

Лида стояла рядом: счастливая, расслабленная.

– Видишь? Он на меня смотрит! – твердил я.

Она нежно дотронулась до моей руки, словно хотела сказать: угомонись, не так громко.

– Богатырь! – чуть слышно произнес я.

Лида кивнула, продолжая без слов смотреть на меня, а потом шепнула в самое ухо:

– Я так рада, Игорь, так рада!

Я, не выпуская конверт с Женечкой, поцеловал ее в щеку.

V

Какой очаровательный карапуз! – громогласно объявила Тамара, принимая Женю с Лидиных рук, и тут же по-матерински склонилась над младенцем, придирчиво разглядывая.

– Крикун?

– Не знаю, – Лида беспокойно посмотрела на меня. – Игорь, Женя почти все время молчит! Я даже не слышала его голоса.

– Это не страшно, – успокоила ее Тамара, театрально вздыхая. – Крикуны – это больше девочки, а мальчики молчунами должны быть. У меня когда мальчишки родились, тоже молчали, а девочки – орали, прямо хоть уши затыкай. Лидия Ильинична, простите, вы, наверное, устали. Давайте я перепеленаю, посмотрю за Женечкой, а вы передохните.

– Нет, нет, я сама.

Лида склонилась над нашим малышом, осыпала личико и ручки поцелуями.

– Вы с дороги поели бы, что ли... У меня все готово. Вы теперь молодая мамаша. Вам есть нужно. Чтобы молоко всегда было. Чай с медом и молоком – то что надо! –

непререкаемым тоном провозгласила Тамара. – У ребенка молоко всегда будет.

Она с энтузиазмом взялась руководить всем происходящим, ей нравилось чувствовать, что без нее тут ни за что не справятся. Лида рассеянно кивала, слушая Тамарины поучения, вся поглощенная Женечкой. Я дотронулся до ее плеча.

– Ты чего нервничаешь?

– Нет, ничего! – она с улыбкой посмотрела на меня. – Просто вспомнила: нам детей приносили на кормление, а я все боялась, как бы нашего не перепутали, без конца проверяла бирочку, что у него висела на ручке. Представляешь?

Женечка засопел, слабо заворочался на руках у Тамары.

– Он есть хочет! – всполошилась Лида. И тут же, ловко распеленав Женю, приложила к груди.

Я молча смотрел, как наш сонный богатырь, весь словно перетянутый ниточками, жадно сосет молоко, энергично размахивая ручками и ножками, будто куда-то бежит.

Меня всегда изумляла эта невероятная сила, исходящая от детей, это шемящее совершенство. Какой конструктор придумал такую красоту?

VI

Дверь в прихожей хлопнула, раздался крик:

– Мама!

В дверях возникла фигура Сережи.

– Сынок!

Позади стоял Ким с цветами.

Сережа повис на Лидиной шее.

– Ну как ты без меня?! Не замучил папу?

Сережа, не отвечая, молча прижимался к Лиде, не за-

мечая никого вокруг. Нежное, чуть призрачное создание с огромными черными глазами, словно видящими насквозь любого, стоит им на мгновение на ком-то задержаться.

– С утра твердит: «Когда к маме поедет? Когда к маме?», – отозвался Ким. – Я говорю, потерпи.

– Соскучился, поди, – подала голос Тамара. – Ну, пойдем, умою тебя.

Сережа отрицательно помотал головой.

– Мама, мамочка, я так по тебе соскучился, – прошептал он Лиде, вставая на носки и пробуя дотянуться до Лидино лица.

– Я тоже соскучилась, мой милый, – Лида обняла сына.

– Тебя долго не было, – обиженно протянул Сережа.

Он всегда разговаривал как взрослый, хотя и сохранял еще те милые ребяческие интонации, которые появляются у детей, растущих в заботе и любви, получивших в самом начале жизни нечто неувловимое, то, что заставляет их потом тосковать по детству, привязывает к прошлому.

Сережа перевел удивленный взгляд на запеленутый сверток, лежащий на столе.

Лида подтолкнула его вперед.

– Иди, поздоровайся.

Сережа замер.

Женя лежал тихо, спокойно.

– Ну что же ты?! – улыбнулась Лида.

– Это твой братик! – сказал я. Мне снова захотелось дотронуться до малыша, такой он был сладкий, сказочный, волшебный.

Веки Сережи затрепетали, будто он собирался сказать что-то чрезвычайно важное, и мы услышали шепот:

– Он такой маленький.

Он долго не отводил изумленного взгляда от невероятного существа, что лежало перед ним, и вдруг засмеялся.

Он хохотал долго, заразительно, от всей души, потом повернулся ко мне, словно пытаюсь удостовериться, что все делает правильно, медленно приблизился к Женечке и дотронулся кончиком пальца до его носа. Затем принялся внимательно его разглядывать. Я стоял, замерев, боясь спугнуть этот волшебный миг знакомства двух братьев.

– Он смешной, – вынес вердикт Сережа и отошел.

– Ну-ка, подойди к окну. Хочу посмотреть, насколько они похожи, – я подвел Лиду с Женечкой к свету и поставил Сережу рядом.

Сережа начал вырываться.

– Я хочу есть.

– Ну, идем на кухню, – Тамара ухватила его за руку и повела за собой. Я обернулся к Лиде.

– Теперь нас четверо.

– Хаво звонила? – Лида была полна радостного любопытства и нетерпения.

Я не успел ответить – затрезвонил телефон, словно только и ждал этого момента и, наконец, не вытерпел, разродился, требуя, чтобы и ему было позволено внести свою лепту в общий поток поздравлений.

– Игорь! Ответь! Женечку разбудят.

VII

Телефон звонил не переставая.

– Лида! – в трубке послышался громкий голос Ларисы. – Где она?

– Сейчас, Лара, даю, даю... Стоит с наследником нашим! Только что приехали.

Лида выхватила трубку.

– Ларка! – раздался радостный вопль.

– Мы тебя от всей души! Родная моя! – голос Ларисы прерывался. Вопросы сыпались один за другим, я слышал

только обрывки фраз, междометия, будто она стояла рядом:

– Как все прошло?

– Что ты говоришь?

Из трубки донеслось:

– Девочки, замолчите, я ничего не слышу! Прости, тут девчонки галдят... Мама со вчерашнего дня к тебе рвется, кричит: «Надо помочь! Надо помочь!» Все тут извелось в ожидании. Что-нибудь нужно?

– Ты смеешься? Ничего не нужно. Главное – сами приезжайте.

– Мы завтра будем. У нас со вчерашнего дня телефон звонит без перерыва. Весь город поздравляет!

В трубке раздался смех.

– За вами машину прислать? Вы когда будете?

– Да не надо. Сами доберемся. Где-то к обеду, – голос Ларисы зазвучал тише. – Сил нет, как хочу Женечку увидеть.

Лида положила трубку. Сосредоточилась, словно что-то вспоминая.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Нет! Слава богу! Завтра приедут, – голос ее звучал тихо, умиротворенно. Тесновато тут будет, – она обвела взглядом комнату.

– Да уж, как-нибудь... Мне иногда не хватает этого шумного кагала! Знаешь, все наперебой галдят.

– Ну вот завтра и насладишься.

– Машка с Людой небось совсем уже выросли?

– Ты же знаешь, у подростков каждый день – как у нас полгода!

Я усмехнулся.

– Ким им свежих продуктов подвезет.

Лида окинула меня внимательным взглядом, словно спрашивая: как ты тут без меня на самом деле? Поди, на-

маялся? Наши взгляды встретились, и мы словно куда-то улетели, поплыли вместе на одной волне, не отрывая глаз друг от друга.

Мгновение – и волшебный миг растаял.

– Завтра все снова-здорово.

– Я только тебя прошу: приезжай пораньше!

– Не обещаю, Лидочка. Не от меня зависит.

– Ну это же мама с сестрой, твои племянницы, – голос Лиды стал просительным.

– Лидочка, я постараюсь.

VIII

Михайловы приехали к полудню. Лариса бросилась к Лиде, обняла прямо на пороге, так крепко, как только могла, отстранила, повернула к свету, словно проверяя – все ли как прежде?

Лида потянулась к матери, прижалась щекой к плечу, словно впитывая вместе с теплом то особенное нечто, какую-то тайну, что всегда существует между матерью и дочкой, что-то, что не нуждается в словах.

– Девочки, как вы? – Лида обняла племянниц, целуя их по очереди. – Соскучилась по вам.

И тут же бросилась снова к Анне Григорьевне.

– Мамочка! Я так счастлива. Просто очень боялась, как все пройдет, а случилось так, как Игорь говорил.

– Ну, показывай нашего внука!

В детской было почти темно. Шторы плотно занавешивали окна.

– Ты чего духоту ему устроила? – строго спросила Лара.

– Ну где ж духота? Просто от солнца.

В следующую секунду женщины забыли обо всем, склонившись над малышом.

– Какой малютка!

– Кажется, еще меньше, чем была Машка, когда родилась.

– Мам, ну что ты говоришь? Такой же!

Лариса взяла на руки крохотный комочек и начала придирчиво разглядывать.

– Красавец! – ее голос звучал восторженно. – А легонький! Сколько он сейчас?! Ты взвешиваешь?

– Постоянно! Думаешь, мало весит?

Лида озабоченно посмотрела на сестру, забирая ребенка, потом на мать.

– Да нет, здоровый парень, – улыбнулась Анна Григорьевна, откидывая краешек одеяла.

– Ну что, счастлива? – Анна Григорьевна нежно провела по Лидиным волосам.

– Ага, – прошептала Лида, склоняя голову. – Так всего боялась: и то, и это...

– Это нормально, – кивнула Анна Григорьевна. – Это у всех бывает. С твоими-то проблемами вообще не мудро было волноваться.

– Вылитый Игорь. Бабаевская статья, – резюмировала Лара, закончив осмотр.

– И нос Игорев, – добавила Лида.

– А по-моему, как у папы, – возразила Лариса.

– У какого папы? – не поняла Анна Григорьевна.

– Да у нашего, – рассмеялась Лариса. – Михайловский нос.

– Мужичок родился, настоящий мужичок, – реплику насчет михайловского носа Анна Григорьевна просто пропустила мимо ушей. – Ох, подрастет, задаст жару.

– Девочку хотела, да? Признавайся, – подтолкнула сестру Лариса, улыбаясь. – Как у меня, да?

– Да ну, брось. Мальчик – брату в пару – это прекрасно! Может, пойдем к столу?

– Да, девочек надо покормить, – кивнула Лариса.

Лида осторожно передала ребенка Тамаре. Но Анна Григорьевна решительно поднялась.

– Вы тут посидите, поговорите, а мы с Тамарой сами на кухне управимся. Как будет готово – позовем.

IX

Сестры остались вдвоем. Полумрак в комнате скрыл черты обеих, только зрачки блестели.

Лида молча смотрела на Ларису. Потом взяла руку сестры, прижала к своей щеке.

– Как же я соскучилась!

Лицо Ларисы в полумраке как будто оплыло, спина ссутулилась, маска беззаботности и веселья стала таять, словно ее стирали невидимые потоки дождя.

– Все нормально, Лидуся, – прошептала Лариса, – от тоски еще никто не засох, – и устало улыбнулась. Затем потряхнула волосами, словно сбрасывая оцепенение. – Знаешь, мама места себе не находила, пока Игорь не позволил.

– А я уже обо всем позабыла, – устало сказала Лида. – Какое-то время поверить не могла, что все позади... А теперь у меня есть еще и Женечка, и ничего не страшно. Сначала боялась стафилококка – все обошлось. Говорили, что сейчас по роддомам бродит. Ничего, Бог миловал.

Она поцеловала крошечный лобик. Повернулась к сестре.

– Ты чего такая?

– Какая? – во взгляде Лары проступила озабоченность. Невероятный всплеск радости стер ее, казалось, без следа, а вот поди ж ты, снова она заявляет свои права. Голос Ларисы зазвучал чуть хрипловато. – Не обращай внимания. Малыш хорошо кушает? Молоко есть?

- Тамара мне уже сто рецептов прописала.
- Ну и хорошо.
- Скажи, я ужасно выгляжу? Посмотри, как располнела, ни в одно платье не влезу.
- Вот только не начинай.
- Нет, я серьезно, Лара.
- А как ты хочешь выглядеть после родов? Я вон в сто раз толще была, а ты – как полагается.
- Сестра поцеловала Лиду в щеку.
- Сама не заметишь, три-четыре месяца пройдет – и все у тебя улетит. Еще жалеть будешь! А я вот, боюсь, уже не смогу быть такой, как раньше.
- Лида обняла сестру.
- Ты – красавица! Помнишь, какой я до родов была?!
- Лида свела руки, изображая стройную талию.
- И что? Снова такой будешь! Не придумывай, – Лариса рассмеялась низким невеселым смехом, покачала головой, вздохнула. – Знаешь, чего хочется?
- Лида вопросительно посмотрела на нее.
- Сидеть, сидеть вот так с тобой, чтобы Женечка спал, чтобы нас никто не трогал, а мы бы говорили и говорили...
- Наговориться и выговориться, – чуть слышно повторила Лида, словно вспоминая, где слышала эту фразу, но, так и не вспомнив, вопросительно посмотрела на сестру.
- Что папа?
- Нормально, Лидуся, – Лара вздохнула.
- Нормально? Я же вижу.
- Ничего ты не видишь. И потом, мне не хочется сейчас об этом. В кои-то веки – счастлива.
- Нет уж, если начала – то продолжай.
- Лариса со вздохом посмотрела на сестру.
- Папа... – произнесла она и задумалась, словно подбирая слова. – Все по-прежнему. Пропадает в Иргаклы.

Дома не появляется. Историю с серьгами помнишь? Все делают вид, что этого не было. И первая – мама. А папе как будто все равно.

Лида внимательно слушала.

– Ты можешь прямо сказать, что там у вас происходит?

– А что ты хочешь услышать? Какими словами рассказывать? Слава богу, ты всего этого не видишь.

В последней фразе прозвучал некий укор, но Лида сделала вид, что его не заметила.

– В доме житейских проблем – море, а это папу не волнует.

Не утихающая с момента гибели мужа боль вдруг выплеснулась из Ларисы, а вместе с ней – что-то очень личное, тайное, что она выпестовала в себе за время одиночества.

– Мама молчит, ни о чем со мной разговаривать не хочет, считает – это их с папой проблемы, не наши. А что из-за этого в доме невозможно находиться, будто и не понимает.

Глаза Ларисы яростно вспыхнули. Она ткнула куда-то себе в грудь.

– Вот здесь пусто. И вокруг пусто, – голос ее зазвучал страстно, но сдержанно. – Мы все там словно взаперти. Вроде – вместе, а вроде – как в разных домах живем. Я тебя не хотела этим расстраивать. Но и скрывать больше не могу. Мать – вроде как со мной. И в то же время – не со мной. Все в себе держит. Ничем не поделится. Оберегает? От чего? Я что – сама ничего не вижу? Мы вроде семья, а живем врозь. Отец – ты знаешь где... Привезет какие-то баулы и тут же уедет. Все как чужие. Я не узнаю наш дом, понимаешь?! Как все начало рушиться со смертью Ильи – так и продолжает.

Лариса вдруг оборвала саму себя, словно боясь продолжать, чтобы не выплеснуть самого страшного, не же-

лая расстраивать Лиду, а потом не удержалась и с отчаянием добавила:

– А кто виноват? Кого защищать? Одного любимого человека от другого? Папу от мамы? Или маму от папы? Это же смешно.

Она замолчала, ссутулилась, опустила голову.

– Вот такая наша михайловская жизнь, – пробормотала еле слышно, отводя глаза от сестры.

Лида качала головой, словно отмахиваясь от услышанного. Брови ее сошлись к переносице.

– Такое же уже бывало, – прошептала она.

– И я, как дура, надеялась, что больше такое не повторится. Уж поверь мне, они так никаких выводов и не сделали, – неожиданно резко добавила Лара.

И склонилась над Женечкой, словно ища в детском личике защиту от всех напастей.

– Они были бы ближе, если бы жили раздельно, – прошептала она, вновь обернувшись к сестре, – потому что, когда вместе, даже в глаза друг другу не смотрят.

Лида молча кивнула, уставив отрешенный взгляд в пространство, словно и не слыша. Но Лариса понимала, о чем думает сестра, чувствовала ее сострадание, приправленное болью и – самую чуточку – гневом. Не на родных, нет. На обстоятельства. На то, что ничего нельзя поделать.

Сестры умели читать в глазах друг друга, словно в книге, – дар, который не раз их выручал.

Лариса попробовала улыбнуться, но улыбка вышла какой-то неестественной, натянутой.

– А что Володя? Он же... с папой?

– Володя... – в глазах Ларисы сверкнуло что-то вроде удивления и тут же погасло вместе со взмахом ресниц. – Тебе сейчас лишние нервы ни к чему.

– Лара! – в голосе Лиды звенел упрек.

– Да он просто болтается, бездельничает, – нарочито

равнодушно, но с ноткой разочарования проронила Лариса, – в картишки поигрывает. В общем, – она саркастически усмехнулась, – времена не самые лучшие. А ему все равно.

– Так уж и все равно?

– А разве не так? Какая у него ответственность? Перед кем? Ни жены, ни семьи! Ничего! Позволить себе можно все.

Лариса покраснелась – видно, здорово осерчала.

– Значит, опять проблемы, – прошептала Лида.

– Помнишь, он за осетинкой долгое время ухлестывал – за Галей?

Лида кивнула.

– Вроде все у них хорошо было, потом расстались.

– А что так?

– Володя с ее сестрой связался.

– Да ну? С Заремой? – ахнула Лида.

– С ней. Родная сестра, представляешь?

– Так он что, родных сестер развел?

– Как видишь! – горько кивнула Лара.

– И что они – враги?

– Я откуда знаю? – Лариса сердито махнула рукой.

– А папа? Что ж он ничего Володе не скажет?

Лариса подняла на сестру изумленные глаза.

– Скажет? Не знаю, о чем они между собой говорят, но только мне иногда кажется, что они вообще словно на разных полюсах живут.

– Я ничего не понимаю, Лара.

– А что тут понимать? Ему никогда до Володи не было дела.

– Ты, кажется, слишком строга сейчас.

– Спроси у мамы...

– И спрашивать не буду. Ты уже все сказала. Вы просто против папы, – Лида упрямо покачала головой.

– А что такого? Думаешь, не стоит об этом говорить? Мама радовалась бы куда больше, если бы папа хоть как-то уделял внимание сыну, – когда Лариса сердилась, ее щеки розовели. – Что он делал столько времени? Просто уходил от всех проблем! От воспитания. Думал, раз в институт сына устроил, деньги дал – все, ответственность снята! Не мешай мне, мол, сынок, жить дальше своей жизнью! Но ведь это не так, Лида! Настоящего общения, как у отца и сына, не было.

– Это тяжело слышать.

– Лида, не будь наивной. Отец только вернется домой, тут же ищет повод обратно убежать. У них полностью разорваны отношения. И мама совсем ничего не делает, чтобы их наладить.

Лариса тяжело вздохнула, посмотрела на Лиду с сожалением.

– Похоже, что и отцу это не нужно. Извини, я не хотела тебя расстраивать.

– Да ладно. Я же тоже не могу жить как страус. Ничего не зная.

– У тебя-то с Игорем все хорошо, и славу богу. Пусть хоть у кого-то из нас все будет благополучно, – Лариса смолкла. Принялась стирать несуществующее пятно на юбке.

Потом виновато взглянула на Лиду, словно жалея, что затеяла весь этот разговор. Но Лида уже склонилась над Женей. Потом повернулась и поманила сестру взмахом руки: подойди!

– Ты посмотри, какой он. Ну разве не чудо?!

Улыбки озарили их лица, и напряжение само собой стало таять.

– Как сладко спит.

– Вообще-то я проголодалась, – прошептала Лара, – с утра маковой росинки во рту не было.

Они направились к двери, но вдруг застыли у окна, словно пораженные громом. За окном, в вечерних сумерках, над городом плыли нежно-палевые облака. Заходящее солнце окрасило небо в пурпур, отчего синева облаков приняла какой-то неестественно сказочный цвет, словно само море вдруг нависло над Армавиром.

– Боже, как красиво! – прошептала Лида.

Х

Уже сидя на кухне, напротив матери, Лида, то и дело перескакивая с одного на другое, все говорила, говорила о Женечке.

Анна Григорьевна слушала, не в силах передать переполнявшие ее чувства.

– Знаешь, такое ощущение, что Женечка всегда был со мной.

Лида с тоской и жадностью, словно изголодавшись по материнскому теплу, заглянула в ее глаза. Анна Григорьевна погладила дочь по голове, стирая ее страхи. Нужные слова – тихие, почти неслышные – сами слетали с губ. Это было что-то древнее, почти первобытное, из тех времен, когда матерям не нужны были слова, можно было говорить прикосновениями, взглядами.

Раздался звонок в дверь.

– Это Игорь! – воскликнула Лида.

ХІ

Я еще от двери почувствовал дивные ароматы, доносящиеся с кухни.

Лида бросилась мне на шею.

– Наконец-то! Мы уж тебя заждались.

Я нежно ее обнял.

– Пойдем, у нас все готово!

Завидев меня, Анна Григорьевна раскрыла объятия.

– Заждались, заждались, Игорек. Уж который час ждем. Идем!

От нее веяло тем особенным теплом и силой, какие исходили от Хаво, когда мы все собирались дома. Никакие бури нипочем таким женщинам.

– Игорек! – снова повторила она, останавливаясь.

Потом провела ладонью по моей спине, словно стирая усталость.

Я тепло обнял Ларису, которая молча стояла в сторонке, дожидаясь своей очереди – поздороваться.

– Ну вот и хозяин в доме, – с улыбкой произнесла она.

– Вся семья в сборе, – подхватила Лида.

– Все как раньше, – вздохнула Анна Григорьевна.

Я заметил, что Лариса избегает встречаться с матерью глазами, будто они в ссоре.

«Опять наябедничала, ну кто тебя просил?» – укоряли строгие глаза Анны Григорьевны. Она деловито взмахивала полотенцем, расставляя тарелки на столе.

Ну и выдержка, невольно подумал я, в который раз поражаясь царским поведением тещи.

Девочки с Сережей на секунду забежали на кухню, схватили что-то со стола и тут же упорхнули обратно – в соседнюю комнату, в свой сказочный мир, в котором в преддверии сумерек темные силуэты мебели, казалось, плыли по морю, словно остовы кораблей. А может, им виделись какие-то баталии? Так или иначе, они остались одни, и в комнате тут же поднялся оглушительный гвалт:

– Посмотри, что у меня!

– А у меня?!

– Дай сюда!

– Не дам. Это моя!

– Нет, дай!

Топот детских ножек то приближался, то удалялся, родительское ухо цепко извлекало из этого шума звонкое шлепанье сандаликов каждого из детей.

Тамара поставила на стол два графина с живым пивом, подала на серебряном блюде гору крупных, буквально утром из Ростова присланных, вареных раков. В хрустальной вазе закатным светом поблескивала черная икорка.

– Пряма царский стол, – невольно откликнулся я.

Аромат свежей зелени поплыл по комнате.

– Девочки, ну вы даете! Хотите, чтобы мы лопнули?

– Игорь, ты не лопнешь, – ответила Лариса, сияя от удовольствия. Ей были приятны мои похвалы.

– Все Бабаевы потому так ценят жизнь, – заметил я, разламывая хитиновый панцирь и пробуя нежное белое мясо, – что понимают толк в хорошей еде.

Анна Григорьевна согласно кивнула. Вскинула брови на Ларису.

– В качестве лекарства, – протянула она, подавая мне бокал с пивом.

Я пригубил.

– Ну что? – я поднялся, обводя глазами стол.

Тут на кухню забежали девочки с Сережей.

– Идите сюда.

Анна Григорьевна обняла их всех троих, удерживая при себе. Вот он, бабаевский клан – наша сила!

– Давайте за рождение сына!

– За наследника!

– Лидуся, кажется, вчера только пили за Сережу! А теперь уже – Женечка!

– За чудо! За Бабаевых!

Мы чокнулись. Звон бокалов, блеск в глазах, на секунду мы все объединились в порыве счастья.

– А я хочу пожелать, чтобы прекратились наши трудности, – тихо добавила Лидочка.

Я поцеловал ее.

– За такие поцелуи надо брать по сто рублей, Игорь! – со смехом заметила Лариса.

– Слушайте, я уже и забыл, когда я вот так, с удовольствием, пил, – перевел я тему разговора.

Анна Григорьевна пододвинула мне рюмочку коньяку.

– За твоё здоровье, Игорек.

Я опрокинул. Приятная радость подхватила меня. Опыянение показалось поездом, мчащим меня в сверкающий мир.

Проблемы и тревоги потихоньку отступали, слетали, как шелуха. Я посмотрел на Лиду.

– А ты чего?

Лариса тоже повернулась к сестре.

– Давай, выпей глоток. Теперь можно, – объявила она и протянула Лиде бокал белого вина.

– Лар, ты с ума сошла?

Ларин смех мне показался чуть громче обычного. Он был бы безупречен и весел, не будь в нем намек на затаенную грусть.

– Да ладно, каплю-то можно, – не унималась Лара. – За то, что совершила.

– Что я совершила? Это он все сам, – кивнула она в сторону комнаты, где спал Женечка. – Я только и делала, что боялась.

– Чего боялась?

– Начну пересказывать, к утру не закончим.

– Ну, скажи, – потребовал я.

– Даже говорить не буду, – Лида отмахнулась.

– Про отца что слышно? – обернулась ко мне Анна Григорьевна.

От света люстры на ее лицо ложились серебристые блики.

Я отставил тарелку.

– Ясно только, что сел он крепко. На сколько конкретно – неизвестно. Это слова адвоката.

Анна Григорьевна словно окаменела.

– Ой, горе-то какое нам. .. Как же он там, несчастный... Я нахмурился.

– Не надо так. Охами-ахами не поможешь. Адвокат говорит, отец держится молодцом.

– Мама, давай чуду подавать, – поспешила мне на выручку Лида, желая переменить тему разговора. – Игорь, приготовили твое любимое.

Я стрельнул по ней взглядом. Вот уж правда, материнство делает женщину неотразимой.

Лида ответила нежной любящей улыбкой.

– Половина женских грехов точно вам спишется за то, чем вы нас потчуете, – произнес я.

Глядя на похожую на чебурек полукруглую румяную лепешку, я почувствовал: тормоза срыгаются. И яростно набросился на аппетитное, с хрустящей корочкой, изумительное чуду. Аромат горных трав, укропа, лука, густо замешанного с сочным бараньим фаршем, словно оторвал меня от земли.

– Это восхитительно, – пробормотал я.

Анна Григорьевна с обожанием посмотрела на меня.

– Даже если бы не был голоден, съел бы все! А Володька сейчас где?

Анна Григорьевна вздохнула.

– Он не работает сейчас. Так сложилось... – ровно, словно читая по бумаге, произнесла она.

– Как же так, без дохода?

– Пока так, – она помолчала, рассеянно помешивая чай в стакане, отпила глоток и посмотрела на меня.

– Сюрприз, – с сожалением произнес я. – Ты чего такая бледненькая? – обернулся я к Ларисе.

– Да коньяк больно крепкий.

– Или работа у тебя такая нервная, что ослабела ты.

Анна Григорьевна смущенно улыбнулась.

– Ты же понимаешь, это не его вина. Он вырос, считай, без участия отца – вот и результат. От этого все: и неприкаянность, и маета.

Она словно нашла истинную причину того, что происходило с ее сыном.

Из гостиной опять прибежали Маша и Люда – подсели к Ларисе.

– Он же молодой еще мужик, как можно бездельничать?! Это куда годится? – гнул я свое.

Лара что-то шепнула девочкам вполголоса.

– Он что вообще хочет? – не унимался я. – Просто жить по принципу «моя хата с краю» – и будь что будет?

– Ты же знаешь, как он ко всему относится. Чувствительно.

Меня разобрала злость.

– Что значит «чувствительно»? Это что, жизнь его так крепко побила? Чушь! Так, может, его в Ставрополь перетасить? Ты сказала про наши планы? – я обернулся к Лиде.

– А что Ставрополь?

– Так ведь я там дом строю... Надо, чтобы кто-то за стройкой приглядывал.

Анна Григорьевна тихим голосом спросила:

– А дальше что?

– Пока я здесь – он мог бы там приглядывать, это дело. Глядишь, и в институте бы восстановился. На работу устроился.

Она поправила прядь седеющих волос, как будто сомневаясь.

– Слушайте, ему за тридцатник. Взрослый мужик. У человека должна быть семья, лампа над столом, глупости, которые он будет говорить, когда явится к любимой.

Но надо же не куда-то прийти после рабочего дня – к непонятым друзьям с картишками, – а к кому-то действительно важному. К любимой! Понимаете? Чтобы его, как мужа, ждали, чтобы говорили всякие глупости: «И где ты, Володенька, все ходишь? Я просто места себе не нахожу!»

Лариса, нервно хохотнув, повторила:

– «Я просто места себе не нахожу!»

– А что, разве не так? Пока только Анна Григорьевна, как я вижу, места себе не находит. Ну куда это годится? С тунейдцами, жуликами в карты резаться...

Анна Григорьевна молчала.

– А что! – продолжил я, воодушевляясь. – Крыша над головой есть, институт будет, работа тоже, считай, есть. Что еще надо?

– Чтобы он согласился, – отчеканила Анна Григорьевна. – Надо привыкнуть к мысли, что дети вырастают, – проронила она вдруг ни с того ни с сего.

– Наверное, – ответила Лариса, словно продолжая какой-то давний, понятный только им одним спор.

– К этому трудно привыкнуть, – неожиданно согласился я. – Вот Лидии Ильиничне, думаю, тоже непросто будет осознать, когда наши дети станут взрослыми. Будет все их нянчить.

Анна Григорьевна стояла посредине маленькой кухни – худенькая, невысокая, в красивом платье – и смотрела на мир наивными глазами ребенка. Сказывались усталость, напряжение и дальняя дорога. Я почувствовал, что мои слова пробудили в ней надежду – призрачную и оттого еще более сладостную.

Глаза ее загорелись тем самым теплым блеском благодарности, который я хорошо знал:

– А может, попробовать, Игорек?!

– Скажите ему, я завтра сам позвоню. Пусть бросает все и едет ко мне как можно скорее.

XII

Вы просили соединить с Гушиным, – прервала мои раздумья секретарша.

Я отбросил в сторону недочитанный отчет.

– Соединяй.

– Алло! Виктор Владимирович! Это Бабаев! – голос мой звучал простуженно. Где я успел простыть? Только этого не хватало.

– Добрый день, – раздалось в ответ.

– Витя, это твой армавирский сосед. Не узнал?

– За кого ты меня держишь? – в голосе могущественного директора Ставропольского мясного объединения зазвенели металлические нотки. Глубоко штатский, в своем застегнутом на все пуговицы пиджаке он временами казался кадровым военным.

– Я тебя ни от чего не отрываю?

– Да ну что ты? Скрипим помаленьку. Весь день на звонках. Говори.

Гушинский голос куда-то пропал, в трубке затрещало, я напрягся, заговорил громче.

– Вить, у меня к тебе дело.

– Чем могу – помогу. Ты же знаешь.

Он зашелся в кашле.

– Ты тоже, что ли, простыл?

– Да не говори.

В его тоне слышалось уважение. Он никогда не скрывал, что радуется, когда Бабаеву случается обратиться к нему.

– Хочу брата жены на работу пристроить. Парень он нормальный. Учился в мясо-молочном. Думаю, сможет восстановиться, закончит учебу.

– А сколько ему?

– За тридцать уже.

– И до сих пор не выучился?

– Да ты не подумай... Он у меня в Анапе работал. Думаю, работа мастером ему под силу.

Гущин на секунду задумался.

– Да какие вопросы, Игорь! Мастером мы его сделаем. Даже не волнуйся. Давай так. Пусть он собирает все документы, и подъезжайте. На месте разберемся.

– Договорились.

Я откинулся на спинку стула, закрыл глаза. Ну что, все идет путем.

Ну а если интуиция меня подводит? Да нет. Удастся подстрелить двух зайцев – вот и отлично. И за домом будет кому приглядывать, и Володя пристроен.

За окном гроыхнуло. В небесах тоже шла своя тяжелая работа, словно кто-то что-то ломал, исправлял, заново строил. Природа собралась с кем-то расквитаться. В каждом порыве ветра явственно чувствовался гнилостный запах надвигающейся бури.

XIII

В просторной гущинской приемной было, как всегда, не протолкнуться. Все начищено, выдраено. Бежевый палас, бледно-зеленые стены... Секретарша тут же указала на дверь:

– Виктор Владимирович вас ждет.

Володя шел за мной. В кабинете было темно, занавески задернуты.

Гущин говорил по телефону, в голосе звучали масляные нотки.

– Лады! Договорились.

Завидев меня, кивком пригласил сесть, не прерывая разговора. Положив трубку на аппарат, протянул руку.

– Извини, как белка в колесе.

Его карие глаза, обычно яркие, сейчас казались немногим нездоровыми, тусклыми. Явственно чувствовалось: его захлестывает волна забот, такой знакомый и понятный мне стресс человека, работающего словно на вулкане.

– Вот, прошу – новый боец в команду, – указал я. – Можешь с него семь шкур драть.

Гущин хмыкнул без тени улыбки.

– У нас на семь шкур дел не хватит. А вот на шесть – обещаю, – он обвел Володю цепким взглядом. – Игорь о вас хорошо отзывался.

Володя с сомнением посмотрел на меня.

Я рассмеялся:

– Володя, не верь ему. Сказал про тебя всю горькую правду.

– Да ты у нас еще тот поставщик кадров, – улыбнулся Гущин. – Может, чайку?

– Слушай, чайку я и дома могу попить.

– Понял, – согласно кивнул Гущин. – Можно и покрепче.

Я отрицательно покачал головой.

– Тебя сейчас проводят, – обратился Гущин к Володе, – человек введет в курс дела, заодно оценит, куда тебя поставить.

Володя кивнул.

– А мы с тобой, – обернулся Виктор ко мне, и я понял, что это уже не обсуждается, – все-таки чайку вечером выпьем, и ты мне новости расскажешь. Как отец?

Было видно, что это не простое любопытство. Он искренне сопереживал. Я пожал плечами – мол, что тут сказать.

Гущин понимающе кивнул.

– Да-а-а, попали вы под раздачу.

После Гущина мы поехали к ректору Политехнического Никитину. Тот даже не стал вникать в тонкости вопро-

са, а сразу отправил Володю по нужным кабинетам относить бумаги.

– Это чистая формальность, – улыбаясь проронил он.

Никитин сидел в мягком ректорском кресле из коричневой кожи, курил «Мальборо». Даже хохотал точно так же, победно, как и в предыдущую нашу встречу, словно говоря: я все помню и жду вас, если что.

XIV

Игорь, ты меня слышишь?

Я вздрогнул. Надо же, так задумался, что пропустил мимо ушей Володин вопрос.

– Что? Ты о чем?

– Мы куда едем?

– Я тебе сейчас кое-что покажу.

Володя кивнул. Я взглянул ему в глаза и спросил, как следователь на допросе:

– А что у тебя там с дамочками происходит? Что за история с Заремой?

Володя долго глядел в окно, за которым проплывал симпатичный пейзаж, потом заговорил тем развязным тоном, который я терпеть не мог:

– Ну уж и с дамочками, Игорь. Просто у меня много знакомых – славные девушки, так сказать, товарищи. Чисто дружеские отношения...

– Володя! – угрожающе прервал я его.

– Да ну, чего – «Володя», «Володя»! – оправдываясь, зачистил он. – С этими бабами не разберешься...

– А ты женись, – наставительно сказал я. – И разбираться не надо будет.

Потом со смехом добавил:

– Дашь детям какие-нибудь имена интересные: Эдгар, там, или Ромуальд!

– На ком жениться-то, Игорь! Тут весь кошмар в том, что они мне все нравятся. Одна всегда веселая, другая поет хорошо, у третьей папа интересный, доброжелательный и в семье уютно. А четвертая ингар-пол такой готовит, пальчики оближешь...

– Это значит, ты еще не любил никого, – сказал я. – Это все несерьезно. А с картишками что?

Володя чуть порозовел от неловкости – откуда я знаю про карты? Пожал плечами.

– Карт никаких нет.

– Да хватит мне заливать-то. С шантрапой связался.

Его точно током ударило.

– Ты пойми... Это ж не я их ищу... Они мне звонят, старые приятели... Так просто, вечер скоротать.

– Рассказывай мне. Послушать, так вы, Владимир Ильич, заняты бог знает на какой ответственной работе, решая судьбы мира. Ты мне смотри, чтобы здесь никаких карт не было.

Володя безропотно кивнул, уставился в окно.

Мы какое-то время ехали молча.

– Ты, Володя, на меня не обижайся.

– Да что ты, Игорь, я понимаю, – искренне и даже радостно воскликнул Володя и крепко пожал мою протянутую руку.

– Вот это правильно.

– Знаешь, даже здорово, если я здесь останусь.

– Останешься, останешься... Куда ты денешься? – улыбнулся я.

В полуденном воздухе разливалась какая-то томительная тишина – та, особая, что случается перед бурей. Но на небе не было ни облачка.

Машина остановилась возле покосившегося забора.

– Рупь за сто даю, такого ты еще не видел! Пойдем.

Перед нами расстиралось море зелени. В воздухе плыл

почти забытый густой травяной дух. Какие-то пичуги неистово приветствовали нас оголтелой песней. Я отворил калитку.

– Вот отсюда и досюда – наши владения! Где еще такую красоту сыщешь?!

Володя присвистнул.

– Двадцать соток. Одна часть – солнечная, а тыл в тень уходит. Идем, – я махнул рукой, увлекая его за собой.

Огромный участок был размечен стволами яблонь, словно расчерчен на клетки. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густые кроны.

– Это все твое? – восхищенно протянул Володя.

Я не удержался – упал в высокую траву, вдохнул полной грудью. Взгляд уперся в облака, в парящих стрижей. Скоро здесь будет мой дом.

– Так бы и лежал здесь часами. Представляешь? – я сел в высокой траве. – Уютно, тихо – но это центр города. Такое найти еще надо.

Я вскочил.

– Смотри! Вот здесь дом будет. Ну разве не сказка?

Володя смотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Ты чего? – удивился я.

– Мощно ты развернулся! – произнес он задумчиво.

– Так сказал, будто не нравится.

– Да нет, Игорь, все как раз очень нравится!

– Значит, работаешь?! Только смотри – дел много! Временка, где жить, есть. Все, что надо, – подвезешь. И вообще, уматывай ты из этого Кисловодска насовсем, здесь – жизнь. Найдешь себе бабу. Краевой центр, не то что там – глушь. Захотел в город – пять минут, и ты в самом центре!

– Вопросов нет, Игорек! – Володя почесал затылок.

– О чем тогда задумался?

– Сам не знаю.

– С девчонками проблем не будет. Води, сколько хочешь. Только про дело не забывай. Тихо, безлюдно! Знаешь, я сразу полюбил это место, честно тебе говорю. Я буду приезжать на выходных. Если какие дополнительные вопросы возникнут, звони и докладывай.

Я подпрыгнул.

– Ты посмотри, какая земля упругая! Да здесь что хочешь можно сажать – это же Ставрополье.

В глазах Володи нет-нет да и проскальзывал еле заметный скепсис, но я видел и другое – пробуждающийся интерес, азарт. Вдруг он меня прервал.

– А электричество, газ есть?

– Все подведут, подключат. Об этом даже не думай. Сейчас заедем к Жорке – познакомлю.

Володя смотрел на меня восхищенно.

– Вот ведь черт! Ты тут без году неделя, а всех уже знаешь...

– Вот и договорились! – я схватил его за руку и с силой потряс. – Поехали, перекусим.

Мы недолго посидели в жарко натопленной кофейне, где подавали армянскую тутовую водку, а главной деталью интерьера был диван с набросанными там и сям пестрыми подушечками, не хватало только гитары с бантом и чернобровой красавицы, которая пела бы романсы.

Володя слушал меня, глаза его горели. Наморщенный лоб выдавал напряженную работу мысли. Я протянул на прощание руку. Володя крепко ее пожал.

– Не волнуйся, Игорь! Не подведу.

– До встречи.

Я пошел к машине, ощущая, как он буравит мою спину взглядом, на прощание махнул ему рукой. Мотор глухо заурчал, и я исчез в вечерних сумерках.

Дорога тускло поблескивала в лунном свете, а я думал о том, не упустил ли чего.

XV

Лида только-только закончила кормить Женечку. По лицу видно было – устала.

– Ну как?

– Все отлично, – выдохнул я. – Брат твой полностью устроен. Это лучший вариант, о котором только можно было мечтать.

Лида обняла меня. В этом жесте было все: и благодарность, и радость от моего возвращения.

– Как Женечка?

– Ест хорошо. Скушает по папе.

Я улыбнулся. Обнял Лиду.

– От тебя пахнет жасмином! Точно как тогда, когда приехал похищать тебя на студенческое поле.

Лида рассмеялась.

– Я помню твои хитрости.

– Никаких хитростей не было. Я знал все сразу.

– Так уж и знал, – Лида умолкла. В легком домашнем платье с туго завязанным поясом, она снова стала собою – прежней. Она перехватила мой взгляд.

– Стараюсь вернуться в свои размеры.

– Ты прекрасно выглядишь!

– Пойдем на кухню. Тебя все ждет.

Она разложила по тарелкам жаркое, налила чай со сливками в розовые фарфоровые чашки и уселась напротив, сбросив домашнюю туфлю и поджав ногу.

– А ты чего не пьешь? – спросил я, пододвигая к ней чашку. – Тебе же надо, давай.

Я почему-то торопился. Мне все казалось, что сейчас Женечка подаст голос и Лида убежит.

– Ты ешь, ешь, – она рассмеялась.

Я отправил кусок мяса в рот. Да, в этом Лида превзошла мать и сестру – в кулинарном искусстве ей поистине

не было равных. То, что она делала с мясом, иначе, чем магией, назвать было нельзя.

– А ты? – спросил я с набитым ртом.

– Да я уже поела... Не смотри на меня, я просто устала, не хочу.

– Ну хотя бы яблоко, – настаивал я.

Она улыбнулась.

– Чему ты улыбаешься? Что смешного?

– Так! Интересно, а трое – это еще лучше, чем двое?

– Ты это к чему?

Чай согрел меня, усталость улетучилась.

– Давай ложиться, – сказала Лида. – Ты, наверное, устал?

– Устал, – кивнул я, доливая в чайник кипяток. – Надеюсь, твой брат не повторит прошлых глупостей. Я ему сказал: будешь работать – будешь жить нормально. Немного строгости тоже не помешает. На него деньги всегда валились с неба, он избалован, привык жить, как заблагорассудится.

Лида мягко улыбнулась.

– Не начинай.

– Нет, Лидочка, такая свобода, в которой он живет, часто заканчивается плохо. Нас отец держал жестко. И денег не давал. Так что мы сами вынуждены были крутиться. А тут – полная свобода, вот и результат.

Лида насмешливо покачала головой.

– Папа его любит, как умеет.

– Я не хочу об этом спорить.

– Вот и прекрасно. Я тебе признательна за то, что ты сделал. Идем, на Женечку посмотришь! Только тихо, он так чутко стал спать...

– Почему?

– Не знаю. Я на него только гляну, а он уже глазки открывает, ручонки тянет.

Мы вошли в детскую.

Сережа спал, разметавшись на кровати.

Сопел в своей люльке Женечка. Ручки и ножки его не престанно двигались, словно во сне он куда-то бежал. Заглянуть бы одним глазком – что ему видится? Он смешно чмокал губами, поворачивая голову на бок.

– Похож на ангелочка, – тихо-тихо сказала Лида и поцеловала нашего малыша в темечко.

Двое самых замечательных мальчишек на свете спали в своих кроватках, улыбаясь во сне.

Мы на цыпочках вышли из комнаты.

XVI

Я заснул рядом с Лидой, измочаленный суматошным днем, но странно успокоенный бесконечно прекрасной картиной – видом наших спящих детей. Не покидало ощущение, что с рождением Жени все плохое ушло. Это новое для меня знание подобно дождю смыло ненужные опасения. Уже в полудреме в сознании всплыло: нет никаких даров свыше; все, что у тебя есть, – результат упорной работы; Бог не слышит довольных, хочешь что-то получить – сначала заплати.

Вспомнился отец. Как мучительно долго, как томительно тянутся ночи в сырой камере! На этой тягостной мысли я провалился в сон.

XVII

Дни стояли жаркие, безветренные. К вечеру город сбегал от изнуряющего зноя на пляжи, к берегам рек и речушек, на острова, а некоторые – подальше, на взморье. Все, казалось, могли спокойно жить, только Бабаев не мог.

Володя регулярно звонил и сообщал о ходе стройки, о проблемах, которые я решал с помощью Жоры. Я мысленно отмечал скорость, с которой возводят дом.

– Лидусь, давай все вместе съездим в Ставрополь. Сережа с Женечкой воздухом подышат. Ей-богу, отдохнем денек-другой, а в воскресенье вечером будем дома.

В дороге Сережа сидел насупившись, иногда удивленно поглядывал по сторонам – за окном машины сменяли друг друга непривычные пейзажи. Женя мирно спал на руках у Лиды.

Я смотрел на мальчишек и улыбался.

– Сейчас выйдем на травку, увидишь, как это здорово, сразу всю усталость как рукой снимет, – сказал я Сереже. Потом улыбнулся Лиде. – Володя с утра уже ждет.

Володя и правда ждал. Ворота уже были предусмотрительно распахнуты. Я заехал на участок. Дом стоял на невысоком холме с пологими склонами. «Волга», заурчав, въехала на горку, качнулась и застыла под уклоном. Я с нетерпением выскочил, расправил плечи. Володя уже закрывал ворота.

Незнакомые места Сережу впечатлили. Он смотрел, как завороченный, что делают рабочие, как они что-то тащат, пилят, сбивают. Как сосредоточен был взгляд его серьезных глаз! Он словно пытался постичь смысл и цель всего этого многосложного процесса.

Потом его внимание переключилось на машину. «Волга» была для него чем-то вроде живого существа, в поведении которого его детскому уму надо было во что бы то ни стало разобраться. Еще в дороге я заметил, как его занимает руль и мои руки, сжимающие баранку. Поглазев на строителей, Сережа упросил меня разрешить ему посидеть на водительском сиденье. Он смешно вытягивал губы, изображая бибиканье, яростно тарашил глаза, крутя баранку, и кренился из стороны в сторону, словно гонщик.

Я возился в доме, как вдруг увидел в окно, что машина с Сережей за рулем, набирая скорость, катится задним ходом со двора на улицу – прямо на дорогу.

Я кубарем слетел с крыльца – за доли секунды преодолел расстояние до машины, увидел за стеклом Сережу, рванул на себя дверцу и вытащил сына. Сердце бешено колотилось. Слава богу, по улице никто не ехал.

– Игорь, что случилось? – Лида уже бежала к нам. Бледная, в глазах – неподдельный ужас. Задыхаясь, переводила глаза с Сережи на распахнутую дверь «Волги».

– Сережа умудрился снять машину с ручника.

Я вытер со лба пот. Сережа смотрел испуганно, не понимая, с чего такой ажиотаж.

XVIII

Дом рос на глазах, а я вспоминал детство. Как отец строил наше жилище, как это завораживало. Как из глины, перемешанной с соломой, мы лепили саманные стены, как забирались в огромные деревянные ящики... Вспоминал ведро с водой, колонку – бьющая струя, мириады радужных пузырей. Как же ломило зубы от холода!

Отец... Именно теперь, когда он был так далек, я по-настоящему чувствовал его близость – подлинную, глубинную, внутреннюю. Неподдельную.

С той поры так и повелось: каждые выходные мы стали ездить в Ставрополь.

XIX

Домой я приехал полумертвый и сразу же завалился спать. Среди ночи сон разорвало криком. Я с трудом разлепил глаза.

– Что?! Что случилось?!

Из соседней комнаты доносился пронзительный детский плач.

– Женья!

Меня словно ледяной водой обдали. Я вскочил, помчался в детскую. Шагая взад-вперед, Лида укачивала малыша.

Он плакал, то жалобно, то отчаянно.

– Лида! В чем дело?

– Не знаю!

– Вечером же все было хорошо?!

– Я ничего не могу понять...

Лида с тревогой смотрела на Женю.

– Дай мне его!

Я бережно взял малыша на руки. Плач усилился.

– Лучше я. Тебе надо отдыхать.

Лида склонилась над Женей. Зашептала ему что-то на ушко.

– Может, покормишь его?

– Я уже пробовала. Он отворачивается. Ты иди, я сама справлюсь.

Я послушно вернулся, попытался заснуть.

Малыш плакал не переставая.

Я опять пошел в детскую.

– Он не ест! – в голосе Лиды сквозил страх.

– Может, пить хочет?

Склонившись над ребенком, Лида поднесла ему бутылочку с водой. Женя отворачивался.

– Я его сейчас укачаю, – испуганно произнесла Лида, словно пытаясь успокоить уже не Женю, а меня.

Все было напрасно. Прошел час, потом второй. Лида ходила взад-вперед, что-то шепча и укачивая малыша.

Женя плакал все тише.

Днем я позвонил домой.

– Лида, как Женя?

Голос Лиды звучал бодро.

– Знаешь, вроде все нормально. Даже покушал хорошо. И не кричит.

– Слава богу! Не кричит – это хороший знак. Прямо камень с души. Постараюсь сегодня пораньше.

Вечером Лида уложила детей. Мы тоже отправились спать, даже не досмотрев программу «Время». Нас обоих сморило после бессонной ночи.

Я не понял, сколько времени прошло, когда тишину вновь прорезал детский крик. Я вскочил, не в силах сразу сбросить дремотное оцепенение.

Лида держала малыша на руках. Женя плакал навзрыд – громко, протяжно. Казалось, сейчас лопнут барабанные перепонки.

– Игорь, я не знаю, что делать!

– Давай скорую!

– Может, подождем до утра? Куда на ночь глядя ехать?

Я приложил ладонь ко лбу Женечки – мне он показался очень горячим.

– Да у него же жар! – воскликнул я.

Лида прислонилась губами к личику малыша.

– Он горит!

Измерили температуру – под сорок.

Я схватил трубку и стал судорожно набирать номер неотложки.

Скорая приехала через несколько минут и забрала Лиду с ребенком в больницу.

XX

Несколько дней Женю обследовали, но ничего определенного врачи так и не сказали. Только брали бесконечные анализы, кололи уколы, а диагноз поставить не могли.

Через три дня секретарша вытащила меня с совещания:

– Вас Лидия Ильинична! Из больницы!

Я схватил трубку.

– Игорь, я была у врача. Он сказал, с Женечкой все нормально... Но я почему-то не верю.

– Лидочка, врачу же виднее.

– Меня беспокоит то, что Женя перестал набирать вес. Я боюсь, он начнет сбрасывать...

– Ну, хватит!

Я в растерянности встал с кресла.

– Едем в Краснодар, там должны разобраться. Там и оборудование, и уход. Я сейчас же вышлю машину – заберу все документы, анализы...

– Только поскорей, прошу тебя.

Лидя на другом конце трубки начала рыдать.

В середине дня мы уже были в Краснодарской краевой больнице.

Здание современной детской клиники, спокойная уверенность врачей, количество персонала, оборудование – все выглядело обнадеживающе.

В приемном покое нас уже ждали. Лиду с Женей сразу куда-то повезли.

Я остался ждать в холле, перед закрытыми белыми дверями.

Было тихо и пустынно, словно на неведомой чужой планете. Ни звука, ни постороннего шума.

Вышел мужчина в белом халате, бросил на меня цепкий взгляд:

– Игорь Алексеевич?

– Доктор?

Он протянул мне руку.

– Что с моим сыном?

– Пока рано говорить. Нужно дождаться анализов.

Не переживайте. У нас есть все необходимое, чтобы помочь. Езжайте домой.

Он говорил штампованными фразами, но это странным образом сработало, волнение стало угасать.

Он еще раз пожал мне руку и ушел.

Все было как в тумане.

Я сел в машину, заехал в объединение. На автомате вернулся в Армавир. Временами ловил себя на том, что совсем не обращаю внимания на дорогу – всеми мыслями я был с Женей.

XXI

На комбинате ко мне подходили люди, задавали вопросы, я отвечал, давал указания – все машинально. В голове вертелось одно: что с сыном?

Вернулся вечером домой, и тут же позвонила Лида. Голос ее звучал спокойно.

– Игорь, кажется, все обошлось, – она выдохнула, – Женечке вроде получше. Только он слабый...

– Что врачи говорят?

– Они не знают. Но здесь все по-другому. Масса назначений: колют какие-то уколы, витамины.

– Он плачет?

– Уже нет! Просто обессилен. Представляешь, такую крошку колоть, брать анализы, он же ничего не ест... Глаза такие огромные...

– Лида, я прошу тебя, успокойся, – голос мой звучал твердо. – Ты сама как?

– Я – нормально. Не волнуйся. Здесь на самом деле хорошо: мы в отдельной палате, за нами смотрят. Сразу видно: другой уровень.

– И слава богу. Звони, слышишь?! Будут новости – тут же звони.

Я положил трубку. Если бы я умел молиться... Но какому богу? Я уставился в окно.

Над городом спускались сумерки. В домах напротив зажглись огни. Если бы не эти ровные прямоугольники света, можно было бы подумать, что за окном – океан, чернильная пропасть без конца и края.

XXII

Дождь, зарядивший с утра, лил все сильнее. Я щелкнул ручкой. Только что закончилось совещание, надо было идти в обход по цехам.

Меня окликнула секретарша:

– Вас Лидия Ильинична. Из больницы.

Я схватил трубку.

– Ну что?!

– Игорь, ты только не паникуй, но я не знаю, что делать – Женя теряет в весе...

– Но вы же в больнице! – чуть не закричал я. – Вас же лечат!

– Они разводят руками, Игорь! Он опять не ест.

На другом конце трубки повисла тишина.

– Лида! Лида! – закричал я. – Ответь.

– Я прошу тебя, приезжай, – почти простонала она умоляюще.

– Я выезжаю. Слышишь? Держись!

Это были страшные часы. Одна сплошная гонка со временем.

Я ворвался в кабинет главного врача.

Тот был растерян:

– Игорь Алексеевич, боюсь, мы не можем вам помочь. Не в наших силах. Диагноз не ясен. Больше, чем уже сделано, мы сделать не в состоянии. Я считаю, что пока не поздно, надо везти ребенка в Москву.

Пока не поздно? Я не верил своим ушам.

– Где у вас телефон? Мне надо позвонить по междугороду, – почти потребовал я.

– Конечно...

Врач протянул мне аппарат.

«Только бы он был на месте», – твердил я, как в бреду.

В трубке раздался сочный бас.

– Слушаю!

– Сан Саныч, выручай! – закричал я.

– Игорь! – Вакулин узнал меня с полуслова. – Что случилось?

Я, сбиваясь и путаясь, в двух словах объяснил ситуацию. Вакулин слушал, изредка вставляя короткие «да», «понял».

– Что ты скажешь? Сан Саныч?

– Игорь, ты привезти сына в Москву можешь?

– Пока еще да...

– Значит, так. Мы положим маму с ребенком в Боткинскую. Там специалисты по малым детям, специальное отделение. Если что-то сложное – то сразу направляют к ним. Думаю, это тот самый случай.

– Друг, спасибо тебе!

– Да никаких «спасибо». Срочно выезжай. Не забудь: выписка, назначения, анализы... Ты меня слышишь? Собирайся!

Я как безумный посмотрел на главврача.

Тот уже нажал кнопку на селекторе и отдавал все необходимые распоряжения.

Я спустился к Лиде в палату.

– Игорь! – Лида с ребенком на руках повернула ко мне бледное умоляющее лицо.

– Мы едем в Москву, успокойся. Слышишь?

Я, как молитву, повторял: «Только не паникуй. Ребенку от этого может быть хуже».

Женя, бессильно вытянувшись, лежал на руках у Лиды. Глаза его были закрыты.

– Как мы его повезем?! – жалобно простонала она.

– Другого выхода нет. Надо пробовать. Вас положат в Боткинскую. Я переговорил с Вакулиным.

Через пару часов на автомобиле скорой мы выехали напрямиком на летное поле краснодарского аэродрома – к трапу самолета.

XXIII

Ну я же говорил – все будет хорошо! – шепнул я Лиде, когда, приземлившись в Москве, увидел в иллюминатор карету скорой помощи. – Нас уже ждут.

Лида судорожно сжала мою руку.

В Боткинской, в инфекционном отделении, сновали деловитые, сосредоточенные медсестры. В кабинетах и палатах висел тяжелый запах дезинфекции. Лиду с ребенком сразу окружили врачи, я успел заметить ее растерянный взгляд, судорожно сжатые на груди руки, и крикнул:

– Ни о чем не волнуйся, я с тобой.

Она кивнула в ответ – сосредоточенная, с каменным лицом.

Появилась медсестра с никелированным контейнером, полным шприцов с толстыми иглами, – нужно было взять кровь на анализы. Мне стало больно на все это смотреть...

– Все будет хорошо, Лидочка, не паникуй, – дотронулся я до ее руки.

Лида кивнула. На ее щеке застыла слеза.

– Я только что разговаривал с главным врачом. Они во всем разберутся. Он обещал. Остается только ждать. Ты не волнуйся, Вакулин сказал, что здесь лучшие специалисты в стране.

Лида снова всхлипнула, кивнула.

– По крайней мере, здесь надежно, – почти одними губами прошептала она.

– Я буду звонить, слышишь?

Обнял ее. Поцеловал вялую, горячую ручку нашего малыша, к которой уже был подключен катетер, еще раз обнял Лиду, услышав, как гулко бьется ее сердце, и пошел к выходу. У двери обернулся.

– Вот увидишь, Лидуся! Они вас быстро на ноги поставят.

XXIV

Всю дорогу до улицы Новаторов меня не покидало чувство растерянности.

Валя возилась на кухне. Шипела сковорода, от плиты тянуло специями, шкворчало жарящееся мясо, а мне кусок в горло не лез.

Валя недоуменно смотрела на меня.

Я безучастно стоял у окна, слушая, как она мечется по кухне, закидывая меня вопросами: как там Лида, что сейчас с Женей... Если бы я сам знал ответы!

– А что адвокат? – снова спросила Валя.

Я заметил, как сильно изменилось ее лицо – ввалились щеки, заострился нос. Только взгляд прежний: цепкий, жалостливый, настороженный.

– Значит, про Лешу ничего не известно?

Я отрицательно покачал головой.

Валя удивленно посмотрела на меня, словно подозревая, будто я что-то недоговариваю, и, нахмурившись, вышла из кухни.

Надо было все спокойно обдумать. Кому бы я сейчас с удовольствием позвонил, так это Исаю, но он мне помочь ничем не мог.

Пальцы сами собой набрали номер Вакулина.

– Ну как, все нормально? Вас встретили?

– Да, Сан Саныч. Я только что из больницы. Отдельная палата. Спасибо тебе за все.

– Да о чем ты, Игорь, лишь бы все обошлось. Они там знают, что делать.

– Верю и надеюсь.

Мы еще поговорили с ним о его делах, о семье, о работе – все это мне казалось сейчас какой-то другой жизнью – и тепло простились.

Я вернулся в свою комнату. Посидел в тишине, мучительно размышляя. Потом решительно пододвинул к себе телефонный аппарат.

– Алло, – услышал я через пару секунд знакомый немного надтреснутый голос адвоката Арии.

XXV

Мы встретились на следующее утро в ресторане Дома журналистов. Людей было немного. Официантка сразу провела нас в кабинет.

Семен Львович выглядел неплохо, только лицо как будто еще больше осунулось, словно накануне он, как и я, не спал всю ночь. Взгляд спокойный, но какой-то потухший, как у человека, окончательно и бесповоротно разочаровавшегося в целом мире.

– Надеюсь, вы не сердитесь, что я вас так вот, неожиданно, вытащил, – начал я.

Он улыбнулся профессиональной улыбкой, в которой было столько же неопределенного «да», сколько и конкретного «нет».

– Все нормально. У меня тоже есть кое-какие вопросы.

Ария внимательно смотрел на меня, будто раздумывая, стоит ли начинать этот разговор.

– Игорь, тебе фамилия Янушкин о чем-то говорит?

Я немного удивился.

– Да. А в чем дело?

– Насколько близко вы с ним знакомы?

– Да он же ректор мясо-молочного института, в котором я защищался.

– Отец его хорошо знал?

– Да, они – близкие друзья.

– Понятно.

Ария постучал пальцами по столу. Я молчал, ожидая продолжения.

– В общем, я только вчера узнал – этого Янушкина неделю назад арестовали.

– Что? Он же ректор, ветеран войны, – вырвалось у меня, – уважаемый человек! Его-то за что?

Адвокат не торопился отвечать, словно мысленно взвешивал каждое слово. Откинулся на спинку стула, слегка прищурился, точно видел меня в первый раз.

– Есть информация – получил от коллег адвокатов, насчет ареста. И потом, недавно говорил с Каракозовым. Он тоже Янушкина упомянул. Много людей в это дело вовлечено, Игорь, ох, много. И все, как ты говоришь, уважаемые.

Он виновато улыбнулся, словно извиняясь за дурные вести. Я не выдержал:

– Но Янушкин? Он-то что мог натворить?

– А ты как думаешь? – во взгляде Арии появилась заинтересованность. – Только без эмоций...

Я задумался, перебирая в памяти события прошлого.

– Наверное, помогал кому-то... Я даже не исключаю, что и отец мог обращаться к нему за помощью. Но ведь это ерунда. Просто благодарность.

– Просто? – неожиданно живо переспросил Семен Львович.

– В смысле?

Глаза Арии превратились в щелочки, к которым у меня не было отмычки.

Я понял, что он имеет в виду.

– Семен, да они были друзьями! Отец хорошо принимал Янушкина у нас в Кисловодске. Но никогда я не слышал, что у них что-то там было, чтоб они обсуждали какую-то совместную деятельность. Общались часто – это факт. Отец водочку ему посылал, деликатесы. Я сам ему передавал. Ну, привез ящик водки – что с того?

– Ну, знаешь, Игорь, ящик водки можно представить по-разному. Обширный круг знакомств твоего отца создает ему сейчас массу проблем. Всем им он оказывал различного рода пусть даже незначительные, но услуги. И все это сейчас работает против него. Как эти факты подают следствие – вот в чем вопрос. Ведь можно расценить и как взятку.

Это было уже серьезно. Мне требовалось время, чтобы суммировать и разложить по полкам всю ошеломившую меня информацию.

– В общем, я не вижу в аресте Янушкина ничего хорошего.

Ария как будто вознамерился доконать меня своими паузами.

– Я буду сообщать тебе обо всех новых обстоятельствах дела, – он вдруг заторопился, – и прошу, не строй воздушных замков. Ситуация обострится.

Голос его стал жестким.

Ария замолчал, уловил мое смятение и неожиданно похлопал меня по руке.

– Отчаиваться тоже не надо, – он отодвинул чашку кофе, к которой даже не притронулся, и поднялся. – Ну, мне пора.

Я провожал его взглядом до самого выхода, точно выискивая знак, который мог подарить нам надежду.

– Игорек!

Чья-то рука легла мне на плечо. Я вздрогнул, услышав знакомый голос.

За моей спиной стоял Цыганков.

— Коля! Черт, ты меня напугал!

В последнее время мы виделись с ним все чаще, что, учитывая поводы, не делало меня веселее. Мы обнялись.

– Даже если ты не голоден, ты обязан со мной выпить.

Он потрепал меня по голове. Симпатичный мужик. Старательно демонстрировал радушие и гостеприимность.

– По глазам вижу: сейчас это тебе не повредит.

Я не мог выдавить из себя даже улыбки.

– Нет, нет... – словно услышав мои мысли, затараторил Цыганков, – ты не увиливай. Я не слепой, все вижу, все подмечаю. Эй, милая, ну-ка принеси нам чего-нибудь!

Официантка упорхнула выполнять приказ.

Призрачная надежда – хотя, в общем-то, с чего бы? – вдруг замаячила где-то на задворках сознания. Может, действительно, все не так плохо?

Официантка поставила на стол графинчик, тарелки с закусками, соленьями – наверняка очень вкусными, но сейчас мне на них и смотреть не хотелось.

– Ну что? По рюмочке на вход? – улыбнулся Цыганков. – Давай за встречу!

Я опрокинул рюмку, прислушался. Раздражение и желание куда-то бежать потихоньку отступали.

– Вот теперь верю, что ты тоже рад видеть меня! — Цыганков был абсолютно серьезен.

– Знаешь, – сказал я, – в общем и целом, пожалуй, ты один из немногих людей, которым я могу в лицо сказать, – я вымученно улыбнулся, – да, я рад тебя видеть.

– Ты по поводу отца? – кивнул Николай в сторону ушедшего Арии.

Голос у Цыганкова был феноменальный. Приятный, благозвучный, божественного тембра. Все, что было недодано ему в других отношениях, восполнялось этим аристократическим баритоном.

– Не только, Коля. Я сына в больницу привез.

– Что случилось?

– Что-то непонятное – кричит по ночам, есть отказы-вается. Мы уже все круги ада прошли. Пришлось везти в Москву, в Боткинскую.

Цыганков слушал внимательно.

– Нужен врач от бога, – резюмировал он.

Я кивнул.

– Три больницы прошли. Нигде – ничего! Вроде только все стабилизируется, как опять: боль, крик, плачет без конца. Лида с ума сходит. Ждем, что скажут здесь. Парень на глазах тает.

В глазах Цыганкова появилось неподдельное сочувствие.

– Послушай, – он налил еще по одной. – Ты их в больницу определил, сделал, что мог. Давай выпьем за здоровье твоего сына, нужно чуточку расслабиться. Переживаниями не поможешь.

– Могу признаться тебе: я не знаю, что делать. Где найти помощь?

Дверь кабинета открылась, на пороге появился человек в массивных квадратных очках, с зачесанными назад светлыми волосами и пронзительным взглядом.

Цыганков расцвел.

– Алан, здравствуй, дорогой! Ты вовремя. Мы только только начали.

Он поднялся из-за стола. Незнакомец, неслышно ступая, подошел к столу.

– Вот, знакомься, мой старый друг Игорь Бабаев – мясной король. Вся Кубань перед ним на лопатках!

Я улыбнулся, протянул руку:

– Здравствуйте.

– Алан, – сухо отрекомендовался незнакомец, пожимая мне руку.

– Ну, не скромничай. Расскажи, кто ты, – воодушевляясь, толкнул его в бок Цыганков. Потом обернулся ко мне.

– Игорь, Алан с виду хоть и простой парень, но довольно известный столичный журналист, только главное в нем другое, – он опять восхищенно посмотрел на незнакомца. – Он царь в такой области... Знаешь, – Цыганков запнулся, обернулся за поддержкой к незнакомцу. – Как про тебя сказать?

– Экстрасенс. Слышали?

– Экстра... что? – недоуменно переспросил я.

– Экстрасенс, – терпеливо, с мягкой улыбкой отозвался гость.

– Честно говоря, не очень в курсе.

Цыганков рассмеялся.

– Не ты один. Мало кто пока в курсе. Алан, – он снова повернулся к своему другу, – объясни товарищу, что это.

– Это умение управлять энергией, – не без самолюбования начал незнакомец.

– Особое умение? – я чувствовал себя, как в цирке. – А в чем это выражается?

– Людей лечу. Могу заряжать биополе человека, стен, зданий, вещей или воды, например. Формируется положительное поле, и тогда человек лучше себя чувствует, а если болен – выздоравливает.

Цыганков переводил взгляд то на меня, то на Алана, кивая головой в такт каждому слову человека-загадки.

Что за чушь, подумал я устало. Да и то сказать: сколько ртов, столько и правды.

Мой скепсис не остался незамеченным.

– Ты, Игорь, это брось! – накинулся на меня Николай.

– Не знаешь – это одно. А вот не знать и заранее не верить – это другое. Правда, Алан?

– Это для вас чудеса, – несколько обиженно отозвался пришелец. – А для меня – что-то вроде дара. Да, собственно, дар и есть. Недостаточно его иметь, с ним надо работать.

Он уселся рядом с Цыганковым, подальше от меня, и сделал вид, что страшно занят устрицами, которые только-только появились в ресторанном меню.

– И что же, люди верят? – спросил я, только чтобы не обижать друга моего друга.

– А дело не в вере, – с вызовом отозвался очкарик. – Дело в результате. Люди реально исцеляются. Я могу показать.

– Слушай. Он может сразу многих лечить, – восхищенно толкнул меня в бок Цыганков.

– Что? Прямо толпами? Как на собрании? – спросил я с усмешкой.

– Это тебе не шутки. И это не толпами, – обиделся за друга Николай. – Это реально работает, а ты – Фома неверующий.

– Да, я начинал с сеансов на собственном балконе. Под ним собирались люди, и я работал с ними. Но на самом деле я мечтаю проводить подобные сеансы по телевидению, – неожиданно горячо продолжил экстрасенс. Он заметно оживился, и теперь я видел перед собой увлеченного, горящего человека. – Чтоб люди в любом медвежьем углу могли получить помощь. Понимаешь, – он вдруг перешел на «ты», – туда скорая добраться не может, врачи не могут, а я – через телевидение – могу.

Цыганков аж светился от воодушевления.

– Игорь, это тебе не фантастика. Это горькая правда.

– Почему же горькая? – возразил Алан. – Она... не горькая. Это просто новое. С чем у нас не сталкивались.

Возникла небольшая пауза.

Цыганков радостно потер руки и поднялся. Глаза его сверкнули. Он стукнул себя ладонью по лбу.

– Игорь, да вот же выход!!! Тебе надо обратиться к Алану.

– Что-что? – не понял я.

– Да вот что! – воскликнул Цыганков. – Пусть Алан занимается с Женей!

Вот это поворот! Я на мгновение лишился дара речи, настолько ошарашило неожиданное предложение.

– Тебя никто не заставляет, – неправильно расценил мое молчание Цыганков, – но надо же попробовать. Попытка – не пытка.

Хм. А ведь он, пожалуй, прав. В конце концов, что мы теряем?

Глаза Алана сверкнули. Он явно заинтересовался.

– А что случилось? – спросил он, пересаживаясь ко мне поближе.

Я тяжело вздохнул.

– Давай рассказывай, – наседал Николай.

– Я сына в Москву привез. У нас никто не знает, что с ним происходит.

– Какие симптомы?

– Кричит по ночам, отказывается от еды, вес теряет. Врачи думают, что это инфекция.

Алан слушал внимательно, сверлил меня сочувствующим взглядом. «Дар свой хочет продемонстрировать, – мелькнула мысль. – Ну и пусть. Не жалко нисколько, если он есть. Только пусть поможет».

– Я могу поработать с вашим сыном, – объявил экстрасенс. – Он сейчас где?

– В Боткинской.

– Давай, – он снова продолжил на «ты», – я завтра подъеду к нему и попробую помочь. Хуже не будет, – он

произнес это убежденно, мягко, но настойчиво, как человек, которому действительно есть что предложить. Меня в этих вещах не обманешь.

Цыганков толкнул меня в бок – мол, соглашайся.

Соглашаться? Мысли застопорились, я словно впал в какую-то прострацию – ту, что нередко сопутствует глубоким прозрениям. Голос Цыганкова звучал умиротворяюще, сам его тон казался мне спасательным кругом.

«С Арией он тебя не подвел», – шепнул внутренний голос. Меня всегда вела по жизни интуиция. В этот раз она тоже сделала стойку. Оставалось только узнать мнение Лиды, но для этого нужно было привести к ней Алана.

– Хорошо. Я вас завтра встречу. Попробуем.

Цыганков расцвел.

– Вот увидишь, – он с силой хлопнул меня по плечу, – ты все правильно делаешь. Он уже не обращал на меня внимания, целиком переключившись на Алана. Сыпал историями, рассказывал, как спиной ощущает присутствие экстрасенса в ресторане, стоит тому войти.

Значит, так тому и быть.

Всего час назад не было на свете соломинки, ухватившись за которую я мог бы выкарабкаться из своих проблем. И вот она появилась.

Я поднялся. Алан крепко пожал мне руку. Его взгляд я чувствовал на своей спине, пока не сел в машину.

XXVI

После завтрака, как только забрали посуду, дверь камеры шумно открылась и конвоир прокаркал:

– Бабаев – на допрос.

Алексей уже привык к скрежету засовов, перестал вздрагивать. Он медленно поднялся, точно огромный медведь, запертый в клетку для зайцев, и вышел в коридор.

– Лицом к стене, руки за спину!

Лязг наручников.

«Как они здесь с ума не посходили от такого эха», – мелькнула мысль.

Проход с конвоиром по серому коридору под тусклым светом забранных решеткой ламп. Спуск на два этажа. Куда его ведут?

Томительное ожидание. Открывается дверь. Коридор. На этаже, где шли допросы, царило тягостное, как в мертвецкой, безмолвие.

– Проходи, – конвоир ткнул в спину.

Алексей молча вошел. Конвоир снял с запястий наручники. Лицо хозяина кабинета было абсолютно лишено мимики – словно высечено из камня.

– Садись, – он мельком взглянул на Бабаева и продолжил что-то писать. Потом отбросил ручку и снова посмотрел на арестанта. Глаза серые, почти стальные, недобро поблескивающие.

– Ну что, не надумал еще выйти на верный путь?

Эрзол Бабаев быстро втянул в себя воздух, словно силась распознать опасность по запаху. Следовательно по особому важным делам Прокуратуры СССР генерал Герман Каракозов сегодня был в каком-то загадочном настроении.

– Какой верный путь? – переспросил, словно дурачась, Алексей. Шутят они с ним, что ли?

– Мы скоро подготовим обвинительное заключение. Так что отпираться не имеет смысла.

– Да? А в чем обвиняют?

Герман Петрович неожиданно улыбнулся, будто его подопечный выдал какую-то уморительную хохму.

– Вы недопонимаете. На вас много чего есть. И только чистосердечное раскаяние может помочь. Иначе мы... – Каракозов неожиданно сделал ударение на этом загадочном «мы», – вас потопим.

Алексей Наумович едва заметно улыбнулся.

– Может, не стоит меня запугивать?

– А никто не запугивает. Я считаю своим долгом просто проинформировать. Пока еще не поздно...

– Герман Петрович, а можно без протокола?

– Мы тут одни, говори.

Алексей выпрямился. Получится ли то, что он задумал? Его слегка лихорадило, даже бросило в жар, сердце колотилось как сумасшедшее.

Каракозов в упор смотрел на него, ожидая продолжения. Неожиданно он провел большими сильными ладонями по лицу. Свежее до этого, оно вдруг как-то набрякло, оплыло.

Стало слышно, как на стене тикают часы. Алексей Наумович, прищурившись, взглянул на собеседника.

– Герман Петрович, я могу решить любые материальные вопросы. Мне это по плечу, уверяю. Только помогите выйти из этой клетки.

Эрзол слышал, как оглушительно бьется сердце. Говорили они на равных, и то, как внимательно слушал его Герман, как смотрел исподлобья, будто что-то высчитывая в уме, рождало надежду. Потому он и решился на этот отчаянный шаг.

А Каракозов ждал. Просто ждал, когда Бабаев заговорит снова. И Эрзол это вдруг уловил. Неведомое шестое чувство, не раз выручавшее в безнадежных, казалось, обстоятельствах, подсказало: с Германом Петровичем что-то творится – идет какая-то трудная внутренняя работа. Вот только понять бы ее.

Генерал поднялся из-за стола. Грузная фигура его казалась почти громадной. Он подошел вплотную к Бабаеву, навис над ним, как скала.

– Алексей Наумович, ты как себе это представляешь? Ты думаешь, все так просто? Денег мне дал – и все?! Ну

ладно я, – Каракозов сделал размашистый жест, словно обвел рукой воображаемых собеседников. – А Эфенбах, а Калиниченко, а прокурор, в конце концов. Уже столько материалов подшито к делу, что все это вымарать – просто невозможно.

Он криво и болезненно усмехнулся, точно стыдясь своих слов. Глаза его смотрели пристально, выжидающе: чья возьмет?

Эрзол не понимал, как воспринял его слова Каракозов. Герман Петрович шаг за шагом, скрупулезно, детально пытался восстановить схему теневой работы своего подопечного, разгадать секрет его невероятной предприимчивости, деловой хватки, изобретательности. Его интересовало даже не количество денег, присвоенных Бабаевым, а сам механизм. Как он умудрялся их делать, оставаясь абсолютно чистым – не подкапаешься? Перед ним сидел виртуоз, мастер своего дела, суть которого оставалась следователю неведома.

– Леша, ты гений теневого дела. И мы готовы упечь тебя... – он сделал томительную паузу, – на пятнадцать лет. И даже более того. Но всегда есть что-то, что может помешать. Послушай меня.

Чем дальше и подробнее он рассказывал Эрзолу свою версию того, как тот действовал, тем вернее, как он думал, подходил к своей главной цели: превратить подарок, товарищеское участие Эрзола в жизни чужих или близких ему людей во взятку. Искренний дружеский жест – в тяжкое преступление – подкуп. И чем дольше он говорил, тем скорее становилось лицо Алексея Наумовича, до которого это теперь дошло.

– Ну-у, я готов обсуждать, если возникнет желание, – повторил он.

— Спасибо. Если припрет, обращусь, – Каракозов плотоядно ухмыльнулся. Пристально посмотрел в глаза

собеседнику, встал – так резко, что стул под ним жалобно пискнул, и Эрзол почуял запах ярости – настоящий запах охотника, ночи напролет караулящего жертву в засаде.

– Да я пошутил, – вдруг рассмеялся Эрзол гортанно.

– Ну что ж, если пошутил, тогда, Леша, считай, что шутки твоей я не понял или не расслышал. А если хочешь правду, то скажу тебе в открытую. Ты мужик неглупый, должен понять: ты настолько глубоко засел, что вылезти не получится. Сотни страниц запротоколировано. И дело не только в том, что вы там с ректором мясо-молочного крутили. Кстати, твой друг Янушкин говорить начал.

Лицо Эрзола дернулось. Так вот что Каракозов для него приготовил!

– Там гораздо более интересные вещи всплывают. И для тебя я вижу только один выход – пойти на сотрудничество со следствием. Этим ты сможешь заслужить снисхождение суда.

Эрзол искоса взглянул на Каракозова.

– Какие же такие доказательства у вас?

Каракозов промолчал. Ярость в его крови не забурлила. Его уже радовало ощущение предстоящего смертельно опасного удара и томило, мучило, угнетало то, что Эрзол все время из-под удара этого уходил.

Он любил, чтобы все делалось сразу – как решил, так и будет, – а тут жди теперь, когда этот хитрован снова раскроется, допустит промах, ошибку. Жди, пока не получишь от него ответный удар.

Эрзол смотрел на генерала безучастно. Как говорили древние, без гнева и пристрастия. А самое главное – без страха.

– Кто там что говорит? Люди многое болтают, – почти с улыбкой произнес Алексей Наумович.

– Ты же сам прекрасно знаешь, что ты жил, как... – Каракозов задумался, подбирая слово, – капиталист.

Твердые ясные глаза следователя буравили Эрзола.

— Герман Петрович, тратить деньги еще никто не запрещал. И что с того, что я жил вольготно? Я родился в семье, которая не знала бедности. Я что, виноват в этом? Да, я привык жить достойно. Наверняка этому завидуют. И из зависти наговаривают лишнее...

Каракозов рассмеялся. Смех у него был — как железом по стеклу. Визгливый дискант, совершенно не гармонирующий с внешним обликом.

— Леша, я даже не буду говорить о твоих делах здесь, в Москве. И твои следы в Чечне — это, по сути, мелочь. Гораздо интереснее твоя деятельность в других местах, — Каракозов махнул рукой куда-то за окно, — еще до перевода в столицу. Там твоя деятельность — точнее, хищения — имела совершенно другие масштабы, и нам это известно.

— Считайте как хотите, — ответил Эрзол. — То, что я делал, это не хищения. Вы что?! Это мой профессионализм. Я — классный закройщик. Это мне очень помогло. Но я у государства и копейки не взял! Я никому не нанес урона. Только работал и зарабатывал. Есть нормативы и условия, которые позволяли мне как профессионалу делать то, что я делал. Но не воровал я никогда — и вы этого не докажете.

Каракозов бросил взгляд на папку, которую зачем-то достал из ящика, и убрал ее обратно.

— Почему же? Поверь мне, нам достаточно доказать одно преступление. А к нему мы просто приложим факты, показания других людей, которых у нас — море!

Герман Каракозов, наконец, взглянул снова на Эрзола, ожидая увидеть его живые, полные насмешливого блеска глаза, но в них, на самом доньшке, вдруг прочел поразившие его растерянность и страдание. Как не похоже на Бабаева! Лицо его стало пепельным, только в позе сохранялась твердость, даже жесткость, какое-то негибкое

упорство, так не вязавшееся с той мукой, что на мгновение мелькнула во взгляде.

– Это будет отягчающими обстоятельствами, – отчеканил он. – И прибавит тебе срок. Поверь мне, получить семь или десять – куда привлекательнее, чем пятнадцать.

Алексей вопросительно вскинул брови.

– Гражданин начальник! – голос Алексея Наумовича прозвучал неожиданно сипло. – Я могу закрыть все вопросы.

– У нас преступники не могут вопросы следователей закрывать! – отрезал Каракозов. И резко рассмеялся.

– Ладно, Леша, будем считать, что обменялись шутками, и... забудем об этом. Подумай лучше о своем будущем. И не только о своем, – генерал умолк и вдруг, глядя в глаза Алексею, добавил: – ты подумай о своих сыновьях...

– Они совершенно ни при чем!

Герман Петрович сладко улыбнулся.

– Но у них проблемы, Леша.

Эрзол опустил голову.

– Если они попали в сложную ситуацию, то не по своей воле – это правда.

– Подумайте о сыновьях, Алексей Наумович, – Каракозов внезапно перешел на отчужденный формальный тон, от былой приветливости не осталось и следа.

Разговор был окончен. Генерал нажал кнопку вызова. В дверях появился конвоир.

– Уведите.

Лязгнули наручники. Эрзол двинулся к выходу – чуть ссутулившись, не так победно, как входил.

У самой двери его остановил голос Каракозова:

– Бабаев! Положение не самое безнадежное. Но настал именно тот момент, когда необходимо принять решение. Правильное решение.

Эрзол, не оглядываясь, вышел.

XXVII

Здание детского корпуса Боткинской больницы выросло передо мной неожиданно. Мы свернули по асфальтовой дорожке, торопясь к указанному месту.

Я шел чуть впереди, Алан – за мной.

Всю ночь я думал об этой встрече, представлял, готовился, что скажу, но наступил день, и все изменилось.

По какому-то наитию – после ареста отца явно обострилось чутье – я решил привести Алана, не спрашивая разрешения у врачей. Просто нагрянуть с ним, как со старым приятелем, свалиться как снег на голову. Дать ему карт-бланш.

В палате было темно, занавески задернуты. Не будь это лето таким тяжким, я и сам, пожалуй, с нагловатым удовольствием завалился бы сюда в качестве пациента. Со своим скромным взносом, разумеется, – ящиком пива или парой бутылок армянского коньяка. Таким умиротворением и безмятежностью веяло здесь.

В палате, куда поместили Лиду с Женей, я уселся прямо на тумбочку.

– Алан, проходи.

Лида испуганно посмотрела на незнакомца в белом халате и, приняв его за врача, замерла в ожидании.

– Это не врач, Лида. Точнее, врач, но... – я замялся, не зная, как объяснить.

Лида вопросительно смотрела на меня.

– Лидочка, это Алан Чумак. Он экстрасенс – ты сейчас поймешь, что это... Он может помочь Жене, это новая методика.

– Что? – Лида недоуменно переводила взгляд с меня на Алана и обратно.

– Он непростой доктор. Энергией лечит, – произнес я, как будто это все объясняло и сразу могло снять вопросы.

– Чем? – опешила Лида.

– Лида, мы ничего не теряем. Мы остаемся в больнице под наблюдением врачей. Мне без разницы, кто поможет нашему сыну, – лишь бы его спасти!

Последняя фраза ударила Лиду, как плеть. Она удивленно посмотрела на меня:

– Это не опасно?

– Это и не больно. Ни ты, ни Женечка вообще ничего не почувствуете.

– Ты можешь объяснить, что я должна делать?

Я посмотрел на Алана: «Выручай уже, давай». Тот кашлянул.

– Позвольте мне сказать два слова. Лидия Ильинична, это совершенно безопасно. Проще говоря, я даже не буду прикасаться к вашему сыну. Я лечу так, как лечили наши предки. Может быть, вы даже слышали: шаманы.

– Кто?

– Неважно, – Алан смутился, поняв, что допустил промашку. – Главное, это не требует никаких медикаментов. И совершенно безопасно. Потому что бесконтактно.

Лида явно была сбита с толку. Если бы не мое присутствие и уверенность, она бы уже бежала по больничному коридору с криком: «Кто пустил сюда этого шарлатана?!».

– Игорь, но у нас уже целый день все спокойно. Ему вроде бы лучше.

– Лидочка, ты можешь гарантировать, что это больше не повторится?

Лида печально покачала головой. Взглянула на Алана с надеждой, но и не без опаски: холодок недоверия еще не растаял окончательно.

– Вы позволите мне поработать? – спросил Алан.

– Как это – поработать?

Я обнял Лиду.

– Ну ты чего? Это же друг, а не враг.

– Что мы должны делать? Я не отпущу Женю.

– И не надо, – отозвался Алан. – Я не потревожу ни вас, ни вашего мальчика.

– ?

– Лечение уже идет.

Алан принялся водить руками вдоль стен, как бы на расстоянии ощупывая их. Молча он обошел все пространство вокруг Лиды.

Потом приблизился к кровати, где спал Женя, и воздел над ребенком руки, точно собираясь его крестить. Я замер, наблюдая, что будет дальше.

– Игорь, не надо, наверное, – занервничала Лида.

– Успокойся, он же не трогает ребенка, – прошептал я, словно в церкви. – Он так работает, понимаешь.

Алан минут пятнадцать стоял над Женькой, лицо его было торжественно отрешенным. Поначалу я ничего не ощущал, но, глядя на него, волей-неволей подумал: что-то все-таки в нем есть. Он преобразился. Не то чтобы появился какой-то нимб, нет. Но от него исходили волны такой веры, такой силы, что это было убедительнее всяких слов.

Наверное, со стороны все это смотрелось забавно, но в пассах, совершаемых Аланом, явно были смысл и логика, для него очевидные, да и на нас с Лидой это в конце концов действовало – иначе чем объяснить, что столько времени мы безропотно наблюдали весь этот балет.

Я почувствовал прилив крови к голове, тепло в руках. Надо будет спросить у Лиды, что ощущала она.

Алан священнодействовал, водя руками над головой, грудью, животиком и ногами Жени. Иногда морщился, словно нащупывал что-то неожиданное. Иногда как будто удивлялся. При других обстоятельствах я бы, наверное, поднял его на смех. Но в этой палате все воспринималось магически серьезно, наполняло наши души надеждой.

Алан опустил руки и обессилено отошел от Жени. Похоже, выжат как лимон.

Я посмотрел на часы. Невероятно! Прошло больше часа. Лида сидела опустошенная, не поймешь, довольна или нет, боится или перестала. Кажется, все-таки успокоилась.

Алан погладил Женю по голове.

– Хороший у вас мальчик, – резюмировал он. – Все будет благополучно. Не волнуйтесь, – обратился он к Лиде, словно прочитал немой вопрос. – Мне понадобится еще десять таких сеансов. Я могу сюда приходить каждый день?

Лида посмотрела на спящего малыша, который за все это время удивительным образом ни разу не пискнул. Потом на меня, потом на часы и с надеждой кивнула.

– Игорь, а ты? Ты ведь будешь с нами?!

– Лидочка, мы же говорили... При всем желании. Мне завтра надо улетать.

Я повернулся к Алану.

– Ты можешь приходить сюда каждый день и работать.

Алан провел над головой Женечки еще раз, нежно и сочувственно заглядывая ему в глаза. Потом попрощался и вышел из палаты. Я пошел его проводить.

– На самом деле я ничего не почувствовала, – протянула Лида разочарованно, когда я вернулся. Я не нашелся, что сказать, просто смотрел на ребенка, как он сладко спит, и таял от нежности.

– Ты ему серьезно веришь? – негромко переспросила Лида.

– А почему нет, Лидочка?

Иногда удача принимает самую удивительную форму, и надо иметь нюх, чтобы ее распознать.

– Надежда – это уже половина победы, – произнес я убежденно. – Благодаря кому мы выйдем отсюда, совер-

шенно не важно. Врачам, медикам, шарлатанам, целителям – лишь бы вылечили. Понимаешь?

Лида молча склонила голову и просто произнесла:

– Делай как знаешь.

Ну вот и договорились.

– Ты с адвокатом встречался? – спросила она меня, словно устыдившись, что вспомнила об этом только сейчас.

– Да.

– Что он сказал?

– Нюансы всякие. Не бери это в голову. У тебя сейчас одна задача, – я кивнул на Женечку, – поправляться.

– А как Валя?

– Нормально! – я махнул рукой. – Что с ней станет? Ждет отца, и слава богу.

XXVIII

Всю дорогу до Внуково меня не покидало ощущение чего-то важного.

Такое приподнятое настроение бывает в предвкушении большого праздника. Подспудное ощущение чего-то значительного не уходило – вопреки нависшим над всеми нами опасностям.

Самолет загудел, тяжело отрываясь от земли. Меня вдавило в кресло. Я смотрел вниз, на стремительно уменьшающиеся дома, на ленты дорог, становящиеся все уже, и думал, какие же мы все-таки крошечные – даже самые великие из нас. Как ничтожны мы пред мощью природы, которая сама не знает, на кого обрушится в следующую секунду, кого облагодетельствует.

С этими мыслями я провалился в дремоту.

Открыл глаза, когда бортпроводница объявила, что самолет идет на посадку.

XXIX

Редакционная статья «Кубанской правды» огорошила заголовком: «Назначен новый руководитель Кубани».

На моем веку это уже третья смена: Медунов, Вороников и вот теперь Разумовский – старый аппаратчик, противник Медунова, точнее, его тайный недоброжелатель.

Он был рьяным проводником тех процессов, которые происходили сейчас в крае.

Поговаривали, что после перевода Медунова, когда в край нагрянули следователи из Москвы, Разумовский, хорошо знающий всю подноготную нашей кубанской кухни, стал активным сторонником и даже апологетом тех политических процессов, что были связаны с Медуновым.

И теперь, когда у власти в крае встал он, ожидать чего-то хорошего для нас, ставленников Тарады, было наивно.

Бывшего главу Кубани вознесли до небес – перевели на работу председателем Совета Министров СССР.

Новая метла – кого она выметет?

Я набрал номер.

Слава взял трубку сразу. Его «алло» как по волшебству вернуло меня в далекое прошлое. Есть голоса, которые слышишь с самого детства, – они никогда не стираются из памяти, возвращая тебя к самому началу, стоит лишь им зазвучать.

– Слава, ты слышал?

– Ты о чем?

– О новом первом.

– Да, – безразлично отозвался он. – Об этом со вчерашнего вечера трубят.

– Пропустил. Я только из Москвы.

– Был у адвоката?

– И да, и нет. Виделся, конечно, но прилетал не за этим. Женю с Лидой отвез в больницу.

- Как он себя чувствует?
 - Вроде стабильно. Проблемы были, и серьезные. Теперь – посмотрим.
 - Ты не молчи, если что надо...
 - Да все в порядке, Слава. Я про этого Разумовского...
- Ты о нем что-то слышал?
- А ты чего всполошился?
 - Просто надо понимать: мы от него можем ждать только беды.
 - Ну, знаешь... – Слава задумался, что можно было понимать двояко. – Нас лично как это касается?
 - Не скажи.
 - Это из-за отца...
- Я промолчал.
- Как он там?
 - Тишина. Без подробностей. И лучше – не копать.
- Теперь замолчали мы оба.
- Ладно, будешь ближе – заезжай. Лидочке мои наилучшие пожелания, Жене – скорейшего выздоровления.
- Мы простились.

XXX

На следующий день посреди обеда мне дозвонилась Лида.

- Ну что там, Лидусь?
 - Игорь, сегодня целый консилиум был, только-только ушли! Несколько профессоров. Смотрели Женю, расспрашивали, как все началось. Прописали курс поддерживающей терапии.
 - Так что они сказали?
- Лида растерянно произнесла:
- Ничего!
 - Как ничего?

– Ничего конкретного.
– Вот дают. А ты сама как считаешь – ему лучше?
– По крайней мере, не хуже – точно. Мне кажется, все-таки – немного лучше.

– А что Алан, приходит?
– Да, приходил сегодня опять. Все то же самое. Очень пунктуальный.

– Еще бы, – усмехнулся я, – пятьдесят рублей за сеанс.
– Что?! – удивилась Лида. – Ты платишь этому шарлатану такие деньги?! Игорь! Давай заканчивать. Не верю я во все это.

– Лида! Что заканчивать? Врачи ничего конкретного не говорят, а он хоть что-то делает. Посуди сама: он не вредит Жене. Пусть проведет свои десять сеансов, а там посмотрим.

– Если б я знала о деньгах – ни за что бы не согласилась!

– Поэтому я тебе и не сказал.

Лида сокрушенно вздохнула.

– Как Сережа?

– Вчера вечером заезжал к Киму – все хорошо. Лидочка, ты звони, сообщай, если что срочное. Целую.

Я дождался, пока на другом конце не запищит сигнал отбоя, и только тогда с легкой душой положил трубку.

Лида звонила каждый день, голос ее звучал бодро, с Женечкой теперь все было неплохо. Приступы больше не повторялись.

А через десять дней звенящим от радости голосом она сообщила:

– Игорь, нас выписывают!!!

– Лидочка! Я же говорил!

– Да, – она счастливо рассмеялась.

– Я пошлю за вами машину, слышишь?! Скажи, какой рейс.

XXXI

Я томился в аэропорту, нетерпеливо поглядывал на часы, ожидая приземления самолета. Диктор профессионально безликим голосом прогундосила о прибытии нужного мне рейса.

Наконец-то! Я начал проталкиваться через толпу встречающих.

Появились первые пассажиры. Еще издали я выхватил взглядом Лидину фигуру с нашим мальчиком на руках.

– Родненькие! – я бросился к ним, обнял Лиду, подхватил на руки Женю.

Женечка улыбнулся мне, протянул ручки. Я поцеловал его. Лида нежно смотрела то на него, то на меня.

– Наконец-то!

Она прижалась ко мне.

Я смотрел на нее, на ее сияющее лицо.

– А ты похудела.

– Разве?

– Ты нормально себя чувствуешь? Сильно похудела, просто девочка!

Лида улыбнулась.

– Скажешь тоже.

Мы подошли к машине. Оттуда с криком выскочил Сережа, бросился к Лиде и повис у нее на руках.

– Соскучился, родной?

Лида осыпала Сережу поцелуями.

– Ты как тут без меня?

Сережин голос дрожал от счастья.

– У дяди Кима здорово! Мы играли... Только я тебя все время ждал.

Лида посмотрела на меня. Я пожал плечами.

– А ты как думала?

– Теперь мы будем все время вместе.

XXXII

Тамара хочет, чтобы мы переоформили дом, – сказал я вечером Лиде.

– А что с ней?

– Она заболела. Онкология – это серьезно... Это все так не вовремя. Вчера позвонила, как снег на голову. Не знаю, что делать.

Лида удивленно смотрела на меня.

– На себя я сейчас не могу оформлять. Это опасно.

– Переоформи на меня!

– Не пойдет. Шито белыми нитками – сразу поймут, что дом мой. Наверное, лучше на Володю оформить. Все равно он там живет. Кстати, его назначили мастером на комбинате.

– Когда? – Лида вскочила.

– Недавно. А по поводу дома – в выходные едем, с Тамарой, все быстро переоформляем.

– Сережа будет рад. Так это точно?

– Что?

– Переезд? Ты точно решил переезжать?

– Не знаю. Вроде все тихо, но... что будет завтра? Вдруг придется срочно сниматься. Все туманно.

– Может, не ждать, бросить все и сразу уехать, а?

– Одним переездом ничего не решишь. Наоборот – подумают, что сбежал. Нет. Пока будем там только наездами.

XXXIII

Все-таки классный дом получился. Красавец! – я обернулся к Лиде, ожидая реакции.

– Быстро, – восхищенно протянула Лида.

– Главное, до зимы удастся закончить. Когда кругом непонятно что – пусть хоть дом радует.

– Игорь, не думай о грустном.

– Да-а, – я махнул рукой, – от судьбы не уйдешь.

– Все обойдется, вот увидишь. Скоро Новый год... Давай куда-нибудь поедем.

И правда, не махнуть ли куда-нибудь, в самом деле? Только куда? Я посмотрел за окно.

– Володька!

Я обернулся на шум открываемой двери.

– Вы как это мимо меня незаметно просочились?

Володя вошел в комнату, Лида повисла у него на шее. Раскрасневшийся, словно с долгой дороги, он бросился ко мне, обрадованный, крепко обнял.

– Без звонка? Вот так?

– Какие звонки? – удивилась Лида.

За дверью послышался детский лепет.

– Ой, кажется, Женя проснулся, – она всплеснула руками, выскочила из кухни.

– Чем порадуешь? – спросил я Володю.

Что-то шальное появилось в его лице, тонкие брови изогнулись, голову он чуть откинул, глаза смотрели совершенно по-новому.

– Есть что показать, – он обвел рукой комнату.

– Да уж видел, видел, – одобрительно отозвался я.

На подоконнике, закрывая часть окна, стопкой лежали книги. Я вытащил одну наугад:

– А это что?

– Да ты ж и заставил! Вот, сопромат штудирую.

– Получается?

– Трудновато, Игорь, – усмехнулся он.

– Ты с бумагой читай! Точные науки всегда советуют с бумагой, с карандашиком, конспектировать. В голове лучше укладывается, когда умные мысли повторяешь. Ручкой поводи по бумаге – больше отложится.

Володя засмеялся.

– Да ладно, справлюсь...

Лида вернулась с Женечкой. Голова малыша покоилась у нее на груди, он уже проснулся, безмятежно смотрел на мир, прижавшись к матери.

Володя расцвел, показал Жене козу, малыш рассмеялся.

Я мельком взглянул в окно, пытаюсь вспомнить, что за мысль мелькнула минуту назад.

– Слушай, а поехали с нами на Эльбрус Новый год встречать? А? Там воздух, покатаемся. Увидишь сборную Союза по горнолыжному спорту!

– Да я в Кисловодск собирался, Игорь. Зарема ждет.

– Успеешь ты к своей Зареме!

Я посмотрел на Лиду.

– Я только «за», – улыбнулась Лида и ушла с Женечкой.

Я с удивлением смотрел на Володю.

– А ты что?

– А мама? Одна останется? Ты же небось Ларису с девочками берешь?

– Ну а чего им там сидеть?

– Вот видишь... А маму куда? Нет, хоть на Новый год с ней побуду, а то она совсем одна.

– Ты у них когда последний раз был?

– На тех выходных.

– А где отец?

– Да он дома не появляется. Видно, совсем увлекся своей молодухой...

– Ну, как знаешь, – протянул я.

– А чего там знать? Мать, сам понимаешь, в каком состоянии. Так что вы езжайте, а я с ней останусь.

Я пожал плечами.

– Надумаешь, присоединяйся.

Володя крутанул меж пальцев какую-то яркую, явно импортную зажигалку.

– Ты слышал – Тамара заболела. А дом на нее оформлен. Надо переоформить.

Володя кивнул, явно думая о чем-то своем. Равнодушно посмотрел на меня, встретив мой напряженный вопрошающий взгляд.

– А в чем проблема? Твой друг, этот Троицкий, решает такие вопросы мигом.

– Ну ты ж понимаешь, не на себя же! Сразу все вскроется, случись что. Сам видишь, какая картинка: отец сидит, а сын тут такую домину себе отгрохал. Давай на тебя оформим. Все равно ты тут живешь, работаешь, учишься. Так что все складно получится.

– Да я не против, – пожал плечами Володя, – пожалуйста.

– Тогда завтра подскочим, подпишем бумаги, будто ты купил этот дом.

– О чем разговор? Сделаем, – с ровной улыбкой отозвался Володя, закуривая.

Он вдруг отчего-то повеселел. Темно-карие глаза его засветились, словно он увидел для себя нечто интересное.

– Я вижу, тебе здесь совсем неплохо, – заметил я.

– Ну а чего скучать, в конце-то концов?

– А я тебе говорил, что здесь все по-другому. Посмотри! Приосанился, пиджачок модный прикупил. Зажигалочки такие, что не у всякого.

– Да, Игорь, – смущенно улыбнулся Володя, – все в порядке. Жизнь вообще прекрасная штука, особенно когда есть на что жить.

– Я ж тебе говорил: здесь все серьезно. Придет время, и мы сюда переберемся, – с улыбкой закончил я.

Жора Троицкий не подвел: как настоящий волшебник, всего за 20 минут помог переоформить дом на Лидинового брата. Что ж, одной проблемой меньше. В воскресенье вечером мы вернулись в Армавир.

XXXIV

Перед самым Новым годом я закрутился как белка в колесе. Сверял отчеты по годовому и квартальному планам, сопоставлял цифры, старался не упустить ни малейшей детали.

Конец декабря получился скомканным, и я не заметил, как подошел к концу месяц, а вместе с ним и год. Год тяжелых испытаний для нашей семьи...

31 декабря рано утром мы выехали и из Армавира.

Ким свернул на Кисловодск – подобрать Ларису с детьми, а мы направились напрямик к снежной вершине Эльбруса.

Там уже ждала гостиница. Мой хороший приятель, директор нальчикского мясокомбината Умат Кожаев организовал настоящий кавказский прием.

В нашем номере Лида первым делом распахнула шторы. Сам собой вырвался возглас восхищения:

– Ух ты!

Она потянула меня к окну.

Прямо перед глазами возвышался ослепительный заснеженный горный пик. Заходящее солнце окрасило облака в темно-пурпурные тона.

Вот это вид! Что говорить, Умат умеет принять гостей. Я чувствовал себя польщенным.

Пока Лариса с детьми располагались в соседнем номере, я пошел вниз – оформить какие-то бумаги – и нос к носу столкнулся с Тягачевым.

– Леня?!

– Игорек! Почему здесь? Я думал, ты с нами будешь.

– Так я же с детьми. Женька еще крошка... Нужны условия. Ты, вообще, имей в виду: нас много – Лидина сестра с детьми, Сережа Цымбал с женой и ребенком должен подъехать. Тут, хочешь не хочешь, комфорт нужен.

– Понятно. Расширенной делегацией, значит? – рассмеялся Леонид.

– Ничего не попишешь!

– Ну завтра-послезавтра – давай к нам. У нас все на мази – подъемники, трасса...

– А вы приходите к нам Новый год встречать. Мы тут стол организуем. Дед Мороз придет со Снегурочкой, – хохотнув, я хлопнул друга по плечу.

– Значит, вы будете есть икру, веселиться, а я после тренировок буду на это глазеть? Так, что ли? Нет, брат, я тоже веселиться буду и летать хочу. Так что ждите!

– Своих-то приведешь?

– Ну конечно, – расплываясь в широкой улыбке, ответил Леня.

XXXV

За несколько мгновений до полуночи в динамике что-то шелкнуло, и тамада начал обратный отсчет секунд, оставшихся до конца старого года.

Запенилось в бокалах шампанское, зазвенели стопки с прозрачной беленькой под многоголосое «ура». Мир перешагнул на новую ступеньку!

В ресторане играл оркестр. Посреди зала уже танцевали. Гостиница гудела, как улей. Мы сдвинули столы и уселись большой веселой компанией – мы, Лариса, Цымбал с Олей, Леня со своими спортсменками...

Была глубокая ночь.

Во дворе грохотали петарды. Повалил снег.

А у нас веселье было в самом разгаре. В зале уже все перезнакомились, гости переходили от стола к столу, кто-то свойски хлопал кого-то по плечу, кто-то вел задушевные разговоры.

Услышав свое имя, я обернулся.

Цымбал тянулся ко мне с бокалом.

– Давай, теперь твой черед.

– Что?

– Да ты все проспал! Историю! Рассказывай свою самую смешную новогоднюю историю.

Все обернулись ко мне.

Я смутился, начал рассказывать какие-то байки, что-то привирая о наших с Леней Тягачевым приключениях – как мы возили на вершину Эльбруса первого секретаря Писаревского.

Цымбал слушал мой рассказ, то удивляясь, то еле сдерживая смех. Иногда поглядывал с недоверием – да ладно, брось! Не может быть!

Я увлекся. Мои слушатели – тоже.

Цымбал то и дело прерывал мой рассказ взрывами хохота. Ольга, его жена, наоборот, слушала совершенно серьезно, уперев подбородок в ладони.

Хохотали и заливались, явно веря каждому слову, Лариса и Лида.

Да и почему им было не верить?

Я говорил все увлеченнее, отчаянно жестикулируя, показывал, как мы спускались по трассе, как я обгонял Писаревского, а он отчаянно пытался скрыть, что не умеет стоять на лыжах.

– Ну и что – доехали? – спросил Цымбал, когда я сделал паузу.

– Куда?

– Ну, до подножия горы.

Все покатались со смеху.

– Да, конечно, доехали – только лыжи потеряли. Пришлось идти по колено в снегу.

Дружной хохот проглотил окончание фразы.

Цымбал уже стонал от смеха.

– Игорь, перестань! Ну так же не бывает!

– Почему не бывает? А если человек на лыжах никогда не стоял?

Я тоже не мог удержаться от хохота, собственные приключения мне и самому уже казались какими-то неправдоподобными байками.

Часов в шесть утра оркестр заиграл «Затихает Москва...». Ну что ж, значит, пора. Обессиленные, мы разошлись по номерам.

Когда мы вновь открыли глаза, день был уже в разгаре. Низкое солнце пробивалось сквозь легкие облака. Вставать не хотелось – так бы и провалялся весь день в номере, но приехал Умат и повез нас всех в горы – на настоящий горный пикник.

Да, ради этого определенно стоило ни свет ни заря встать с постели!

Весь мир раскинулся передо мной как на ладони.

Какие-то чужие, совершенно незнакомые люди казались ужасно родными. Трое кавказцев крутились у огня. Уже успело стемнеть, и пламя костра отбрасывало фантастические отблески на лица.

Цымбал клевал носом, его Ольга, завернувшись в тулуп, спала у костра прямо на снегу.

У мангала колдовал здоровенный армянин. Он не переставая крутил шампуры, с них капал плавящийся жирок, раскаленные угли отзывались шипением. А запах! Умат, вытянув губы, остервенело дул на снятые с шампура обжигающие куски мяса, откусывал по маленькому кусочку и, смешно коверкая слова, говорил, что почти готово, но надо еще подождать, совсем немного. Потом хитро посмотрел на меня и вдруг сказал, что счастлив наконец меня видеть, что сделает еще больше – только попроси. И все благодарил меня за помощь. Я помог ему когда-то просто так, без всякой задней мысли. А он все не мог этого забыть – до сих пор.

XXXVI

Румянец играл на Лидиных щеках, глаза блестели. Женечка, не отрываясь, смотрел на маму. Три отпущенных нам дня пролетели как одно мгновение.

Мы возвращались домой. За окном проплывали величественные горные пейзажи Кавказа. Но вот они остались позади, на смену им пришли унылые виды предместья Кисловодска.

Лариса с детьми поехала сразу домой, а мы с Лидой, Женей и Сережей зарулили на Катыхина.

Хаво встретила нас у калитки. Я подошел к ней. Она обняла меня крепко, прижалась лицом к моему плечу, словно хотела впитать все мои заботы, потом, широко раскинув руки, бросилась обнимать внуков.

– Ты мой родненький! Уже совсем большой! Какой тяжеленький стал!

Она подхватила Женечку на руки, стала укачивать, вглядываясь в его глаза.

– На тебя, Игорек, похож. Вылитый ты.

– Крикун и начальник, – рассмеялась Лида. – Уже сейчас, если разойдется, не уговорить. Давайте я подержу, тяжело же.

– Своя ноша не тянет. А это кто у нас тут такой смысленый? – Хаво повернулась к Сереже и зашебетала на каком-то особом, только им двоим понятном языке, состоящем сплошь из ласковых междометий.

Потом принялась расспрашивать меня, как мы живем, что делаем, – всем этим незатейливым вопросам, которыми любая мать при встрече засыпает сына, казалось, не будет конца.

Я с удовольствием скинул обувь, надел шлепанцы и отправился на кухню, где уже пахло чуду и ингар-пол поблескивал золотыми кольцами лука.

– Я уж думала вас с милицией разыскивать, – Хаво принялась расставлять тарелки, с нежностью поглядывая на меня. – Все ждала, когда заедете. И не только я, – она улыбнулась.

В комнату вошел дед в своем вечном потертом пиджаке, с которым ни за что не соглашался расстаться.

Сдал он сильно, ничего не скажешь.

– Игорек, родной! – дед прищурился, сияясь разглядеть меня.

Обнял, по-отечески похлопал по спине.

Ну что, за стол? Эти запахи! Незабываемые, самые любимые – с детства.

– Небось проголодался с дороги, а, Игорь?

В голосе деда проскальзывали странные нотки, словно он видел уже не только нас, а что-то большее, словно воображение, заменяющее уставшие глаза, открывало ему какие-то неведомые для всех прочих миры.

Он что-то рассказывал, то и дело перескакивая на давнее прошлое.

Когда, наклонившись к самому уху Лиды, дед принялся увлеченно что-то ей говорить, я повернулся к Хаво.

– Как он, мам?

– Ох, Игорь, – она вздохнула. – Плохой совсем стал, возраст свое берет. Памяти нет, – она озабоченно поджала губы. – Все боюсь, потеряется. Блуждает где-то, забывает дорогу домой.

– Давай его врачам покажем!

– Так были уже у врачей. Разводят руками – старость. Так и живем. Ох, если бы Алеша, сынок, был здесь – все было б иначе. Не слышно ничего нового, как он там? Здоров ли?

– Поверь мне, мам, он чувствует себя гораздо лучше, чем вы, – я попытался уйти от больной темы. – Ты скажи, по дому все сделали, что нужно?

– Ох, Игорь, да. Крышу заменили, покрасили, что нужно, площадку поправили. Теперь хоть за дом я спокойна.

– Ну так чего жаловаться?! Не надо переживать. Все устроится, отец выйдет – я не сомневаюсь.

– Да когда выйдет,ждемся ли мы его?

– Мам, прекрати ты это. Ты его сама встречать будешь, вот увидишь.

После ужина я поднялся наверх к деду. Тот уже ждал меня. Его пиджак висел на спинке стула, словно знак капитуляции перед всеми делами, а сам дед сидел перед раскрытой деревянной доской, расставляя на ней круглые фишки нарда.

– Что? Хаво успела пожаловаться? – рассмеялся он.

– Думаешь, сдал я. И не думай. Оно, конечно, до поры до времени всегда козлом прыгается. Все нипочем. А потом – порожек. Перешагнешь и задумаешься.

– У всех по-разному, – заметил я.

– Ну, солидность у каждого появляется, когда лысина заблестит, – усмехнулся дед. – Одним словом, хоть еще и есть порох, но уже не выстрелишь...

– Да будет тебе, Нахамьё!

– Да буду, буду, не волнуйся. Возраст мой – переходный, с этого света – на тот. Пенсионер. Старый человек – и все.

И добавил, усмехаясь:

– После того как звонок прозвенит, нет-нет, а заметишь, что ведешь себя по-другому. Возраст лезет из всех щелей. И разуться охота там, где разуваться бы не нужно, и полежать не вовремя хочется, а ежели куда-то бежать надо и что-то делать – новое, интересное, – мысль подлая откуда ни возьмись подскочит: «А к чему это? А не послать ли все к черту?»).

Говорил он неожиданно здраво, весело, подтрунивая над собой. Может, не так все плохо, как говорит Хаво?

XXXVII

На следующий день мы с Лидой пошли к Анне Григорьевне. В доме Михайловых как будто что-то неуловимо изменилось, я только не мог понять, что именно.

Анна Григорьевна выглядела, как всегда, по-королевски.

Тут же стала накрывать на стол.

Пока она хлопотала, я исподтишка ее разглядывал. В глазах, несмотря на всякие женские хитрости, – глубоко запрятанная, затаенная обида. Словно силится что-то забыть. И лишь при взгляде на детей и внуков оживает, светится счастьем.

Сели обедать. Вот он – тот дивный, почти забытый уют михайловского дома! Как в прежние времена – дружной семьей сидим все вместе, весело и просто разговариваем, подшучиваем друг над другом, смеемся...

– Ох, Анна Григорьевна, я от вас лишние килограммы домой привезу, – в притворном изнеможении я откинулся на спинку стула.

– Я рада, что было вкусно, Игорь.

– Мама! – крикнула из коридора Лида, – мы с Ларисой пойдем погуляем с детьми.

– Конечно, идите, воздухом подышите.

– Да они уж надышались.

– Спасибо тебе, Игорек. Я все вижу, что ты делаешь.

Я обвел глазами комнату. И только тут понял, что не так. Нигде ни малейшего признака присутствия Ильи Владимировича. Даже пачки сигарет забытой не видно.

– А что Илья Владимирович, как у него дела? Про Володьку-то я лучше вас все знаю, а вот о нем мало что слышу.

– А мне почем знать, – сухо ответила Анна Григорьевна. – Уж второй месяц как его нет...

– Наверное, на заготовках, не клеится у него там?

– Он мне не рассказывает.

Повисла пауза, будто я коснулся чего-то запретного, о чем упоминать вовсе не стоило. Хотелось провалиться сквозь землю. Но уже через секунду теща вновь смотрела на меня прямо, светло и ясно.

– Игорь, у меня к тебе просьба.

Анна Григорьевна открыла секретер и достала коробочку.

– Вот, посмотри – это наша семейная брошь. Стоит хороших денег. Мне не трудно ее продать. Но чужим людям – не хочется. Если тебе нужно – купи. Пусть в семье останется.

Да... Видно, совсем худо с деньгами.

– Четыре тысячи вас устроит? Я потом передам через водителя...

Анна Григорьевна кивнула.

– Спасибо тебе, Игорек.

– Да не за что.

– Я за Володю спасибо говорю. Ты для него, можно сказать, наставник, – улыбнулась Анна Григорьевна.

– Дай бог! Глядишь – в начальники выбьется. Главное, чтоб институт закончил.

– Что ж я сию? – спохватилась она. – Я же вам в дорожку кое-что собрала.

Круглые глаза ее внимательно, ласково и печально смотрели на меня. Я молчал, разжевывал кончик спички. Анна Григорьевна вздохнула, подошла ко мне.

– Такая зима эта – нехорошая. Как будто в пьесе какой-то живем, с так называемым подтекстом.

Она кивнула за окно.

– А все куда проще, Игорек. Спасибо тебе.

Теща неловко обняла меня.

– Да что вы, Анна Григорьевна!

– Ты знаешь, за что. Все стесняемся лишний раз сказать... Все боимся, как бы не получилось смешно. А что же тут смешного, если такая забота.

Голос у нее сорвался, она отвернулась, словно вот-вот заплачет, но глаза ее были сухи.

– Ты уж присматривай там за Володей.

– Да куда он денется. Не волнуйтесь, – я поднялся. – Мы поедем уже.

– Так скоро?

– Пора и честь знать.

Она торопливо кивнула.

– Я понимаю. Дела?

– Не могу я так долго отсутствовать.

XXXVIII

В понедельник в 10 утра мы все уже сидели на совещании у Гречаного в Краснодаре.

Гречаный был сегодня какой-то странный, все полистывал свой блокнот – «псалтырь», или «поминальник», как мы называли его между собой.

– Таким образом, тут, как совершенно справедливо отметили, показатели по нашему объединению неплохие.

Он снова посмотрел в лежащие перед ним бумаги. Потом снял очки, оглядел присутствующих и вздохнул.

– Не знаю даже, как вам сказать – язык не поворачивается. Директора краснодарского комбината Черепова арестовали.

Повисла тишина. Мой сосед шепнул:

– Мужик-то был хозяйственный, вроде все в порядке у него всегда.

Гречаный потер подбородок.

– Что у нас вообще происходит? Сегодня ты дело делаешь с человеком, а завтра он уже в кутузке сидит. Черт-те

что творится. Не знаешь, что и думать. По работе Черепова у меня никаких нареканий не было. Проверок оттуда – он кивнул вверх – к нему не присылали, внимание ОБХСС он не привлекал, ума не приложу...

Он посмотрел на нас.

– Я не думаю, что его арест связан с деятельностью комбината. Документы не изымали, меня ни о чем не спрашивали.

Голос Гречаного звучал тревожно, было понятно, что он почему-то сочувствует Черепову, что тут не только страх за собственную карьеру... словно он знал гораздо больше, но не мог сказать. Захотелось подбодрить его, но при всех об этом нельзя было и подумать.

Гречаный словно услышал мои мысли, посмотрел на меня внимательно, потом продолжил.

– Я вас хотел предупредить: будьте предельно внимательны в работе. Очень беспокойное время. Кругом проверки, инспекции и так далее. Смотрите, не подведите. Я уже не знаю, с кем мне работать. Людей физически не хватает!

Он сокрушенно смолк.

Мой сосед почесал затылок, потом тихо заметил, как бы ни к кому не обращаясь.

– Крепкого мужика убрали. Зачем?

Черепов в самом деле был профессионалом. Я задумался. Как все-таки уход Медунова сказался на нас всех!

Гречаный снял очки, многозначительно протер их, вернул на место, показывая, что еще не закончил.

– Кроме этого, арестован Шилин из Мясомолторга. Многие предприятия работали по фондам этого управления. Значит, могут проверять всех, кто был с ним связан.

Все сидящие за столом невольно подобрались и будто затаили дыхание. В звенящей тишине Гречаный продолжал говорить, но я его уже не слышал. Нервы натянулись

как струны. Мозг сверлила мысль: «Раз взялись за Черепова, значит, дело зашло далеко». В памяти всплыл давний разговор. Как-то Черепов спросил меня, можно ли обратиться к Тараде за помощью с выделением квартиры.

– Да что ты в самом деле? – ответил я ему. – Попроси Анатолия, он все сделает. Отблаговаришь его...

А что, если Черепова забрали за эту «благодарность»?

И тут я окаменел. А что, если все проще? Вдруг это никакое не следствие, то есть никакая не дедуктивная работа сыщиков, а все гораздо примитивнее, жестче и оттого страшнее: Анатолий Георгиевич начал говорить?..

Дальше логически следовал ужасающий в своей простоте вопрос: когда же наступит наша очередь? Нет, этого не может быть. Мы же – свои.

Слова Гречаного вонзились мне в уши:

– Не возьметесь за ум, возьмутся за вас.

Кого возьмут, за что? Я даже не понял, о чем это он.

Нестерпимо хотелось курить. Машинально полез в карман за сигаретой. Страха не было, даже сердце не забилося чаще.

«Нас это не касается», – мелькнуло в голове.

Голос Гречаного вернул меня к действительности.

– Игорь, ответь.

Я очнулся.

– Что?

– Игорь, я к тебе обращаюсь, – Гречаный смотрел на меня с недоумением. – У тебя же основные объемы с Мясомолторгом были связаны. Все поставки на Сочи шли через шилинское управление?

Я кивнул.

– Без их ведома ничего не проводилось.

– Так я тебе говорю: проверь, все ли в порядке с отчетностью. Вопросами Сочи будут интересоваться в первую очередь. И всем остальным, – он посмотрел на собрав-

шихся. – Контакты, особенно с Мясомолторгом, перепроверьте. Шилин, не Шилин, чтоб комар носа не подточил. И будьте готовы к возможному вниманию со стороны проверяющих органов. На сегодня все.

Участники совещания, вставая, загрохотали стульями.

Из мрачного оцепенения меня вывела секретарша Гречаного.

– Игорь Алексеевич!

– Да?

– Вам фамилия Абрамов о чем-то говорит? Вот, просил ему перезвонить, – она протянула мне листок бумаги с номером.

Как он меня нашел?

XXXIX

Я молча набрал номер, дождался ответа:

– Алло, Захар? Это Игорь.

Бодрый голос дяди Захара напомнил о прошлом. Сердце невольно сжало холодными тисками. Как там Турунж? Сколько ж я ей не звонил?

– Игорек! Уж не чаял тебя поймать. Ты молодец, что перезвонил. Нужно срочно встретиться.

Я снова подумал о матери, о работе, о том, что давно не толковал с Захаром по душам, а надо бы. Представил себе летний дождик в Дагестане, теплый туман...

И раздраженно посмотрел на стайку директоров, что толкались в приемной Гречаного, обсуждая арест Черепова и Шилина. Убежать бы от них всех подальше, чтоб никто не нашел!

– Захар, давай на углу Красной и Главной встретимся, там кафе есть – посидим. Сейчас сможешь быть?

– Да я тут рядом. Минут через пятнадцать буду.

– До встречи.

XL

Отыскивая свободное место, я искоса наблюдал за Захаром. Глаза его поблескивали, не иначе уже успел пропустить рюмку-другую. Что-то он какой-то озабоченный.

– Как ты, Игорек?

– Да все хорошо. Женечку недавно из Москвы привезли – выхаживали там.

– Давай выпьем за его здоровье.

Мы заказали водки, закуску.

– Дважды отец Советского Союза, поздравляю тебя! – Захар опрокинул рюмку.

– Как у тебя дела?

– Если ты сомневаешься, Игорек, что они – хороши, то да – они хороши, не жалуюсь.

Официантка поставила перед нами пирожные и чашки с чаем. Глаза Захара затуманились, словно он сам не очень-то верил своим словам.

– Ателье работает, клиентура есть. Дочка растет... Все как положено.

И принялся за пирожное.

– Где твой брат? – спросил я.

– Сидит у себя в Махачкале.

– А сестра?

– Бухгалтер, на складах работает, там же, в Дагестане, – прихлебывая чай, отвечал Захар. – Я у нее был.

– А сын ее?

– Сынуля в армии.

– В тылу?

– Зачем? В десанте! Он мастер спорта. В армии честь по чести.

В голосе дяди слышалась грусть.

Я понимал, зачем он пришел.

– Игорь, ну вы б хоть иногда проводывали мать, а? Чай, не чужой человек.

Я помедлил.

– Как она там?

– Живет потихоньку. Только вами и живет. Фотографии ваши держит у кровати. Хвори ее одолевают. Ты заехал бы как-нибудь.

– Захар, да сейчас не до этого.

– Знаю, Игорь. Просто не могу я видеть, как она страдает. Ей всего-то нужно – понимаешь, что? Игорь, это не чужой человек. Это мать, живая, понимаешь?

– Как-нибудь, – уклончиво ответил я.

В душе поднималось глухое бешенство. Вот ведь – лезет в мою жизнь, указывает, что делать... От осознания правоты Захара хотелось завывать.

– Это все? – спросил я чужим, официальным голосом.

– Нет. Игорек, – лицо Захара стало очень сосредоточенным, – я вот чего тебя позвал. Знаешь, я тут с одними ребятами общался... Информация до них дошла. Всем понятно, что случилось с отцом, но имей в виду – под вас со Славой тоже копают. И капитально...

– В каком смысле «копают»?

– Понимаешь, есть утечка... Кое-кто здесь в курсе, слышали от московских, не знаю, о чем конкретно речь, но, мол, отец не в одиночку действовал – втянул детей своих. Это не просто слухи. Это информация. Определенно, вы под пристальным вниманием. Есть какая-то зацепка относительно вас. Но какая, мне неизвестно.

Я смотрел на Захара, не в силах поверить.

– Не знаю, как они это делают, но вы в разработке. Это факт. Наверное, пойдут какие-то проверки, скорее всего, начнут раскапывать деятельность на производстве. Не могу сказать конкретно, что станут делать. Только будьте осторожны. Перепроверьте все по десять раз.

Я застыл как громом пораженный.

– Спасибо, что предупредил...

– Не вешай нос, Игорь! Еще не вечер.

Захар как-то весь ссутулился, словно извиняясь, что принес печальные новости. Мы простились почти сухо.

Я вернулся в машину и вдруг сообразил, что теперь не знаю, куда ехать.

Задумчиво посмотрел на водителя и тихо произнес:

– Едем в Тихорецк.

Не было ни страшно, ни грустно. Просто как будто бензин кончился. Нужно было срочно поговорить с близким человеком, найти выход.

XLI

Это не конец, – всю дорогу вертелось в голове. – Слухи – это всего лишь слухи».

Весть о том, что мы с братом попали в разработку, принесла мне странное спокойствие.

Я не заметил, как доехал до Тихорецка.

«Волга» остановилась у административного корпуса ликеро-водочного завода. Я поднялся в Славин кабинет. Он удивленно оторвался от бумаг.

– Какими судьбами?

Я стремительно подошел к нему, обнял.

– Слав, я проездом. Пойдем, покажешь свой комбинат.

Слава обескураженно кивнув, уставился на меня.

– Ну, пойдем.

Как только мы вышли из здания, я тихо сказал:

– Слав, не торопись!

Он испуганно обернулся.

– Поговорить надо.

Слава застыл.

– Отец? – спросил он одними губами.

Я покачал головой.

– Только что с Захаром виделся.

– С дядей Захаром?

– Да! Он сказал, что мы в разработке. Под колпаком.

Несколько секунд мы глядели друг на друга, застыв между цехами, прямо на улице, укрытые от любопытных глаз глухими стенами кирпичных корпусов.

– Откуда он знает? – спросил он с какой-то непонятной интонацией.

– Ему друзья какие-то слили. Неважно, какие. От московских пришло. Важно то, что говорят, что мы в деле отца тоже замешаны. Это версия следствия.

И опять мы замолчали. Когда молчание стало невыносимым, я произнес:

– Я больше ничего не знаю, Слав. Раз даже до Захара слух дошел, значит, что-то есть. Я был у Гречаного. Он новость рассказал: взяли Шилина и Черепова. С Шилиным все понятно – еще тот махинатор. А вот арест Черепова – это знак.

– Какой знак?

– Он меня про квартиру как-то спросил, мол, может ли Тарада помочь. Я тогда ответил: если он попросит – никаких проблем не будет.

– И что?

– В общем, Черепова по производству вряд ли взяли. Там все чисто. Его взяли по этой самой хате, понимаешь?

– А откуда они могли узнать?

– От него, Слав, от него...

– От кого? – не сразу понял Слава. – Постой! Ты думаешь, Анатолий Георгиевич заговорил?

– Я думаю, он сдает всех нас на всю катушку. Никаких сомнений в том, что он там сидит и расписывает, кто, когда и сколько ему заносил.

– И что же нас ждет? Тюрьма?

– Сплюнь! – стоя здесь, меж цехов, на пронизывающем ветру, я вдруг ощутил, что такое воля. – Никто этого не сказал. Важно быть осторожными. Но надо понимать: нами займутся. Это лишь вопрос времени.

– Если уже не занялись...

– В смысле?

– Проверяющие. У меня. Мне позвонили, предупредили, – Слава смотрел на меня с ужасом, к которому при­мешивался какой-то почти детский восторг, будто прямо у него на глазах вдруг начали складываться детали замысловатой головоломки. – В нашем управлении проверяют комбинат по поставкам. Смотрят фонды, изъяли отчетность... Здесь еще ничего не было, но мне сообщили, что в Краснодаре уже вплотную занялись заводом.

– А что могут найти?

– Достаточно, поверь мне. Анатолий действовал всегда по бумагам, через управление – туда спускал указания по фондам на поставки, и оттуда шли средства на закупку сырья. Все вроде бы официально.

Слава был белый как мел.

– Я тебя понял. Как сказал Захар, это еще вилами по воде, – я посмотрел на часы. – Слушай. Мне пора...

– А обед?

– Не до этого сейчас. Надо домой.

Слава обнял меня крепко, как никогда раньше.

– Сейчас надо быть ближе друг к другу.

– Лучше подумай, как выпутаться.

– Ну, давай!

Он хлопнул меня по плечу и долго смотрел мне вслед.

Всю обратную дорогу меня не отпускала мысль: Черепов, проверки у Славы – это все звенья одной цепи. Раз начали копать, значит, есть информация. А она могла прийти только от одного человека.

Никаких прямых признаков того, что за меня взялись, пока не было, но словам Захара я верил. Да и Славка, в общем-то, тоже все подтвердил.

XLII

Игорь, на тебе лица нет! – Лида встретила меня в своем любимом шелковом халате – темно-розовом, вышитом золотом, – который я купил в потребкооперации.

– Ты чего такой странный?

– Устал страшно.

– Случилось что? – допытывалась Лида.

– Пока не случилось, но все к тому идет, – задумчиво произнес я.

– Игорь, не томи, лучше скажи, как есть.

– Сегодня в объединении сообщили, что посадили Черепова. Жаль... Хороший мужик, дельный.

– Тебе-то что до него?

– А у меня с ним разговор был. Я ему подбросил идею – решить проблему с квартирой с помощью Анатолия Георгиевича.

Лида внимательно слушала меня.

– Не успел я переварить эту новость, как на выходе мне сказали, что меня Абрамов разыскивает.

– Захар?

– Да. Специально примчался. Сказал: нами со Славой занялись вплотную.

– Как так «занялись»?

– Вот так. Следствие заинтересовалось нами. У Славки уже проверки по работе, меня тоже будут трясти.

На лице ее отразилась целая гамма чувств от неверия до ужаса.

– Прошу тебя, перестань так реагировать! Сейчас нужно собраться и подумать, как действовать. Может, имеет

смысл что-то прибрать в квартире, чтоб не бросалось в глаза. Надо быть ко всему готовыми.

Я не стал больше ничего говорить, просто крепко прижал Лиду к себе.

XLIII

Стук своего сердца и телефонный звонок – наверное, уже не первый, – я услышал одновременно.

Это они. Конечно, они. Кто еще станет звонить в такой час?

Я уже пришел в себя после вчерашнего. Конечно, правильно сделал, что поехал к Славе, все обсудил – бежать от судьбы бессмысленно. Да и не стану я спасаться бегством. Не в моем это характере. Слишком просто!

Из соседней комнаты доносились голоса детей: Сережа кричал, требуя от мамы внимания, Лида возилась с Женей.

Голова болела. Телефон разрывался.

Я поднял трубку.

– Игорь, это Ария говорит, – тенорок Семена Львовича показался чуть ли не родным.

Я облегченно выдохнул.

– Я слушаю, Семен!

– Тебе нужно подъехать в Москву.

– Это срочно?

– Хорошо бы в течение недели – полутора.

– Мне надо согласовать свое отсутствие. Или придумаю командировку. Я отзвоню, как улажу.

Я положил трубку.

– Кто звонил? – встревожено спросила Лида, заглядывая в комнату. Она теперь тоже стала чутко прислушиваться к звонкам. – Что-то случилось?

– Ария звонил. Просит прилететь.

XLIV

Все дела были улажены, и я смог вылететь в столицу.

– Хорошие новости, Игорь, – с порога успокоил меня адвокат.

– Какие?!

– Мне сообщили, что отца в пятницу перевели из Лефортово в «Матросскую тишину».

Я удивленно посмотрел на него.

– А что в этом хорошего?

Ария улыбнулся.

– А это, во-первых, говорит о том, что следствие потеряло к нему интерес. Во-вторых, он больше не будет в одиночке. Это, я тебе скажу, еще то испытание. Общая камера есть общая камера. Все-таки хоть какое-то общение. И кроме всего прочего – это возможность свидания.

– Свидание? Когда?

– Это вопрос. Придется подождать. Ты располагаешь временем?

– В разумных пределах.

– Думаю, ждать долго не придется, я уже подал все бумаги.

– А что-то можно ему передать?

– Свидание отдельно, передачи – отдельно. На следующий день сможешь отвезти, – адвокат кивнул своим мыслям. – И главное... – он театрально замешкался.

Я уставился на него. Ария с его огромными хрящеватыми ушами, ввалившимися щеками и пронзительным взглядом на секунду вызвал у меня раздражение.

– Этот перевод означает, что дело близится к концу. Скоро нам дадут его для ознакомления, и мы, наконец, сможем заглянуть в будущее.

– Что-то не самые радужные ожидания, – у меня был порыв рассказать Арии о недавнем разговоре с Захаром.

– Ты чего такой?

– Нет, ничего...

Ария с подозрением посмотрел на меня.

– Игорь, ты что-то недоговариваешь?

– Да нет, – я махнул рукой, – просто эта неопределенность уже в печенках сидит.

Ария развел руками.

– Тут уж ничего не поделаешь. Приходится ждать. В любом случае я позвоню и скажу, когда ты сможешь с ним увидеться.

XLV

Вечером следующего дня, не успев я переступить порог, Валя сказала:

– Игорь, перезвони Арии. Что-то срочное.

Я набрал номер адвоката.

– Ну наконец-то! – голос Семена звучал торжествующе. – Разрешили свидание. Слушай внимательно. Завтра с паспортом приезжай к «Матросской тишине». Увидишь – есть такая дверь, рядом с которой вывеска, она там одна, не перепутаешь. Вот около нее и встретимся. Завтра в одиннадцать я там тебя жду. Не опаздывай!

С утра я был в условленном месте.

– Игорь! – я обернулся.

За моей спиной стоял Ария.

«Что-то он не весел», – мелькнула мысль. Лицо Семена было непроницаемо. Глаза, лоб, брови – все казалось обесцвеченным.

Он твердо пожал мне руку.

– Сейчас пойдешь вон в ту дверь и скажешь, что ты на свидание к отцу. Назовешь фамилию, имя, отчество. Дальше тебе все объяснят.

XLVI

Вкомнате, где оформляли документы и выдавали разрешение на свидание, народу было – не протолкнуться.

В душном помещении работало всего несколько окошек, по ту сторону сидели люди с угрюмыми, усталыми лицами.

Женщина с грудным ребенком на руках со слезами умоляла безучастного офицера:

– Ну разрешите сегодня! Я полстраны с ребенком проехала, чтобы его увидеть!

Наверное, к мужу приехала. Или к брату. Офицер и бровью не повел.

Ну и столпотворение! Как селедки в бочке. Сколько же у нас сидит по тюрьмам, если одних только родственников такая толпа!

Женщина в погонах за стеклом безразлично спросила:

– Вы к кому?

– К отцу.

– Фамилия?

– Бабаев.

– Паспорт.

Я протянул ей документ.

Сотрудница тюрьмы раскрыла паспорт, перелистала все страницы, сверилась с фотографией – движения отработаны до автоматизма, все буднично, обыденно – протянула бланк:

– Заполните и распишитесь.

Буквы заплясали перед глазами. Смысла вопросов в каких-то графах я никак не мог разобрать. Приходилось перечитывать, чтобы понять, что ответить.

Я передал ей заполненный бланк. Она равнодушно пробежала по нему глазами, сделала какую-то пометку. Скомандовала:

– Проходите.

И все? Я облегченно выдохнул. Лязгнул автоматический замок. Я вошел. Хмурый солдат преградил мне путь. Я протянул пропуск.

– Следуйте за мной.

Мы прошли по длинному коридору, поднялись на несколько пролетов по лестнице. Опять коридор. Конвоир открыл какую-то дверь.

– Ждите здесь.

XLVII

В помещении для свиданий стоял невероятный гвалт. Вдоль стеклянной стены – ряд отгороженных ячеек. Люди отчаянно жестикулировали, пытались перекрычать друг друга, то и дело переспрашивали, боясь упустить хоть слово с той стороны стекла. Я сел на единственное свободное место. Стекло было мутное, испещренное царапинами. Я увидел, как на другой стороне комнаты открывается дверь, и в проеме появился отец. Он сразу заметил меня, заулыбался и приветственно поднял руку. Сверкнули в ярком свете коронки. Он сел на стул напротив меня, схватил трубку.

– Игорь!

Я не понял, что он говорит, и инстинктивно почти прокричал:

– Папа!

Отец, улыбаясь, показал пальцем на трубку. Спohва- тившись, я снял ее с рычага:

– Здравствуй, пап!

– Игорь! – мгновенно откликнулся он.

Отец сидел напротив, но голос его доносился глухо, как будто нас разделяли сотни метров.

– Выглядишь, будто только что из-за стола!

Отец громко, заразительно расхохотался.

– Правильно понимаешь – не «Националь», но и здесь можно жить.

Крепкий орешек, ничего не скажешь. Да, прав был Ария: здоров и хорошо выглядит. А ведь давно уже здесь.

– Ну, рассказывай, как дела. Как мои внуки?

– Вот смотри!

Я торопливо полез в портмоне, достал фотографию детей и приложил к стеклу. Отец буквально впился в нее глазами.

– Это Женечка. А это Сережка.

Что-то в его каменном лице дрогнуло, как вздрагивает льдина весной, что-то неуловимое мелькнуло в глазах. Теперь это был он, настоящий. Тот, каким я его знал, любил. Я понимал, где его ахиллсова пята.

Отец как будто услышал мои мысли. Склонил голову:

– Внуки, наследники... Теперь мне будет легче здесь.

Я бережно спрятал фотографию обратно.

– Что мать с отцом?

– Да все в порядке, пап, не волнуйся. Я недавно был у них. Мать все так же: тянет на себе весь дом. А Нахамьё... Нахамьё бодрячком. Недавно в нарды с ним играл.

– Какой счет?

– 1:2.

– Ха, все-таки отыграл у деда партейку?

– С трудом, но удалось.

Я смотрел на отца и диву давался: да он выглядит даже лучше, чем до посадки! Прилично сбавил в весе, бодр, подтянут. Или дело в улыбке? Это же не просто бравада?

– Ты как? – спросил я осторожно.

– Игорь, не переживайте, я в полном порядке. Только вот выбраться бы отсюда. Хотя здесь, конечно, лучше, чем в Лефортово. Ну а вообще я жду встречи с адвокатом. Он мне нужен. Передай ему.

В трубке что-то затрещало, на секунду я перестал слышать отца.

– Мне надо знать, когда закончится следствие! Надо понимать, что происходит, как готовиться к суду.

– Папа, не волнуйся, он сам ждет этой встречи. Он в курсе всех дел, и как только представится возможность, вы все обсудите.

– Понимаю. Просто напоминаю, – отрезал отец.

– Пап, тебе что-то нужно? Мне сказали, что теперь возможны передачи.

– Да ничего особого, Игорь. Если только какие-то теплые вещи – тут прогулки бывают. Фуфайку, например...

Я кивнул.

– Хорошо.

– Как там Кисловодск?

– Да все так же, пап. Воздух свеж и прозрачен.

Отец усмехнулся.

Мы говорили без умолку отведенные тридцать минут. Все это время улыбка не сходила с его лица. Отец был рад видеть меня, он напитывался мной, и это чувство наполняло меня силой. Но полчаса прошли. Раздалась отрывистая команда конвоира:

– Заканчивайте!

Значит, пора.

– Ну что ж, будем прощаться. Как только разрешат, я снова приду.

– Игорь, передавай всем привет, – отец заторопился.

– Скажи, что у меня все нормально. Скоро со всеми увидимся! Поцелуй за меня внуков! Слышишь? Будь здоров, сынок.

– Пока, пап!

Он медлил, не опускал трубку. Неподвижно, серьезно смотрел на меня, будто осталось сказать еще что-то важное. Потом, не спуская с меня глаз, подергал себя за ру-

башку и дважды потер большим пальцем средний и указательный. Я замер, силясь понять.

– Фуфайку?

Он заговорщически улыбнулся и обронил:

– Акче (деньги)!

Я кивнул, удивленно вскинув брови.

Время вышло.

Отец направился к выходу. Я следил за его могучей фигурой, пока он не скрылся за дверью. Только после этого поднялся. За моей спиной кто-то уже дожидался своей очереди. Всюду жизнь.

Что это было? Отец сумел дать мне силы для дальнейшей борьбы. Одной своей улыбкой. Его оптимизм – это больше, чем просто настроение. Это постановка задачи – задачи для жизни.

Значит, мир не кончается.

Я только что в этом убедился. Мой отец был здоров и бодр, хотя и пребывал в одном из самых мрачных мест на земле. Семен не преувеличивал, когда говорил, что с ним все в порядке.

XLVIII

Ну как, Игорь? Что он сказал? – Ария встретил меня на выходе.

– Он в порядке. Вы правы.

Я старался быть сдержанным, но встреча с отцом так взбудоражила меня, что сохранять невозмутимость было нелегко. Только сейчас я понял, как напряжен был все это время.

– Даже не ожидал, что он в такой форме. Как будто лучше стал выглядеть.

– Я говорил: он крепкий. И духом, и физически.

– Ему нужно срочно с вами переговорить.

– Завтра я с ним встречаюсь.

– А что с передачей?

– Тоже договорился. Вот, – он протянул мне листок – список того, что разрешено и в каком количестве. Предупреждаю – не пытайтесь передать больше положенного. И никаких ценностей, денег. Все проверяется. Если найдут нарушения, посылку ему не передадут. Точка. Да еще свиданий лишат и передач.

Я взял бумагу, мельком взглянул, убрал во внутренний карман.

– Что ж, Игорь, завтра приходи часикам к восьми, с утра, во-он к той двери, – Ария указал крючковатым пальцем на коричневую дверь под навесом. – Там все отдашь. Тебе скажут, как действовать, – дело нехитрое. А я пойду к нему на встречу.

Мы распрощались.

XLIX

Вечером мы с Валею собирали для отца посылку. Тщательно отмеривали дозволенное, сидя на кухне. На столе высилась гора продуктов, которую Валя накупила для отца.

– Ну почему так мало разрешают? Печенье – всего две пачки?! И это на целый месяц!!! – сокрушалась она.

– Хорошо хоть так.

– Как зверей держат. Ну если есть у нас возможность положить больше – почему нельзя-то?! А он любит вот эти, – она кивнула на упаковку кураги.

Я молча кивнул.

– А из вещей ему что нужно там? Я даже не знаю, что у него там с собой, – она разговаривала будто сама с собой, словно отчаявшись дожидаться от меня какого-то определенного ответа.

– Там все написано, что можно, – кивнул я на список.

– Да уж я раз сто прочитала, – горестно вздохнула Валя. – Хорошо, что ты смог остаться. Без тебя я бы не справилась. Так что из одежды брать?

– Он просил фуфайку.

Я потер в воздухе пальцами, сложенными щепотью, повторяя жест отца.

– Фуфайку? – Валя недоуменно смотрела на меня. – Что случилось, Игорь?

Я задумался.

А ведь это же какой-то ребус. Шифр. Отец хотел что-то сказать – этими пальцами.

– Постой! – разгадка забрезжила где-то рядом. – Он же сказал «акче». Я как-то не придал этому значения. Но вместе с этим жестом, получается, что отец имел в виду...

Валя удивленно уставилась на меня.

– Ну да! Он говорил про деньги, – я потер пальцами перед ее носом, повторяя жест отца. – Ну конечно! Ну, дает! Даже здесь умудрился надуть вертухаев. Надо принести фуфайку, а в ней, внутри, – деньги!

– Все верно, она толстая – туда можно купюры спрятать, – радостно согласилась Валя. До нее тоже дошло.

Ее радость тут же сменилась озабоченностью.

– А если найдут?

– Надо с Исаем переговорить. Он должен знать все об этих делах. Завтра отнесу то, что мы собрали. Заодно осмотрюсь, а там будет видно. Может, и сможем передать все, что нужно.

L

Утром мы пришли к зданию тюрьмы. У двери, где принимали передачи, уже толпился народ – немногословные, хмурые, в основном скромно одетые люди. На холодном сыром ветру родственники заключенных пе-

реминались с ноги на ногу, стойко и обреченно дожидаясь своей очереди. Кто-то с кем-то переговаривался, кто-то курил, кто-то зябко ежился. Женщины или тихо плакали, или скорбно молчали.

В те годы людей бросали за решетку тысячами. Здесь можно было увидеть кого угодно: и элегантных дам, и деревенских теток в ватниках. Только выражение глаз было у всех одинаковое – смятенное.

Запускали по несколько человек.

Процедура была утомительно долгой и унижительной. Окончательно закован, я, наконец, дождался своей очереди и прошел через железные двери в «приемник». Это было мрачное квадратное помещение с крашенными казенной краской стенами и маленькими забранными решеткой окнами. Люди толпились у узкого окошка.

Многие явно встречались здесь уже не в первый раз – кивали друг другу, обменивались какими-то дежурными словами – но лишь пока томились в ожидании. Добравшись до вожаемого окошка, каждый мгновенно забывал обо всех и обо всем.

Мир внутри этой комнаты был разделен надвое, и линия фронта между двумя непримиримо враждебными его частями проходила через это самое окошко.

Мне приказали поставить пакеты на стол и вывалить все содержимое. Толстая баба – вертухайка принялась равнодушно перебирать продукты, коробки, целлофановые пакеты с чаем, беззвучно шевеля губами. Подсчет явно давался ей с трудом. Некоторые упаковки она вскрывала точными, выверенными движениями, разрывая бумагу с почти садистским удовольствием. Да тут мышь не проскочит!

– Чего копаешься? – прикрикнула служительница тюрьмы на какую-то бабку, которая, охая и ахая, выкладывала на стол консервы. – Шевелись давай!

Лицо вертухайки перекошилось от ярости. Теперь я понял, почему в очереди так часто звучало слово «психованная». Это, видимо, про нее. Здешние завсегдатаи уже знали повадки каждого надзирателя. Неужели тут все такие?

Глаза вертухайки сузились, одно плечо выдалось вперед. Бабка – по всей видимости, тоже бывшая ээчка, – уворачиваясь, шарахнулась в сторону. Очередь равнодушно, без тени любопытства, взирала на скандал.

Из оцепенения меня вывел бас все той же вертухайки:

– Заполните формуляр, впишите свои данные и кому передаете, – она швырнула мне бланк.

– А номер паспорта?

– Какой паспорт? – рявкнула она. – Нет там паспортов.

– Я про свой номер паспорта. Заполнять?

– Там все ясно сказано.

Как же люто она всех нас ненавидела – и заключенных, и их родственников!

Я взял ручку и принялся, путаясь и мысленно чертыхаясь, заполнять формуляр. Меня затрясло от гнева. «Рвань», – пронеслось в голове, пока я, пытаюсь сосредоточиться, заполнял очередную графу. Наконец с формальностями было покончено, передача благополучно сдана, я вышел на улицу и медленно пошел прочь. Я уже поостыл, злоба прошла. Поравнялся с магазинчиком на углу. У дверей отиралась пара алкашей. Я свернул в сторону Преображенки.

Кто-то вышел из магазина, изнутри потянуло запахом свежего хлеба. Этот мирный дух так не вязался с той тошнотворной вонью, которой я только что надышался! Стало не по себе. Как бы вытравить из памяти этот смрад? Быстрее отсюда! Куда угодно – в квартиру отца, в Армавир – лишь бы только не стоять здесь, коченея от холода и омерзения.

LI

Валя озабоченно повернулась ко мне. Вдруг бросились в глаза скорбные морщины под толстым слоем пудры. Раньше я их не замечал. Или до всего этого ада их просто не было? Да, досталось ей...

Она возилась на кухне, разговаривая о чем-то сама с собой, – еще молодая женщина, абсолютно одинокая, без подруг, без профессии, рабыня моего отца.

– Да не переживай ты, Валя. Все хорошо. Не сахар, конечно, там сидеть, но за отца волноваться не стоит. Он крепкий, выдержит. Главное, что не унывает.

Беспокойство не унималось: дойдет ли наша посылка в целости и сохранности? А вдруг нет? Внезапно накрыло дикое, невероятное чувство голода. Я хватал из холодильника все, что попадало под руку, лишь бы заесть, отбить, вытравить из себя это ощущение нежити, охватившее меня в тюремном «передатчике».

Ни чувствовать, ни здраво и толково рассуждать в эти дни как-то не получалось. Я либо мысленно уносился куда-то, терзаемый страхами за Лиду и детей, либо мерял шагами комнату в отцовской квартире, силясь настроиться на что-то хорошее, правильное, и все равно, сам того не желая, мучил себя вопросами, что будет со всеми нами. Ответов не было. Перед глазами то и дело всплывали счастливые лица Лиды и моих мальчишек, их сияющие глаза.

После обеда раздался телефонный звонок. Я поднял трубку.

– Игорь, можешь подъехать сейчас ко мне? – услышал я голос Арии.

Я уже привык к этим внезапным звонкам адвоката.

– Да, конечно.

– Тогда выезжай вместе с Валентиной. Жду.

ЛII

А что ему от меня надо? – тревожно спросила меня Валентина, когда мы сиделись в такси.

Я пожал плечами.

– Он не сказал.

Валя подождала немного, потом опять осторожно спросила:

– Игорь, так он вообще ничего не сказал?

Обычно румяное ее лицо посерело. Она была как на иголках.

– Не знаю, – ответил я раздраженно. – Мы с ним по телефону подробности не обсуждаем. Сказал: срочно подъехать.

Валя испуганно замолчала.

Поглощенный переживаниями, я сначала даже не обратил внимания на слова адвоката. Валя так Валя. Но сейчас, сидя в машине, предоставленный своим мыслям, я задумался. Зачем Семену понадобилась Валентина? Никогда он о ней не спрашивал.

Невидящими глазами глядя в окно такси, я ломал голову, придумывал сотню причин, одна другой абсурднее. В чем же там дело?

ЛIII

Я сегодня встречался с Алексеем Наумовичем, – начал адвокат несколько торжественно, когда мы уселись напротив него.

Перед нами на небольшом столике стояли чашки с чаем и вазочки с печеньем и конфетами.

– Он просил передать вам, Валентина, что хочет официально зарегистрировать ваши отношения.

Валя изумленно ахнула.

Адвокат утвердительно кивнул, внимательно посмотрел ей в глаза и продолжил.

– Он надеется, что вы ответите согласием на предложение стать его женой. Вы согласны? – церемонно осведомился Ария.

– Да, конечно, – растерянно пролепетала Валя.

Мне показалось, что глаза ее заблестели от слез.

– Поздравляю, Валя! – единственное, что я сумел говорить, почти онемев от неожиданности. Валя улыбнулась, благодарно кивнула.

– И это все? – обратился я к адвокату.

– Да, Игорь. Это сейчас главное. Дело в том, что ты же не можешь вечно мотаться в Москву, носить передачи, ходить на свидания. В какой-то момент на работе может быть аврал или еще что. А когда дают свидание или разрешают передачу, это надо делать немедленно. Но передавать могут только родственники. Таков закон. Оформив отношения, Валентина сможет взять все это на себя.

Я посмотрел на Валю. Так вот зачем это отцу.

– Как законная жена, Валентина, вы сможете передавать ему передачи, – пояснил адвокат.

– А как это все происходит? – поинтересовался я. – Чисто технически. Оформление брака.

– Ничего сложного, – улыбнулся Ария. – Валентина, – он говорил, обращаясь ко мне, как будто ее и не было рядом, – должна написать заявление с просьбой зарегистрировать брак. Вот образец, Валя, пишите прямо сейчас. На имя начальника тюрьмы.

Валя взяла ручку и принялась писать под диктовку Арии. Закончив, она вздохнула и протянула ему бумагу:

– Все верно?

– Да, отлично, – сказал Ария удовлетворенно, пробежав глазами текст. – Я вам позвоню и сообщу, когда состоится церемония. Вам придется подъехать в тюрьму.

– То есть никакого ЗАГСа? Все там? – спросила Валя.

– Конечно. Сотрудники ЗАГСа приезжают в тюрьму и там производят запись в книге актов гражданского состояния. Вы оба поставите свои подписи. Свидетельство о браке заберете с собой. Ну а после росписи вы как жена получите все права, которые есть у близких родственников заключенного.

Всю дорогу домой Валя молчала, уставившись в окно.

С московскими делами было покончено. Пора было возвращаться на Кубань.

LIV

Общая камера «Матросской тишины» была забита до отказа. От духоты темнело в глазах. На нарах сидели и лежали люди. Кто-то спал, кто-то читал письма, кто-то разговаривал. Обычному человеку этот муравейник, незримо разделенный в соответствии с тюремной иерархией, показался бы сущим адом. Но не нашему отцу.

Отсидев около двух лет в одиночной камере в Лефортово, он жутко соскучился по общению – пусть даже с людьми, с которыми в обыденной жизни он никогда бы не пересекся – ну, может, разве что в его фатовой юности.

– И откуда ты к нам такой свалился? – слегка коверкая слова, щурясь от папиросного дыма, спросил Алексея ломавший не первый срок урка.

– Из Лефортово.

Тот присвистнул и, повернувшись к братве, чуть громче протянул:

– Слыхали, какой фрукт приплыл из Лефортово? Так ты у нас политический, что ль?

Это «что ль» он произнес с блатным присвистом, издевательски сюсюкая. Отец почувствовал, как напряглись мышцы.

– А чего ж сюда-то?

– Я такой же политический, как и ты, – усмехнулся отец.

Взгляд его был открытым, смотрел он прямо, не отводя глаз. Блатной несколько секунд выдержал этот взгляд, а потом сдался – опустил глаза. Что-то с новеньким было не так. Но урка не отставал.

– Так за что тебя? – агрессии в голосе поубавилось.

– Да ни за что.

– Ну, это у всех так. Мы все тут ни за что.

Урка мерзко хохотнул.

– Да, согласен, – протянул равнодушно Алексей все на той же ровной ноте, по-прежнему не отводя глаз от сокамерника. – Пришили дело – не отвертись.

– А до этого кем был? Соколиком на воле?

– Да портной я.

– Во заливает, ты посмотри! Обычных портных в Лефортово держать не будут, – не без пиетета отозвался непрошенный собеседник.

– Портной, закройщик... Классный закройщик, – Алексей подмигнул. – Но что было – того уж нет. Тут мы все одинаковые.

Урка помолчал.

– И как там, в Лефортово?

– Тухло. В одиночке не зажируешь. С восьмого марта восемьдесят второго года меня там держали.

Кто-то в камере присвистнул:

– Ничего себе!

– Почти два года в одиночке оттянул! – откликнулся второй голос. – А сломать так и не смогли.

– Ничего! Когда-нибудь все это кончится и продолжится прекрасная жизнь.

– Вопрос в том, когда продолжится, – раздалось вдруг откуда-то из глубины камеры.

Отец оглянулся.

Перед ним стоял, покачиваясь, детина с мощными руками, сплошь покрытыми наколками. Огромный, наголо бритый, с могучим подбородком. Говорил размеренно, властно – явно тут главный.

Отец в упор посмотрела на здоровяка.

– Ираклий, – протянул тот руку. – Давай, располагайся. – А ты, – не поворачивая головы, бросил он уркагану, – умолкни. Нормальный мужик подъехал. Выбирай, – обратился он снова к отцу, – какая шконка тебе по нраву.

Он подвел Алексея к нарам, на которых сидел какой-то бедолага.

– А ну, брысь, – приказал грузин. Повернулся к Алексею: – Милости просим. Вот твоя шконка.

LV

Из Армавира я дважды звонил Исаю Адамову, и оба раза к телефону никто не подходил. Лида заглядывала ко мне с Женей на руках, я отвечал, что занят. Меня разбирало нетерпение. Обычно Исай сразу отвечал на звонок.

Я примчался домой из аэропорта буквально час назад. Из Москвы вылетел сразу после «скоропостижной» женитьбы отца.

Наконец в трубке раздался тенорок.

– Адамов.

– Исай, где тебя черти носят?! Дозвониться не могу!

– Игорь, что за спешка? Что-то случилось? Что с Лешей?

– Виделся с ним.

– Да ты что?

– Ага, через стекло, но все же поговорили.

– Как он?

– Все, как говорил Семен: бодр, здоров и в прекрасной форме. Знаешь, даже помолодел, постройнел как-то.

– Во дает! – расхохотался в трубку Исая. – Это Лешка, такой характер не сломаешь! Что еще?

– Поговорили о жизни. Про тебя рассказал. Привет тебе передавал. В общем, с ним все в порядке, жаждет защищаться в суде.

– На своем стоит прочно...

– Что есть, то есть. Послушай, тут еще и передача для него на носу, сможешь подъехать в Москву?

– Ну так маякни когда, – подлечу, – голос Исаия стал отчетливым, деловым, словно он читал мои мысли.

LVI

Лязгнул засов, дверь камеры отворилась.

– К стене! – скомандовал конвоир.

– Подселяют кого-то, – раздался чуть слышный голос.

В камеру впихнули мужичонку с тюком вещей. Оглянувшись на захлопнувшуюся с грохотом дверь, он затравленно посмотрел по сторонам. По бегающим глазам было понятно: новенький в шоке.

– Кто это к нам пожаловал? – раздался противный голос камерного шута.

Отец нехотя повернул голову в сторону вошедшего и не поверил глазам.

– Ловжанидзе? Палыч!

Вновь прибывший принялся озиаться. Наконец разобрал, кто к нему обращается, и брови его удивленно поползли вверх.

– Леша? Ты?!

Отец, ни к кому вроде бы не обращаясь, провозгласил в пространство:

– Это ж мой старый друг!

Он вскочил со своего места, пробрался к новенькому.

– Дай я тебя обниму, родной! Вот так встреча!

Ловжанидзе затрясся, из глаз хлынули слезы:

– Леша!!! Мы пропали!!!

– Да брось ты, Палыч! – отец хлопнул его по плечу, –
Везде жизнь.

– Нет, жизнь кончилась, Леша! Конеч!

– Тю-у! А ну поворачивай оглобли, друг мой. Я тебе не дам раскисать, – он буквально буравил своего старого товарища глазами. – Мы еще будем с тобой водку пить и с девчонками танцевать – вот увидишь! Я тебе обещаю, мы еще сходим в тот ресторан, как вырвемся отсюда. Ну, пойдем.

Отец провел друга к нарам, помог расположиться. Камера с интересом наблюдала.

– Ну вот видишь, устроились. Не вешай нос. Я тебе скажу, здесь просто санаторий по сравнению с Лефортово. Я почти два года там провел. Поговорить не с кем было. Думал, с ума сойду. Но ведь пережил!

Отец сделал паузу и обратился уже к Ираклию:

– Знал бы ты, кто это! Это ж кулинар, каких еще поискать надо. Был директором треста ресторанов и столовых Кавказа. Кормил – пальчики оближешь!

– Вот это даааа, – ответил Ираклий, – такого человека упекли. Зачем, спрашивается...

– Да что тут говорить... Такой путь прошел! От простого повара до директорского кресла.

Отец снова, как заклинание, повторил:

– Вот увидишь, мы с тобой выйдем отсюда и заживем на всю катушку. Везде можно неплохо устроиться.

LVII

От сидения в такси затекли ноги. Из Внукова до улицы Новаторов я доехал за час.

Прошла неделя, и вот я снова в Москве. Как белка в колесе.

Валя позвала к столу.

Мы сидели друг напротив друга и молчали. Говорить ни о чем не хотелось. Валя была в дорогом, но сидящем на ней как-то нескладно английском клетчатом платье. Оно немного выцвело, село от стирки и потому слишком ее обтягивало. В глаза бросались узкие плечи и маленькая грудь, и это меня почему-то раздражало. Вот бывают же люди, с которыми такое несовпадение!

Ближе к обеду раздался звонок и на пороге возник Исай.

– Никак без меня не обойдешься, то-то же! – без тени стеснения заявил он в ответ на мое приветствие. Потом спохватился:

– Вот наследил...

На полу красовались разводы от его финских – поди еще достань такие! – шикарных сапог.

– Все та же музыка! – я расхохотался. – Ты когда-нибудь серьезным бываешь?

Исай сбросил шубу. Побродил по квартире, проверяя, не изменилось ли что, потом уселся на стул, стал раскачиваться, разглядывая меня.

– Не качайся, – попросил я, – в глазах рябит.

– Ну, рассказывай.

– Он с Валей расписался, – сообщил я. – Ты в курсе?

– Что? – Брови Исаия изумленно взметнулись вверх. – Теперь в курсе.

Хихикая, я рассказал про Валино замужество.

– Это здорово, Игорь, – Исай одобрительно кивнул. Потом вскочил, распахнул дверь и крикнул в коридор:

– Валечка, я тебя поздравляю! – и довольный вернулся обратно. – Жаль, свадебных букетов не было, – добавил он, улыбаясь.

– Да брось!

Разлив коньяк, Исай сделал глоток.

– Неплохо, – процедил он.

– Так это английский. Отцу откуда-то привезли.

– Ароматный, – протянул Исай, – легкий. Я слышал, в Англии такая бутылка кучу денег стоит, а у нас – три сорок. Хороший гешефт можно было бы делать. Продавать наш крымский портвейн у них в Англии.

– Тебе бы, Исай, Госплан возглавить, глядишь, до коммунизма бы в срок дошли.

Исай молчал, задумавшись.

Вошла Валя. Поставила на стол зефир, печенье с мармеладом.

Исай вскочил, галантно поцеловал ей руку.

– Валечка, я тебя поздравляю!

Валя испуганно посмотрела на него, поблагодарила и тихо исчезла.

– А что Леша передает?

– Здоров, бодр. Он, представляешь, в камере Ловжанидзе встретил. Знакомца своего по Ессентукам.

– Ну это же Алексей, – вздохнул Исай. – Я и не сомневался. Скоро ему там будет море по колено. С кем с кем, а с этой братвой, что по шконкам порхает, Наумыч умеет управляться.

– Ну, курорт там тоже – относительный. Вымотался он.

– У меня все готово, – заглянула в комнату Валя.

– Ты на стол собери, мы пока поговорим.

– Так что стряслось? – Исай поднял на меня глаза.

– Когда я с ним виделся последний раз, он сказал, что ему теплые вещи нужны. И вот так показал, – я потер перед Исаем пальцами.

Исай серьезно смотрел на меня.

– Деньги...

– А на словах попросил фуфайку.

Исай снисходительно улыбнулся.

– Детский сад. Все вас учить надо.

– Слушай, ты так говоришь, как будто это плюнуть на асфальт.

– Нет, ну понятно, не плюнуть.

– Так ведь риск, Исай!

– Есть немного. Но не думаю, что стоит сильно опасаться.

– Почему?

Исай вскинул на меня свои семитские темные глаза и уверенно произнес:

– Раз Леша уверен, что способ надежен, значит, это так и есть.

– Ты думаешь?

– Игорь, я это прошел, я чую.

– Но я же сам видел, когда передавал, – там бабы такие – они все прощупывают! Обучены.

Исай захихикал.

– Сначала баб щупали, потом они щупают.

– Да брось ты. Я серьезно. Зашелестят же под подкладкой. Бумага же.

– Во-первых, надо глубже, где швы твердые, чтоб не нащупали. И потом, размять хорошо надо рубли. Они тогда не шелестят. Проверено. А во-вторых, еще раз говорю: Леша тебя подставлять не станет. Раз говорит, что пройдет, значит – пройдет. Сейчас перекусим и поедем за фуфайкой.

LVIII

Съездив и купив несколько фуфаяк, мы приступили. Исай придирчиво осмотрел все и выбрал одну:

– Вот с этой будем работать. Она подходит.

Валя деловито задернула шторы и аккуратно распорол подкладку по шву. Я достал из кармана пиджака пачку десятирублевых купюр.

Мы уселись кружком и стали мять деньги, истирая их до состояния тряпицы.

Когда эта морока была закончена, Исай самолично проверил все купюры, потом приказал:

– Валя, теперь давай чуть-чуть замочим их.

– Так размокнут же!

– А мы высушим и прогладим – они как тряпочки станут.

После нехитрых манипуляций и долгого ожидания, пока высохнут купюры, мы свернули их в трубочки, вставили в швы, и Валя взялась за иголку. Адская работенка затянулась за полночь. Валя закончила последний шов, Исай придирчиво осмотрел плоды ее трудов.

– Незаметно, что вскрывали.

Он зачем-то попробовал ее на зуб, потом встряхнул в руках, как фокусник, затем надел на себя, снял и снова потряс перед собой.

Никакого постороннего звука, ни намека, что в фуфайке что-то спрятано.

– Кажется, получилось, – пробормотал Исай.

– Ты чего шепчешь? – рассмеялся я. – Ну-ка, дай мне. Я схватил фуфайку и стал мять ее сам.

– Игорь, аккуратнее, – крикнул Исай встревоженно.

– Ну вы даете, – протянул я. – Валечка, – кажется, впервые в жизни я ее так назвал, – снимаю шляпу!

Я восхищенно посмотрел на Исая.

– Незаметно вообще!

Исай, потупив глаза, – сама скромность, – опустился в кресло.

– Завтра отнесешь, – сказал он Вале.

На следующий день Валя, вернувшись, сообщила, что передачу приняли.

Мы с Исаем простились в аэропорту. Он летел в Ташкент, я – в Минводы.

LIX

За окном кабинета лил дождь, я просматривал газеты. Вот уже месяц, как о Брежневе не писали ни слова.

Слухи о ситуации в стране ходили разные. Наверняка известно было только одно – всем заправлял Андропов. Надеяться на какие-то поправки не приходилось. Власть драконовскими методами боролась за трудовую дисциплину, против спекуляции и нетрудовых доходов. Днем стало опасно ходить в кинотеатры. Сеанс могли прервать, и люди в штатском обходили зрителей, требуя объяснений, почему они не на работе. Я обо всем этом слышал, мотал на ус и занимался своими делами.

Как всегда, в начале лета отправил Лиду с Ларисой и детьми в Архипо-Осиповку. И с головой погрузился в работу.

LX

Я через коммутатор набрал Володю. Надо было выяснить, закончил ли он работы с крышей, но телефон все время был занят. В дверь моего кабинета постучали. В дверном проеме показалась секретарша. Лицо встревожено.

– Игорь Алексеевич, вам из прокуратуры звонят.

– Ну что ты застыла? Переводи, раз звонят.

Я взял трубку.

– Игорь Алексеевич?

– Да, слушаю.

– Приемная следователя Калининченко беспокоит. Нам нужно с вами побеседовать.

– Пожалуйста, я готов.

– В понедельник подъезжайте в прокуратуру города Сочи к двенадцати ноль-ноль. Вам нужна повестка?

– Нет, я все записал.

– Хорошо. И приезжайте с братом.

Послышались гудки отбоя. Я положил трубку, откинулся на спинку кресла и ослабил ворот рубашки. Потом набрал Славе. Судя по тому, как он встревожился, услышав лишь мое «Привет, Слав», голос у меня звучал, мягко говоря, непривычно.

– Что с тобой, Игорь?

– Мне только что позвонили из прокуратуры. Нас с тобой вызывают в Сочи. На разговор.

Повисла пауза.

– Когда?

– В понедельник, в полдень.

– Понял. Вместе поедem?

– Ну да.

LXI

Привет. Ну, поехали, что ль... – Слава выжал педаль газа. Машина тронулась.

Брат нервничал, на висках проступили капли пота. Он вопросительно взглянул на меня.

– Хочешь спросить совета, Слава? – каким-то отстраненным, будто чужим голосом произнес я. – У меня его нет. Вообще сейчас ничего нет. Ни совета, ни мыслей.

– А почему в Сочи?

– Сам не знаю. Может, у тебя там что-то было?

– Нет, ты что?!

– Значит, им просто так удобнее.

Мы помолчали.

– Нас крутить будут, Слава. Жаль, нельзя узнать – на какую тему.

– Это точно, – пробормотал Слава.

Остаток пути мы проделали в полном молчании.

LXII

Мы подкатили к зданию прокуратуры. На входе нас «обилетили» пропусками, и мы нырнули в этот водоворот. Кругом сновали люди, в основном в погонах. Машина по посадке работала на всю катушку. Мы молча переглянулись и отправились искать нужный кабинет.

– Входите, – раздалось в ответ на мой короткий стук в дверь.

За столом сидел человек. Под сорок, с широким бесцветным лицом и крючковатым носом. Пегие волосы стрижены коротко, под машинку, глубоко упрятанные глаза – словно амбразуры в дзоте, где окопался невидимый противник.

Несколько мгновений он словно бы примеривался к нам, потом вздохнул, точно устал от этой непосильной работы, и раздражено представился:

– Я Калиниченко. Это я вас вызвал. Садитесь.

Я недоуменно посмотрел на единственный стул.

– Может, принести еще стул?

– Да ничего. И на одном уместитесь.

Мы со Славой переглянулись.

По лицу следователя скользнула садистская улыбка. Он явно наслаждался нашей растерянностью.

Пытаясь сохранять достоинство, мы аккуратно присели с двух сторон на самые краешки стула.

– Ну, здравствуйте, господа преступники! – бодро произнес следователь. – Удобно? Не жмет нигде?

Да он издевается!

– Ну, что молчите, а-а? Как дела на службе? – с нескрываемым удовольствием куражился он.

Слава молчал. Решил молчать и я.

Калиниченко, видимо, ожидал какой-то другой реакции. Зло поджал губы.

– Я говорю с вами по прямому указанию начальника следственной части прокуратуры СССР Германа Петровича Каракозова, – провозгласил он торжественно, почти высокопарно, будто называя дворянский титул.

С нашей стороны опять не последовало никакой реакции.

– Парни! Дела ваши плохи. Отец ваш сел надолго и вряд ли выйдет. Самое время вам подумать о себе.

Мы оба вопросительно уставились на следователя.

– Скоро вас вызовут на допрос в Москву. Советую отвечать на вопросы, которые там зададут. От ответов будет зависеть ваше будущее.

Он вздохнул, будто собрался еще что-то спросить, и вдруг раздраженно отбросил карандаш в сторону.

– Свободны!

Я не верил своим ушам.

Он протянул нам отмеченные пропуска, мы молча их взяли и не прощаясь вышли из кабинета.

LXIII

Не проронив ни слова, мы покинули здание прокуратуры, так же молча сели в машину, и только тогда Слава выдохнул.

– Да-а, прав был Захар, – начал он и с силой выжал сцепление.

Машина рванула с места.

– Поаккуратней, – бросил я.

– Как он нас назвал? – обернулся ко мне Слава.

– Ты слышал – «господа преступники», – со злостью процедил я.

– Будто только для этого и звал, чтобы нахамить. Тварь! «И так уместиться!». Он вообще слышал о человеческом обращении?!

– Да не кипятись ты. От этого суть дела не меняется.

Слава повернул в сторону Архипо-Осиповки.

– Что молчишь, Слав? – спросил я спустя какое-то время.

– А что говорить? Сказал «вызовут» – значит вызовут.

Вот влипли-то! Хотелось бы знать, что будет, когда вызовут? – Слава нетерпеливо поморщился.

– Он же сказал, будут спрашивать. Я думаю, мы оба знаем, что от нас хотят услышать.

Слава кивнул. Дальше до санатория мы ехали молча, лишь изредка обменивались ничего не значащими репликами. На душе было паршиво.

Машина остановилась у входа.

– Ну что, Слав, пойдем – тут отменно кормят.

– Нет, я поеду. Не до обеда сейчас. Есть над чем подумать.

– Как знаешь. Если будут новости – сообщу.

– Да, я тоже дам знать, если что.

Мы обнялись на прощание.

LXIV

За дверью было тихо. Я аккуратно нажал на ручку и вошел в номер. Лида спала на диване. Рядом – Сережа и Женя. Я остановился, не решаясь потревожить их сон. Лида почувствовала на себе мой взгляд. Веки ее затрепетали. Она приоткрыла глаза. Недоуменно, как будто не вполне понимая, сон это или явь, уставилась на меня.

– Игорек!

Вскочила, подбежала, прижималась ко мне все крепче, родная, растрепанная, чистая.

– Расскажешь?

– Нечего рассказывать. Прав был Захар...

– А кто с вами разговаривал?

– Калининченко. Следовательно. С такой рожей зажав-

шейся. Широченная, вот такая! Знаешь, как у жабы. И сразу: «Здравствуйте, господа преступники!» Жаба! – я грязно выругался.

Лида сидела молча, нервно крутя кольцо.

– Пустое все это, Лидочка. Ты скажи Ларисе – пусть присмотрит за детьми. А мы пойдем с тобой пройдемся – поговорим.

Мы вышли на пустынную тенистую аллею санатория.

– Ничего конкретно он не сказал. Дал понять, что на настоящий вопрос нас еще вызовут. И от того, что мы там скажем, зависит наше будущее.

– Может, это ошибка? – с надеждой спросила Лида.

– Да какая ошибка? Надо бы посоветоваться с Арией. Он лучше нас знает эту кухню.

– Значит надо ехать! – воскликнула Лида. – Он поможет. Игорь! – она прижалась ко мне.

– Лидочка, сейчас нам нужно спокойно разбираться со сложившейся ситуацией. Что есть – то есть. Ничего не изменишь. Но подготовиться к самому худшему – надо.

Она вопросительно посмотрела мне в глаза. Я остановился, чтобы лучше донести смысл слов:

– Лидочка, нам надо развестись.

– Но я же твоя жена! Как так?!

– Послушай меня! Твоя бабка была русской по крови. Нужно развестись, вернуть тебе девичью фамилию, ребятам тоже дать фамилию Михайловы и записать их русскими.

– Даже так?! – удивленно переспросила Лида.

– Лидочка, пойми. Если все пойдет по худшему сценарию, важно, чтобы ничто вас не связывало со мной. Когда ребята вырастут, фамилия Бабаев может помешать им. Пока я еще в силах это все сделать. Нас аккуратно разведут, поменяют фамилии. Заодно запишешь мальчишек русскими. Надо убрать из их биографии «еврейский вопрос».

Лида смотрела на меня почти с ужасом, потом вздохнула.

Я поцеловал ее в лоб.

– Знаешь, чего я сейчас хочу больше всего на свете?

– Нет!

– Лечь спать! Просто взять и заснуть с тобой и детьми.

И больше ничего.

Она наклонилась к самому моему уху.

– Сделаю все, как ты скажешь.

LXV

Стяжелой душой я вернулся в Армавир. Работа хоть немного отвлекала от назойливых мыслей. Дела комбината закрутились с сумасшедшей скоростью. Я не заметил, как пролетели дни, а вот уже Лида вернулась с сыновьями с отдыха.

– Папа, – Сережа повис на мне. – Смотри, какой я сильный!

Он сжал мою ладонь. Я притворно поморщился.

– Силач!

– Как доехали? – я обнял Лиду, поцеловал в носик сонного Женю.

В голосе Лиды сквозила тревога.

– Ты не передумал?

– Все делаем, как договорились. Завтра же отдам твои документы. Организуют. Тебе только надо будет подъехать и поставить подпись.

LXVI

Небольшие похожие на пули баночки рывками двигались по ленте конвейера, блестя металлическими боками, на которые железные лапы накладывали этикетки. Раздавался короткий, как вздох, жжжик – и лента делала шаг вперед. Это было похоже на фантастический танец. Банки переворачивались, падали в большой контейнер, за-

тем появлялись снова – уже в руках фасовщиц, которые укладывали их в коробки, и медленно плыли дальше.

– Ни на шаг не отступайте от технологии. Проверяйте каждый этап. Ошибок быть не должно, – я старался перекричать шум. – Если увидите недоделки – тут же сообщайте, будем говорить с инженерами!

Экспериментальная линия, которую мы, наконец, запустили, требовала внимания.

– Игорь Алексеевич.

Я вздрогнул, обернулся.

Не заметил, как за моей спиной появилась помощница.

– Что такое?

– Ваша жена!

– Скажите, я перезвоню.

– Она говорит, это срочно.

Я досадливо поморщился. Что-то часто в последнее время я стал слышать эти слова. И, как правило, ничего хорошего за ними не следовало.

– Ну, вроде пока неплохо, – я повернулся к начальнику цеха, – продолжайте испытывать, я скоро вернусь.

Начальник цеха вздохнул, кивнул, всем видом показывая, что любые опасения совершенно безосновательны.

В административном корпусе пахло известкой. Я стремительно вошел в кабинет. Схватил лежащую на столе трубку.

– Да, Лидочка!

– Игорь, срочно приезжай домой.

– Что случилось?

– Турунж приехала.

– И что?

– Игорь, это твоя мать.

– Хорошо. Подъеду.

Я положил трубку, нехотя повернулся к секретарше, чтобы предупредить, что уезжаю. Перед глазами всплыло

лицо матери. Что же я делаю? Она возникла передо мной, будто наяву, – такая, какой я видел ее в последний раз, в детстве. Так уж устроена младенческая память – если что-то впечаталось в нее, то навсегда. Не вытравить. Даже не старайся.

LXVII

Я открыл дверь и увидел Турунж. Она стояла в коридоре, держа на руках Женечку. Несвязно и беспокойно расспрашивала о чем-то Лиду. Улыбалась, перебирая крошечные пальчики внука, и что-то тихо шептала ему, точно молитву.

Я ощутил укол где-то в сердце. Что ей пришлось пережить, когда произошла трагедия в их отношениях с отцом!

Я смотрел на Турунж – взрослую женщину и видел силуэты. Кто в этом виноват? Она была создана для материнства, и этот дар у нее был украден.

Я молча стоял, наблюдая за той, которую не мог назвать своей матерью. Как ужасно и просто! Это было бы предательством по отношению к Хаво, которая меня воспитала.

Женечка молча сидел у нее на руках, то удивленно, то напуганно поглядывая на незнакомку. Потом вдруг улыбнулся своей беззубой улыбкой, ухватил бабушку за нос и счастливо рассмеялся. Загукал, начал прыгать на руках, словно подавая нам всем знак: все ясно – никаких вопросов нет.

Турунж подняла голову, обернулась, словно почувствовала мой взгляд, и наши глаза встретились.

– Игорец! – чуть слышно выдохнула она.

– Давайте я его возьму, – успела подхватить Женю Лида.

– Сынок!!!

Она бросилась навстречу мне, обняла.

От смущения и неловкости я забыл, что хотел сказать.

– Ну чего ты, Турунж?! – прошептал я ей.

– Игорек, мальчик мой!

Она все гладила меня по голове, как маленького. Никогда прежде я не ощущал так остро материнского тепла. Смутился, попытался отстраниться.

– Может, чаю?

– Конечно, – безропотно согласилась она.

– Ты почему не позвонила? Не предупредила? Я бы встретил.

– Меня Захар подвез.

– Ну, я бы тоже мог. Давай, что ты стоишь, пойдем.

Я толком не знал, о чем с ней говорить. Начал суетиться, энергично все организовывать. Потом вдруг остановился посреди кухни, беспомощно улыбнулся.

– У тебя ведь все хорошо? – спросила Турунж испуганно.

Я молча кивнул.

Мать села напротив меня, наблюдая, как я неловко расставляю перед ней чашки. Я смотрел на нее и думал, смогу ли когда-нибудь простить, принять, полюбить – именно как свою мать, и не находил ответа.

Турунж смотрела на меня молча, пристально, словно не узнавала, потом рассмеялась.

– А ты не меняешься.

– Отец сидит, – выпалил я неожиданно, не зная, как начать, – и, судя по всему, это надолго.

Турунж замерла. Потом, вздохнув, произнесла:

– Я знаю.

Повисла пауза.

– Никогда бы не пожелала ему попасть туда, где я была, – произнесла она глухо. – Я всегда буду молиться за него. Я ему буду всегда благодарна за то, что он для вас сделал.

Она не смотрела на меня. Только румянец на щеках говорил о том, что она чувствует и как тяжело ей это дается.

– Если б была возможность, я бы помогла, – она говорила почти неслышно...

Наши взгляды встретились и тут же разошлись, как будто она или я боялись сказать что-то лишнее – какую-то неправду.

– Турунж, ты не переживай. Как видишь, у нас все нормально.

Она не ответила, опустила глаза, и в этот момент на кухню влетел Сережа.

Сын остановился посреди комнаты, пристально глядя на Турунж.

– Конфеты? – протянул он сложенные лодочкой ладошки.

Глаза его смотрели пытливо, точно Турунж уже была его давним другом, с которым у него сложились свои отношения. И Турунж это понимала. Лицо ее просияло, черты смягчились. Она кивнула. Полезла в карман, протянула внуку конфету в яркой обертке.

– Иди ко мне! Я твоя бабушка.

– Мама! – победно завопил Сережа, поворачиваясь в сторону двери. Лида возникла в проеме, вопросительно посмотрела на сына.

– Кто тебе разрешил?

Сережа испуганно посмотрел на Турунж. Турунж, словно спрашивая разрешения, – вопросительно на меня.

– Лидочка, это я разрешил, – улыбнулся я.

Лида кивнула. Сережа, довольный, убежал в детскую. Турунж смотрела ему вслед – словно хотела убежать за ним, но не в комнату, а в свое далекое прошлое.

Это мгновение – как можно такое передать? Чистая, божественная любовь лилась из глаз нашей полубезумной матери, когда она глядела на моего сына.

Лида мягко улыбнулась, грустно вздохнула.

– Пусть она с ними побудет, – шепнул я ей.

Турунж все так и сидела, глядя в пустоту.

– Мы пока тут кое-что сделаем, – легонько тронул я ее за локоть; она вздрогнула, – а ты присмотри за детьми.

Турунж отстраненно на меня взглянула. Я смутился. Казалось, она все понимала. Кто же придумал, что она... не в себе?

Для меня вдруг многое стало ясно. Для чего мы живем, для чего жить будем? Все, что у Турунж сейчас есть, – это ее внуки. Наши дети – Сереженька, а теперь и Женечка. В них для нее смысл жизни. В них она видит то, что некогда у нее отняли.

Если отобрать это снова – что от нее останется? Мысль эта, такая простая и ясная, сверлила мне мозг. Я вдруг понял, чего мы ее лишали. Она давно смирилась с тем, что нас отняли. Что время сделало свое дело – мы выросли. Сколько боли пережила Турунж! И все же я ничего не мог с собой поделать – все равно возвращался мыслями к Хаво. Она была для меня матерью. И это неотменимо.

А у Турунж есть наши дети. Я с болезненной ясностью осознал, как далеки мы, ее дети, оказались от женщины, что нас родила.

Я украдкой смотрел на нее. Глаз выхватывал сетку морщин под глазами, ухо ловило отрывистую речь, а я все пытался вспомнить, о чем она только что разговаривала с Сережей, – ведь так я мог бы узнать, о чем она говорила бы со мной...

Из оцепенения меня вывел Лидин голос.

– Все готово, давайте обедать.

Турунж этого не слышала. Я продолжал, как будто впервые, не в силах оторваться, открывать для себя нашу мать. И с каждой ее улыбкой во мне что-то обрывалось.

Вот как выглядит одиночество. Полное одиночество.

Я подошел к ней. Дотронулся до ее руки. Она напряглась, точно ее застала врасплох эта скупая нежность, неуверенно посмотрела на меня и едва заметно кивнула.

Глаза ее вдруг загорелись неземным светом. Я никогда не видел ее такой. Словно мы очутились в самом прекрасном из ее снов, в котором было синее небо и простое материнское счастье. Веки ее дрогнули, точно она собиралась разрыдаться, да вдруг раздумала.

– А ты что тут делаешь? А ну марш спать!

Сережа, потихоньку подобравшийся к бабушке, сделал вид, что не слышит.

– Я кому сказала!

Сказка разрушилась. Сережа нехотя пошел в спальню.

Турунж посмотрела на Лиду испуганно, что-то в ее лице дрогнуло. Какие-то призраки вынырнули из небытия. Лицо ее снова стало виноватым, движения рук – скованными, словно она опасалась, что я ее стесняюсь, стесняюсь трех ее платьев, в которые, как матрешка, она была одета. Тень вины и обиды – на саму себя, словно она сама во всем виновата, – накрыла ее, и свет в ее глазах погас. Словно тяжелая болезнь, ненадолго отпустив, снова вступила в свои права, мстя и напоминая, кто здесь главный.

LXVIII

Сразу после ужина Турунж стала беспокойно поглядывать на часы, поблагодарила Лиду, а потом дотронулась до моего плеча – просительно, трепетно.

– Игорек, я, пожалуй, пойду...

– Ты что, Турунж! Даже не думай, оставайся.

– Да нет, – она ласково улыбнулась, словно я стоял перед ней маленький, как в детстве.

«Ты еще не все понимаешь», – говорил ее взгляд, но вместо этого она произнесла:

– Я хочу заехать к Славе.

Она сказала это так кротко, словно брала на себя все наши прошлые ошибки, признавала их собственными. Освобождала нас от них. А то, что цепко держала моя и ее память, вдруг стало куда-то исчезать, проваливаться.

Она все прекрасно понимает – в который раз резануло меня. И кто записал ее в сумасшедшие? Но вслух я этого не произнес. А она сама в это тоже, кажется, уже перестала верить, хотя ждала, ждала этого признания. И не дождалась.

Натянутая дежурная улыбка свела мне скулы.

– Надо успеть добраться, – произнесла Турунж низким чужим голосом.

Я кивнул, соглашаясь. Не сделал ни шага, ни попытки что-то исправить, вернуть ее туда, где она каким-то чудом ненадолго оказалась.

Я не попросил ее остаться.

Только улыбался, точно на каком-то светском рауте, который наконец закончился и надо было поскорее возвращаться каждому в свой мир.

LXIX

Дверь негромко хлопнула, словно Турунж не хватило силы даже как следует ее закрыть. Я вздрогнул, посмотрел на часы. Лида растерянно развела руками.

– Все нормально, Лидочка, – произнес я глухо. – Ты сделала все правильно.

– Хорошо, что она смогла пообщаться с мальчиками, – Лида пыталась прервать тягостное молчание.

– Она их безумно любит, – сказал я тихо, – и это все, что у нее сейчас есть. Нельзя лишать ее этого.

– Конечно, – согласилась Лида. Она коснулась моего локтя.

- Ты ведь не стал ей говорить про себя?
- Я отрицательно покачал головой.
- Зачем ее расстраивать? Этого еще не хватало.

LXX

Если не считать время, проводимое на работе, я теперь почти постоянно жил в ожидании. Тишина, а потом звонок...

Я узнал, как напрягаешься при любом резком звуке, как оборачиваешься, словно на зов гонца из преисподней, пришедшего по твою душу.

Говорят, что ко всему привыкаешь. Только не всегда это правда.

- Игорь Алексеевич, – секретарша постучала в дверь.
- Можно?

Я сосредоточенно кивнул.

- Вас к телефону.

Я молча протянул руку к трубке, медленно, будто нехотя.

- Слушаю.
- Это из следственной части прокуратуры СССР.
- В душе как будто что-то оборвалось.
- Гражданин Бабаев?
- Да, слушаю.
- В трубке затрещало.
- Простите?
- Вам надлежит прибыть... – или они сказали «явиться»? Звуки сливались в неразборчивый гул. – Понятно?

Казенный голос продиктовал дату и время. Я записал. Вызывал генерал Каракозов. В трубке раздался сигнал отбоя.

Я даже не понял, сказали ли они что-то еще, попрощались ли, попрощался ли я. В кабинете повисла звенящая

тишина. Как будто даже я перестал дышать. А уместна ли в такой ситуации вообще какая-то вежливость, принятая в нормальном человеческом обществе?

Я застыл.

В нормальном – это одно. Здесь же ничего нормального не было. Я почувствовал на себе пристальный взгляд. Секретарша все еще стояла в дверях, ожидая указаний.

– Тебе чего? – рыкнул я.

Дверь испуганно захлопнулась.

Я выдохнул. Огляделся. Разве в кабинете что-то изменилось?

За окном свистел ветер. Зима на носу. А я в одном пиджаке. Меня зазнобило. Чему быть – того не миновать.

Медленно, почти машинально, я набрал номер адвоката. Услышал в трубке знакомый голос. Слава богу, хотя бы он на месте. Не вдаваясь в подробности, повторил Арии все, что только что услышал.

– Что это значит? Как мне себя вести?

– Игорь, не волнуйся, – Ария будто все предвидел заранее и теперь был рад, что прогнозы оправдались.

Я представил, как повел бы себя на моем месте отец – жестко, решительно, отгоняя страх.

– Как это понимать, Семен?

– Тебя вызвали на допрос, – мягко ответил он. – Только и всего. Мы этого ждали. Надо сказать, довольно неожиданным способом. Повестка была?

– Нет. Только этот звонок.

– Так чего ты волнуешься? – голос адвоката зазвучал громче. – Это же хорошо.

– Чем же?

– Ты знаешь, Игорь, чудес, конечно, не бывает, но здесь есть какая-то интрига.

– В чем?

– Мне кажется, раз они пригласили тебя таким спосо-

бом, значит, они что-то насчет тебя не решили. Если бы они были уверены, давно бы кинули тебя в камеру как преступника. Безо всяких звонков.

Я вдумался в его слова, мысленно пытаюсь отделить утешение от правды. Посмотрел на часы.

– Я понял, Семен.

– Всего! Звони, я на связи, если что.

Ну что же... Надо было все обдумать. Я отменил вечерние встречи и поехал домой.

LXXI

Сидя рядом с водителем, я мысленно прокручивал свой разговор, точнее, их разговор со мной, силясь отыскать какие-то знаки – как мне себя вести. Улиц я не различал. Мотор урчал, я сидел, уткнувшись взглядом в приборную доску, и думал о своем. Шофер тоже не проронил ни слова, словно удивленный или, скорее, заинтригованный моим молчанием. Будто события последнего часа лишили дара речи не только меня. Пару раз мне показалось, что мы едем не туда. Я нахмурился.

– Ты куда меня везешь?

Шофер обернулся.

– Игорь Алексеевич, так ведь тут вчера перекопали. По объездной дороге едем.

– А, – протянул я, – ясно.

Кажется, я становлюсь подозрительным. Так бывает, когда опасность идет по пятам.

LXXII

Лидя открыла мне дверь, подставила щеку для поцелуя. Я вошел. Она смотрела на меня, словно не узнавая. Я молча обогнул ее, как неодушевленный предмет. Подо-

шел к вешалке. Снял ботинки, уставился на себя в зеркало. Потухшие глаза. Настороженный взгляд. Лида осторожно дотронулась до моего плеча.

– Что с тобой, Игорь?

Я ничего не ответил.

– Что с тобой? – повторила она.

Я нехотя повернулся.

– Лида, меня в Москву вызывают, в прокуратуру.

Она растерялась. Чистая, юная, с распахнутыми глазами, она стояла передо мной босиком, понемногу бледнея.

– Лидочка...

Я не договорил, прошел в комнату.

Скинул пиджак, стал расстегивать пуговицы на рубашке, молча, неспешно. Потом так же молча пошел на кухню, сел за стол. Она как привидение следовала за мной.

– Рассказывай! – требовательно произнесла она.

– Я могу не вернуться оттуда, понимаешь?

Она вздрогнула, будто ее ударило током.

Несколько секунд я испытующе смотрел на нее. Слово сам был своим палачом, сам пытался найти слабые места в своей обороне. Или в ее – как будто мы одно целое. Опасность, случается, обостряет чувства: может превратить привязанность в дружбу, дружбу – в страсть, вспыхивающую внезапно, требующую невозможного – полного, неразрывного слияния.

Лида попыталась улыбнуться.

– Если что случится, – сказал я почти спокойно, – ты знаешь, что делать.

Я говорил это буднично, словно в самом деле мог выйти сухим из воды. Как будто для меня это проще простого – не пасовать перед трудностями, совершать чудеса ради любимых. Хотя, положи руку на сердце, на какие такие чудеса был я в этот момент способен? Ни на какие. Потому и говорил самое страшное.

Глаза Лиды расширились, ресницы предательски задрожали. Если она заплачет сейчас, от моего хладнокровия не останется и следа. А оно мне так нужно!

– Дом в Ставрополе. Вы поедете туда, если что...

– Я поеду с тобой! – не дав мне опомниться, непреклонно отчеканила она.

– Тоже мне, жена декабриста – попробовал пошутить я. – Куда ты поедешь?

– В прокуратуру!

– Ты знаешь, что тебя туда со мной не пустят.

– Я подожду на улице.

– Ждать она будет, – я посмотрел по сторонам, словно ища поддержки невесты откуда. – А дети?

– Что дети? Дети с нами поедут. Или оставим их у Кима. Не первый раз, – она упрямо глядела исподлобья.

– Это исключено, – произнес я твердо.

Она нахмурилась, словно говоря: знаем мы ваши угрозы, вы нас не пугайте, мы сами пуганные.

– Игорь, не говори глупостей, – прошептала она.

Я словно этого не слышал.

Время растворилось в вечернем сумраке. Свет я зажигать не стал.

– Тебе одному нельзя, – произнесла она убежденно, точно ее осенило, снизошло на нее свыше то, чему я не могу сопротивляться, ибо это и есть последний аргумент.

– Лидочка! Мне что, кричать? – вопрос прозвучал очень тихо, почти жалобно. – Еще ничего не случилось.

Лида крепко схватила меня за руку почти у локтя, словно я тонул, а она подплыла, чтобы вытащить. Я нежно посмотрел на нее.

– Игорь, это решено. Ты берешь меня с собой, – хриплым и оттого каким-то не своим голосом абсолютно непрекаемо объявила она. – Я не буду обузой.

– Что?

– Да, да... Вдвоем едем.

Вот ведь... Тихая, тихая, а упрется – не своротишь.
В моей душе поднималась волна нежности.

Чашки звякнули.

– Нет, – повторил я, словно это могло сейчас нас хоть как-то успокоить, – ты – точно жена декабриста.

– Я про них ничего не знаю, – не обращая внимания на мой смешок, отмахнулась Лида.

Я дождался, пока закипит чайник, разлил по чашкам кипятком. Машинально посмотрел на часы, пытаясь запомнить этот момент. Показалось, что в своей кровати заплакал Женечка.

– Он спит, – тут же успокоила меня Лида, словно услышав мои мысли.

Я кивнул. Поставил перед ней чашку с чаем.

– Поухаживать хочешь? – с бесконечной нежностью и не без кокетства спросила Лида.

Я медленно покачал головой.

– Не начинай, Лидочка. А то до утра не закончим.

Она провела ладонью по моей щеке.

– Колочий! Ничего с тобой там не будет.

Она сказала это очень серьезно – так серьезно, будто знала что-то, скрытое от всех остальных, будто сотни поколений ее предков наделили ее этим знанием, этой безграничной интуицией, и снарядили в поход. И я не посмел усомниться.

– Лидочка, ты хочешь, чтобы я верил во всю эту ерунду, – проворчал я, отводя ее руку от своего лица.

Лида кивнула.

– Когда мы едем?

– Послезавтра, – ответил я.

Она сосредоточенно кивнула, что-то молча про себя подсчитывая: время, возможности, шансы.

– Не переживай, Игорь, – прошептала она нежно.

Я молча дотронулся до ее руки. Несильно сжал. Хотелось, чтобы она почувствовала силу этого мгновения, отдалась течению. Она устало вздохнула.

– Пойдем спать, – махнул я рукой.

LXXIII

Голос Арии звучал едва слышно.

– Давай, Игорь, рассказывай подробности.

Я начал по второму кругу: про поездку в Сочи, про встречу с Калиниченко.

Мы сидели в его квартире вдвоем. Ария слушал внимательно, не перебивая, лишь один раз вставил:

– Калиниченко знаю. Владимир Иванович.

– Очень неприятный человек.

– Свои эмоции, Игорь, лучше держать при себе.

– Он назвал нас преступниками.

– Он вас пугал. Это его обязанность.

Я пожал плечами, не зная, что еще добавить:

– Так значит что?

– Завтра пойдешь в прокуратуру и будешь отвечать на вопросы. Твой отец через это прошел, – жестко выговорил Ария.

Он сел поближе.

– Игорь, послушай меня внимательно. О чем бы тебя ни спрашивали, уходи от конкретики. Отвечай уклончиво. Будут давить – не поддавайся. Оставь возможность что-то изменить, если понадобится. Сошлись на то, что прошло много времени, что-то мог забыть и так далее. Старайся не отрицать и не подтверждать то, что будут тебе говорить.

Я слушал, стараясь запомнить все до последнего слова. Почувствовав мое состояние, Ария добавил:

– А вот чего делать не надо, так это паниковать. Еще раз вспомни, чем ты мог их заинтересовать. Может быть,

это твоя хозяйственная деятельность. Может, что-то другое. Мы этого пока не знаем. Но есть нечто, что позволяет верить в лучшее.

– Что?

– То, что тебя пригласили без повестки.

– Я это уже слышал.

Ария замолчал, глубоко затянувшись. Выдохнул облако дыма и продолжил:

– Как вернешься – звони, расскажешь, чем все закончилось.

Меня поразило его спокойствие, будто речь шла о походе в театр.

LXXIV

До назначенного срока оставалось полчаса. Мы стояли на Пушкинской возле дома 15а. Улица будто вымерла – ни души. Я взглянул в затянутое тучами небо.

– Игорь, не стой так... – обеспокоенно затеребила мой рукав Лида. – Пойдем погреемся.

– Нет, Лидочка, – я мягко высвободил руку, – давай лучше пройдемся.

Мы молча пошли вдоль ограды мрачного здания.

В какой-то момент меня захлестнула ненависть к этому городу, словно все его переулки, фасады и кованые решетки собрались воедино, чтобы загнать меня в угол, припереть к стене. Все казалось враждебным – дома, улицы, магазины. Я взглянул на часы.

– Пора!

– Игорь, я уверена – все будет хорошо, – Лида обняла меня. Я молча кивнул.

– Я буду ждать тебя здесь.

Наивная.

– Ты замерзнешь. Езжай домой.

– Нет. Я знаю, ты вернешься, и мы поедem вместе. Я буду ждать тебя здесь.

Я обнял Лиду, развернулся и молча пошел к проходной.

LXXV

Милиционер на входе со скукой посмотрел на меня.
– Бабаев.

Я протянул паспорт.

Он уткнулся глазами в списки, пробегая их взглядом, пока не наткнулся на мою фамилию. Выписал пропуск, что-то сличая с паспортом, молча протянул бумажку.

– Проходите.

Двор представлял собой каменный мешок. Со всех сторон – громады зданий. Сообразив, куда идти, я глубоко вдохнул и толкнул дверь.

LXXVI

Одинаковые двери по обе стороны коридора. Латунные цифры. Ага, вот оно. «Начальник следственной части прокуратуры СССР Герман Петрович Каракозов», – значилось на табличке. Постучав для приличия, я вошел. В глубине кабинета сидел человек лет пятидесяти – пятидесяти пяти, кавказской внешности, с густыми бровями и обветренным, словно у бывалого моряка, лицом.

– Здравствуйте.

Он уперся в меня взглядом.

– Ну что же, надеюсь, Игорь, ты понял, что вызвал я тебя не по делу отца. Речь пойдет о тебе и твоem брате.

Каракозов сделал паузу, не сводя с меня глаз.

– У отца другая история, материала достаточно, – заговорил он вновь. – Он здесь надолго и вряд ли выйдет.

Но в эту мясорубку, – он ткнул пальцем в папку, лежащую на столе, – попали ты и твой брат. И мы вынуждены с этим разбираться.

Он помолчал, будто досадуя, что мы с братом втравили его во всю эту малоприятную историю, которая ему до чертиков опостылела.

– Ваш покровитель Тарада многое рассказывает.

Говорил он спокойно, почти равнодушно, словно речь шла о борще, который он съел на обед.

– И что интересно – все подтверждается. Уже несколько сотен людей попали к нам по его показаниям, и вот ведь штука – тоже все в яблочко, – он с притворным удивлением развел руками. – Тарада пишет и пишет, и дело идет. К сожалению, в списке Тарады есть и ты с братом. Как следователь я вынужден принимать меры.

Я сидел молча. Да и что было говорить? В памяти всплыли слова Арии «не торопись отвечать. Больше слушай». Значит, так и поступим.

Каракозов между тем продолжал:

– Игорь, я сейчас говорю об этом с тобой по просьбе твоего отца. Объяснить то положение, в котором вы оказались, и правильно сориентировать – моя задача.

Он помедлил.

– Что ты можешь на все, что только что услышал, мне сказать?

– Я могу сказать лишь одно: да, я знаком с Тарадой, но особых контактов с ним у меня не было. Он лишь время от времени интересовался работой, выполнением плана – ничего более.

Каракозов глубоко и шумно вздохнул и нажал кнопку на углу стола. Появился конвоир.

Каракозов без слов махнул рукой в сторону двери. Конвоир обратился ко мне:

– Пройдемте.

Мы шли по коридору, пока не уперлись в двери лифта. Конвоир нажал на кнопку, лифт дернулся, мы стали опускаться вниз.

Мы ехали так долго, что, кажется, находились уже глубоко под землей. А лифт все двигался. Наконец кабина замерла.

Мы оказались в слабо освещенном коридоре. По обеим его сторонам шли железные двери камер. У одной из них конвоир велел мне остановиться. Открыл ключом замок и приказал войти внутрь. Я сделал шаг вперед, и дверь за мной захлопнулась.

LXXVII

Наверху, над самой головой, тускло горела лампочка. Я огляделся. Пустой цементный мешок.

Я почти физически ощутил, как тишина заползает в голову, словно неведомая фантастическая тварь, и давит изнутри, пытаясь лишить разума и воли, подчинить себе, сломить сопротивление.

Начал считать про себя, пытаясь ни о чем не думать, просто занять мозг выполнением механической операции, и не заметил, как утратил ощущение времени. Сколько я уже здесь? Минуты? Часы? Совершенно не мог себе представить. Я впал в какое-то оцепенение. Может, это и к лучшему. Своего рода защитная реакция организма.

LXXVIII

Тем временем Лидочка страшно замерзла на улице. В который уж раз она посматривала на наручные часы – мой подарок. Прошло четыре часа. Вздрагивая от холода, Лида ходила вдоль кованой ограды прокуратуры, пытаясь хоть немного согреться.

LXXIX

И все-таки, сколько я здесь уже? Я привычным жестом отдернул край рукава на запястье. А, черт, часы забрали! Я уставился в стену.

Лида возникла перед глазами почти реально, словно на самом деле стояла передо мной, по какому-то волшебству вдруг оказавшись в этой затхлой камерке, – и я сразу почувствовал твердую почву под ногами. Крепла уверенность: я обязательно нащупаю брод, я дойду до конца и выберусь – если не отсюда, то из этой выматывающей тотальной неопределенности.

Одна тема беспрестанно вспыхивала в мозгу, не давала покоя. Тарада сдал нас – это непреложный факт, и сокрушаться по этому поводу никакого смысла не имело. Просто приняли как данность. Так. Дальше. Главный вопрос – что он мог им рассказать. Вот это и следовало обдумать во всех деталях. Я принялся перебирать в памяти наши бесчисленные встречи, разговоры, первый визит к нему на Красную. Да, многое нас связывало...

Стоп. Отец! Каракозов сказал, что говорит со мной по просьбе отца. Что они могли обсуждать? Какой разговор шел у них о нас со Славой? Генерал недвусмысленно намекал, что отец через него пытается нам что-то передать. Что? Ведь сам он все отрицал – даже очевидное. Что же тогда он мог сказать про нас Каракозову?

Нет, не могло такого быть. Исключено. Это не в его характере. Что тогда? Каракозов врет? Тоже не похоже.

Я оглядел стены камеры, попытался прислушаться. Гробовая тишина. Скорее всего, я под землей. В преисподней.

Так, вернемся к началу встречи. Меня вызвали без повестки. Ария утверждал, что это хороший знак. Черт, не рехнуться бы. Я снова попробовал вести счет времени.

Сосчитал до ста, потом до тысячи, сбился. Кажется, я тут уже целую вечность. Не могут они просто взять и швырнуть меня сюда! Я же директор, коммунист, депутат, наконец! Партбилет со мной. Они обязаны с этим считаться!

И тут за мной пришли.

– На выход! – скомандовал конвойный.

LXXX

Шаги гулко отдавались от стен – не поймешь, то ли меня ведут одного, то ли за спиной шагает целый строй подневольных бедолаг.

В кабинете, в который меня привели, сидел рослый сухощавый полковник. Следователь по особо важным делам прокуратуры СССР Георгий Эфенбах.

Он молча указал мне на стул. Все продумано: свет бьет в глаза – не сосредоточишься. Чему там учил меня Ария? Я собрался, как по команде, приготовился сопротивляться всесокрушающему психологическому давлению, которым было пропитано все – кажется, даже сам воздух.

Хозяин кабинета нажал скрытую от моих глаз кнопку. Дверь отворилась, послышался голос конвоира:

– Вперед!

На пороге возникла фигура. Я обомлел. Тарада!

Держать себя в руках! Так, хорошо. Внешне я ничем не выдал своего ошеломления.

Тарада смотрел мимо меня, словно кроме него и Эфенбаха в комнате никого не было. Эфенбах указал ему на стул.

Больше всего меня поразило даже не само его появление, а то, как сильно он изменился с нашей последней встречи в его новой московской квартире. Тогда это был пышущий здоровьем богатырь. Сейчас передо мной сидел старик. Он так похудел и осунулся, что его трудно было узнать.

– Вам знаком этот человек? – спросил следователь Анатолия Георгиевича.

– Да, это Игорь Бабаев, – ответил Тарада.

Эфенбах не отводил от него холодных глаз.

– Игорек, – Тарада впервые взглянул на меня. – Игорь! Мы виноваты перед Родиной. В чем я теперь чистосердечно раскаиваюсь.

Если бы не враз побелевшее лицо и бесцветные глаза, я подумал бы, что он говорит искренне.

Да его опоили! А что они могут сделать со мной?

Тарада говорил, словно с трибуны, как прежде, на какой-то партийной конференции.

– Игорек! Я все изложил на бумаге. Как ты мне передавал деньги, сколько раз это было, где и когда, указал суммы...

Я сидел оглушенный.

– Игорек, – продолжал он, – послушай меня, сделай то, что сделал я. Признайся! Очисти душу.

На секунду мне стало жаль этого некогда могущественного человека, который теперь, превратившись в собственную тень, уговаривал меня написать на себя донос.

– Я предлагаю тебе поступить так же, как я, снять груз с души, искупить вину перед страной. Написать все, как было. Правду.

Я не выдержал:

– Анатолий Георгиевич, может, вы меня с кем-то путаете? – спросил я дружелюбно, отчего следователь чуть не поперхнулся. – У вас было столько контактов, что вы легко могли что-то позабыть.

– Нет, Игорек! К сожалению, это правда! – произнес он, искоса взглянув на Эфенбаха. – Мой тебе совет: сделай то же, что и я.

Видимо, на этом его миссия была окончена, так как Эфенбах нажал кнопку и Тараду увели.

Дверь за ним закрылась. Эфенбах не произнес ни слова, собрал какие-то бумаги и вышел. Я остался один.

Через некоторое время в кабинет заглянул конвоир.

– Пройдемте!

Меня снова повели по коридору. Неужели обратно вниз? Но мы прошли мимо лифта и направились к кабинету Каракозова, с которого и начался мой затянувшийся визит в прокуратуру СССР.

Рядом с Германом Петровичем сидел Эфенбах.

– Ну что, Игорь, я так понимаю, никакие слова на тебя не действуют и ты продолжаешь отпираться? – заговорил Каракозов.

– От чего мне отпираться? Я сказал все, как было.

Каракозов достал из ящика стола пухлый серый конверт и с размаху бросил его на стол. Конверт раскрылся, из него вывалилась стопка фотографий.

– На! Смотри!

Снимки разлетелись по столу, точно колода крапленых карт. Генерал ловко выхватил одну и поднес прямо к моему носу.

Я увидел Тараду в окружении милиционеров с автоматами и еще каких-то людей у непонятного дома. Тарада показывал пальцем куда-то на землю.

– Видишь? – тихо, с угрозой спросил Каракозов. – Смотри внимательней! Узнаешь?

Он протянул мне еще фотографии. Я вгляделся в одну, другую. Вот Тарада стоит у края ямы, на дне которой виднеются мешки. Вот эти мешки достают, вот их распаковывают. Вот пачки денег, стопки сберкнижек на предъявителя, вот россыпь бриллиантов.

– У него даже деньги выцвели от времени, – он ткнул мне в лицо еще один снимок.

Я молча перебирал карточки. На одной из них – содержимое ямы, разложенное на земле. Я был поражен. Целое

богатство! В оцепенении я продолжал разглядывать фотографии. Голос Каракозова вернул меня к действительности:

– Здесь ценностей на миллион долларов. Почему я не должен ему верить? Ты видишь, сколько он награл?

Генерал вопросительно заглянул мне в глаза и спокойно продолжил:

– Все, что у него было, он сдал нам. И написал, сколько, когда и у кого брал.

Я молчал. Сказать было нечего.

– Игорь, я даю тебе шанс. Сделай выбор: или выкладываешь все начистоту – напишешь о вымогательстве со стороны Тарады, или я выдаю санкцию на твой арест.

Я втянул голову в плечи.

– Если ты собственноручно напишешь заявление с изложением всех фактов вымогательства денег Тарадой, то по закону можешь быть освобожден от уголовной ответственности.

Он помедлил.

– У нас есть все, чтобы оставить тебя здесь очень долго. Поверь. Я даю тебе возможность уйти от ответственности, написав в заявлении все, как было. Я исполняю просьбу вашего отца и советую использовать этот шанс. Надо написать заявление о вымогательстве. Добровольно. В наш адрес.

Он дал мне возможность переварить услышанное и заключил:

– Если через неделю обращения не будет, я дам санкцию на твой арест. И передай брату, что мы ждем от него такого же признания. Не буду скрывать – у него ситуация сложнее. Тарада в его делах увяз по уши. Но и у него другого пути нет. Только признание поможет смягчить последствия. Повторяю – у вас неделя. Не будет заявления – последует арест.

LXXXI

Я вышел на улицу. Голова кружилась. Завтра. Думать обо всем этом кошмаре – завтра. Сейчас я был выпотрошен, утратил представление о каких бы то ни было ценностях, кроме чистого воздуха и свободы.

Я пошел вдоль ограды и увидел вдалеке Лиду. Она бросилась ко мне.

Вот она – та самая сила, которую я все время ощущал. Да, ее сила... Пока я был в застенке, она ждала меня здесь, на углу.

Лида обхватила меня обеими руками.

– Игорь!

Я обнял ее, мы застыли, словно примороженные друг к другу.

– Пойдем отсюда, – сказал я быстро, хватая Лиду за руку. – Пойдем.

С неба посыпал мокрый снег.

– Ты расскажешь? – нерешительно спросила Лида.

Она заглядывала мне в глаза, словно сияясь разгадать, что я пережил, но натываясь на какую-то все еще не выветрившуюся из меня пустоту сопротивления.

Я отрицательно мотнул головой.

– Только не сейчас. Лидочка, – я вдруг понял, что мне сейчас нужно. – А давай где-нибудь поедим. Я страшно голоден. Просто умираю.

Я обернулся. Перед нами сияли неоновые буквы. Я толкнул дверь, пропуская Лиду вперед.

LXXXII

В ресторане все столики были заняты. Я молча протянул метрдотелю хрустящую купюру.

– Посадите нас куда-нибудь. Лишь бы было тихо.

Он понимающе кивнул.

– Прошу за мной.

Он проводил нас в маленький зал, за столик у окна.

– Дайте бутылку водки, – велел я подошедшей официантке.

Поймал испуганный взгляд Лиды. Небрежно махнул рукой.

– Сейчас это то, что надо. Не волнуйся.

LXXXIII

Свет полоснул по векам. Я замотал головой, пытаюсь вернуться в сон. Не хотелось включаться, вспоминать реальность...

Голова разламывалась. Я все-таки выполнил вчера свое намерение – напился. С трудом оторвал голову от подушки. Рядом лежала Лида.

Да, жить предстояло учиться заново. Привыкая к чувству опасности.

Только сейчас я понял, что меня разбудил не рассвет, а будильник. Я ударил по нему рукой, убирая звук. Кому он сейчас нужен, такой неистовый? По ком звонит?

Лида пошевелилась.

– Игорь, – прошептала она, открывая глаза, – как ты себя чувствуешь?

– Пить хочется.

Лида зашлепала босыми ногами по полу. Окончательно меня разбудил аромат свежемолотого кофе.

Поджаренный хлеб – теплый, пахучий – казался только что испеченным. Я откусил большой кусок, медленно разжевал, прислушиваясь к ощущениям, с наслаждением вдохнул аромат. Подцепил кончиком ножа тонкий слой масла, намазал на хлеб. Простые движения казались сейчас исполненными глубокого смысла.

– Игорь! – вывел меня из задумчивости Лидин голос.

– Да... – я сделал глоток обжигающего напитка. Отставил кружку. Поднялся. Подошел к окну. Снова падал снег. Все казалось таким чистым и ясным. – Они засунули меня в камеру.

– Что?!

– Куда-то в подземелье. К чертям, – спокойно продолжил я.

– Ты можешь все по порядку?

– Ох, – я вздохнул, – по порядку... Знать бы, в чем он заключается, этот порядок... Семен, – прошептал я устало. – Надо к нему ехать. Он знает их кухню.

И я начал рассказывать.

– У меня неделя, Лида, – закончил я. – Надо решить, как жить дальше: во всем признаться или сесть в тюрьму. Другого выхода нет.

Лида ошарашенно смотрела на меня.

LXXXIV

Ария держался сухо. Изредка утвердительно кивал, словно получая подтверждение чего-то, что он предвидел, но предупредить меня не удосужился; временами сосредоточенно прищурился, будто делая пометки в воображаемом блокноте. Вроде бы знает меня как облупленного, а нет, все равно придерживается рамок. Я подробно, стараясь не упустить ни малейшей детали, рассказывал ему о допросе и выкрутасах обоих следователей. Он почти не перебивал.

Я вертел в руках пустую чашку из-под кофе, заново переживая кошмар вчерашнего визита.

– Полагаю, они попросили написать признание?

– Да.

– Это хорошо.

Я недоуменно воззрился на него. Ария глянул лукаво, как бы подсказывая: ну вот же, ты сам уже назвал разгадку, да только не заметил.

– Вы для них – не главная фигура, если я правильно понимаю. И это больше всего сейчас нас обнадеживает.

Это «нас», произнесенное им, странным образом успокаивало. Значит, в его понимании, мы в одной лодке. Это хорошо.

Семен откинулся на спинку дивана:

– Они хотят выжать все против Тарады. Это, по-видимому, главная их цель. И здесь мы должны пойти им навстречу. Отмолчаться – не получится.

– Значит, чистосердечное признание?

– Ну это как сказать. Для них факт передачи денег доказан. Но они тебя выпустили. Хотя запросто могли арестовать.

Ария затаился.

– О чем это говорит?

– Не знаю. Толком не знаю. Но иначе, чем чудом, это не назовешь.

– А что из этого следует?

Ария снова затаился, исполняя зажатой в пальцах сигаретой какой-то замысловатый танец в воздухе.

– Знаешь, что я думаю?

Он добродушно посмотрел на меня.

– Каракозов, похоже, уважает твоего отца. Теперь я в этом уверен. Как бы они его ни давили – все напрасно.

– Странно. По его тону я этого не заметил.

– Тон – ерунда, – добродушно усмехнувшись, возразил Ария. – Важно, что он тебя не арестовал. Хотел бы – в два счета закрыл бы.

– Что-то я этого не понимаю, – с сомнением протянул я.

Брови Арии взметнулись вверх.

– Я тоже. Но это и не важно. Гадать сейчас бессмысленно. Главное, ты на свободе. И это наш шанс. Другого не будет. Надо писать заявление.

Ария поднялся, потянулся, точно у него затекли руки, начал неторопливо ходить взад-вперед, в глазах его зажглись огоньки. Потом, видимо, все основательно обдумав и приняв решение, быстро подошел к столу, взял перо. Положил перед собой лист бумаги.

– Было бы здорово, если бы мы вообще не упоминали никаких сумм.

– Как это?

– А вот так. Слушай.

Я смотрел на него, как на волшебника. Расспрашивая меня о деталях, уточняя подробности, он тут же что-то записывал, изредка озвучивая какие-то обороты. Прошло больше часа. Все, что Ария из меня выудил, выглядело очень расплывчато.

Закончив, он посадил меня перед собой и начал читать, периодически делая паузы и скидывая на меня свои пронизательные глаза – хотел удостовериться, что я согласен со сказанным.

Я слушал, а Ария все перечислял и перечислял: как я предоставлял Тараде машину, как помогал со стройкой, покупал сантехнику. Упомянул несколько встреч с Тарадой, когда приходилось передавать по его требованию деньги – 500 или тысячу рублей.

– Все верно? – спросил он, закончив.

Я неопределенно пожал плечами.

– А ты молодец, Игорь.

Я удивленно посмотрел на него.

– Правильно вел себя.

– Это, – он ткнул пальцем в бумагу – то, что надо. Это нельзя однозначно трактовать.

Хорошо бы он оказался прав!

Он протянул мне исписанный лист, я пробежал его глазами, аккуратно сложил и убрал во внутренний карман пиджака. Поднялся. Крепко пожал адвокату руку, простился и вышел.

Всю дорогу домой черновик сквозь ткань кармана жег мне сердце.

LXXXV

Лидочка, ты собралась?

Лида в халате встретила меня в дверях и с улыбкой закинула руки мне на шею.

– Пора в аэропорт, – произнес я, целуя ее в лоб.

– Ты после Арии всегда такой нервный, – заметила она. – А времени еще – вагон и маленькая тележка.

Она обернулась, посмотрела на часы.

– Ты поешь, а я пойду соберусь.

– Вечно ты... – беззлобно буркнул я. – Предупреждал же, что после адвоката – сразу в путь...

– Не могу же я ехать в мятом, – она покосилась на диван, где лежали пальто и какие-то платья.

Лида поставила передо мной тарелку. Я присел к столу как-то бочком, словно на бегу, готовый по первому сигналу сорваться и нестись куда-то, а Лида все сновала вокруг, поднося то вилку, то чистую тарелку, и эти ее хлопоты, забота, сопереживание действовали умиротворяюще. Я понемногу начал успокаиваться. Если бы не это гнетущее чувство опасности!

Аппетита у меня не убавилось. Как из голодного края, я накинулся на еду.

– Не знаю, чем все это закончится, но Ария полон оптимизма.

– Оптимизма? – переспросила Лида.

– В дороге расскажу.

Я подошел к телефону, набрал номер Славы.

– Слава, встречай нас сегодня в Краснодаре.

Брат не удивился. Записал, что я продиктовал, никак не отреагировав на мой напряженный голос. Словно это было в порядке вещей.

Слава богу, хватает ума не задавать лишних вопросов, – подумал я.

А ведь в самом деле, вдруг это выход? Признание. И от меня больше ничего не потребуется?

LXXXVI

Еще издали я увидел Славу. Он стоял в длинном, словно с чужого плеча, мешковатом плаще поодаль от толпы, словно опасаясь, что в гуще людей накличет на себя какие-то неприятности. Он тоже сразу заприметил нас.

Так бывает у людей одной крови. В любом столпотворении они безошибочно распознают своих. Я издали помахал ему рукой.

Слава обнял меня, схватил чемодан.

– Ну что?

Я поморщился.

– Поехали, времени в обрез.

Он не стал задавать лишних вопросов. Я уселся рядом с братом, Лида расположилась на заднем сиденье, утомленно прикрыла глаза. Мотор заурчал.

– С приездом, соколики, – улыбнулся Слава. Лицо отекшее, под глазами круги, словно не спал всю ночь.

– Бессонница замучила, – пояснил он, заметив мой вопрошающий взгляд.

Машина тронулась.

– Игорь, давай, не томи!

– Полный капут, Слава! Ты это хотел услышать?

– Что значит «капут»? – растерянно спросил он.

– Анатолий Георгиевич сдал нас с потрохами.

Что-то похожее на сожаление шевельнулось у меня в душе.

Слава побледнел. Повернулся ко мне, словно я сказал нечто невразумительное.

– Что значит «сдал»?

– Ты внимательнее на дорогу-то смотри. Обидно будет разбиться, выйдя на свободу.

– Какую «свободу»? Ты о чем, Игорь?!

– Нас сдали, Слава. Но меня не посадили. Хотя должны были. Так считает Ария.

– А точнее?

Слава больше не смотрел на меня, занятый дорогой.

– Ну, чтобы это не превращалось в песню на «бис», скажу, что меня держали в одиночке целый день, а потом посоветовали сделать, так сказать, «чистосердечное признание». Сколько и чего я ему давал.

Руль в руках Славы дернулся.

– Тарада лично убеждал меня сознаться в том, что я давал ему взятки. Дескать, я, мол, сознался, теперь – твоя очередь. Во как заговорил!

– Ты видел Анатолия Георгиевича?

– Да, очную ставку проводили.

Вспомнилась камера и ее гробовая тишина.

Слава не смотрел на меня, по-прежнему сосредоточенный на дороге, только как будто сильнее вжался в сиденье. Несколько мгновений он вникал в смысл сказанного.

– Эх, Анатолий, Анатолий... – пробормотал он вдруг с какой-то отчаянной тоской.

– В общем, хреново. Плохо то, что у тебя, Слав, положение еще хуже. Так мне Каракозов сказал.

– Как?!

Он повернулся ко мне резко, точно на него кипятком плеснули.

– А так и сказал: ситуация у тебя серьезнее. Единственный выход – сотрудничать со следствием. И ты должен сделать то же, что и я.

– А что адвокат, Игорь?

– Адвокат сочинил мне повинную.

Я хлопнул по пиджаку, где во внутреннем кармане лежал черновик письма.

– Тебе генерал советует поступить так же.

– Нет, Игорь. У меня все иначе. Тарада у меня в делах сидел. Ты же знаешь. У меня-то он не вымогал. Я с ним напрямую работал.

Я задумался.

– Сознаешься – это будет смягчающим обстоятельством.

– Разве нет другого варианта?

– Какого?

– Я тут посоветовался. Вышел на врача из психушки. Он мне сказал, что если меня признают... – он с трудом подбирал слова, – невменяемым, то заберут в больницу, а не посадят за решетку.

– А как ты докажешь, что ты невменяшка?

– Лекарства есть, – выдохнул Слава. – Одурмянят меня. Понимаешь? Накачают.

– Я не знаю, Слав, выход ли это. А вдруг и в самом деле двинешься?

– Пустое, Игорь, – отмахнулся Слава. – Это не так страшно. Сам посуди. Что лучше: сидеть в тюрьме либо лежать в дурке? Бланду жрать лет пятнадцать или таблетки?

Я вздохнул. Увидел Славиными глазами, какая пропасть разверзлась перед ним.

– Как знаешь, – тихо произнес я. – Мне-то все ясно. А ты... Ты сам решаешь. У тебя есть шанс все представить как вымогательство.

– Нет, Игорь! – Слава почти кричал. – Это невозможно.

Он помолчал, раздумывая. Потом процедил:

– У тебя свой путь, у меня – свой.

Я видел, как Слава изредка покачивает головой, словно продолжая мысленно со мной спорить.

– Слав!

Я ткнул его в плечо. Надо было менять тему разговора.

– Что у тебя дома? Ждешь пополнения?

– Ага, – Слава безразлично кивнул.

– Лучше скажи, что с твоей женой?

– На шестом месяце.

– Это же прекрасно!

Я хлопнул его по колену. Видимо, заряд моей энергии наконец-то передался ему, потому что он слабо улыбнулся. Только улыбка получилась вымученная.

– Неужели это конец, Игорь?

– Я так не говорил.

– Даже если на свободе останемся – это же волчий билет.

Я покачал головой, тяжело вздыхая. Что было говорить, если человек не желает слышать? Я уставился в окно и за всю оставшуюся дорогу больше не проронил ни слова.

LXXXVII

Мы въехали в Тихорецк, где находился Славин комбинат. У директорского корпуса нас уже ждал Ким с моей машиной. Я кивнул ему издали. Потом обернулся к брату, который стоял на ветру, отвернувшись, глядя куда-то вдаль.

– Слав, не раскисай. Мы поедем. А ты держи меня в курсе, как и что у тебя.

Мы обнялись. Я вдруг почувствовал страшную усталость.

Ким перетащил вещи. Мы уселись в машину. Мотор взвыл. Я смотрел на Славу, пока его фигура не скрылась из виду, затянута морозной мглой. Сумерки стремительно накрыли землю.

LXXXVIII

Непривычная тишина в доме действовала гнетуще. Лида с утра ушла гулять с детьми. Я отхлебнул крепкого чаю, решительно уселся за стол и положил перед собой текст, составленный Арией. Под ложечкой томительно засосало.

Как кстативернулась Лида! В передней зазвенели детские голоса.

– А ну, марш умываться.

Они затеяли возню в коридоре – мои родные малыши. Не могут поделить машинку, хотя их пруд пруди. От звуков детских голосов как-то вдруг отлегло от сердца. Я собрался с мыслями. Раскисать было никак нельзя.

Лида вошла в комнату неслышно, замерла за спиной. Склонившись, стала из-за моего плеча читать лежащий передо мной черновик.

– Игорь! – ахнула она.

Я вздрогнул.

– Что это?

Она взяла лист в руки.

– Все в порядке, – успокоил я. – Лидочка! Это то, что я должен сделать.

– Делай, как Ария говорит. Лучше него никто не посоветует, – она положила черновик обратно на стол. А я все сидел неподвижно, не в силах отвести взгляд от ровных строчек. Будто они были написаны моей кровью. Спасут они меня или погубят? Что они нам сулят – надежду или приговор?

LXXXIX

Рабочий день подходил к концу. Я заперся в кабинете, положил перед собой письмо. Я уже знал его почти наизусть – слово за словом, фразу за фразой. И от каждой хотелось инстинктивно увернуться, как от удара хлыста. Я взял письмо в руки, словно ощущая непомерную тяжесть. Еще раз пробежал глазами переписанный набело текст, вложил лист в конверт, запечатал. Аккуратно, будто под диктовку, написал адрес. Вывел фамилию «Каракозов». Сунул письмо в карман и вышел из кабинета.

Машина ждала. Я велел водителю ехать домой. На полдороге остановил его, вышел из машины и бросил письмо в синий почтовый ящик на столбе.

То ли показалось, то ли на самом деле я услышал, как конверт плюхнулся на дно ящика. Ну вот и все. Назад пути нет.

XC

Меня передернуло. Вспомнилась первая встреча с Каракозовым, ожидание допроса, тюремный мешок, и в памяти сам собой всплыл голос генерала. Признайтесь – или «даю санкцию»...

– Игорь Алексеевич!

Я вздрогнул. Сидящий напротив главный инженер недоуменно смотрел на меня, ожидая ответа.

– О чем мы говорили? – переспросил я.

Совещание. Я совсем потерял нить разговора. Проблема была пустяшной, почти нелепой по сравнению с тем, что клубилось у меня в душе. Я вслушался в вопрос. Ответил и снова погрузился в навязчивые думы.

Передо мной вновь замаячило лицо Каракозова и одутловатая, в каких-то вмятинах, физиономия второго

следователя, Калининченко. С какой ненавистью следил он за каждым моим движением, подстерегая, где я дам слабину! Неожиданно заколотилось сердце. Я усмехнулся. Нервы. Все одни только нервы, как любит говорить дед Нахамьё.

Вдохнул – выдохнул. Приказал сам себе: «Ни о чем не думай! Как-нибудь все обойдется».

Интересно, где сейчас письмо? Уже на пути к Москве или еще в Армавире, на сортировке? Ждет своего часа?

Я хлопнул ладонью по столу.

– Спасибо, товарищи. На сегодня все.

ХСИ

Прошла неделя. Время от времени я возвращался мыслями к письму, пытаюсь представить, где, в какой точке пути оно находится. Легло уже на стол Каракозову или все еще в дороге?

Комбинат, текущие дела, – все отступило на второй план. Каждый новый день воспринимался как продолжение начавшейся игры. Призрак тюрьмы обретал реальные черты – меня могли взять в любую минуту.

Подошел к телефону, набрал номер. Минуту ждал, но ответа так и не услышал. Еще попытка. И вот наконец усталый женский голос:

– Приемная Вячеслава Алексеевича.

– Соедините меня с директором. Это его брат говорит.

Секретарша растерянно молчала.

– Что?! – раздраженно рявкнул я. – Вы меня не слышите?

– Слышу, – замялась она.

– Соедините меня с Бабаевым.

– А... он заболел.

– Что? Когда?

– Он в больнице сейчас.

– В какой?

– Вы не знаете? – в слащавом голосе звучало приторное сочувствие. – Ему на работе вчера плохо стало. Его на скорой увезли.

– Куда?

– В больницу. Больше я ничего не знаю, – она замешкалась, не зная, что еще сказать, и добавила: – может, вам лучше с семьей связаться?

Я молча положил трубку.

ХСII

Вечер на комбинате – самое спокойное время. Я сидел, уткнувшись в отчет, заставляя себя вникать в смысл каждой цифры и фразы. В дверь постучали.

– Войдите.

На пороге стоял Павленко. Я кивнул ему на стул.

– Что у тебя?

– Информация. Важная. По поводу Славика.

Я посмотрел на дверь кабинета.

– Прикрой дверь.

– Ну, в общем, его увезли в больницу.

– В какую?

– В Тихорецкой психушке он. Я с врачом разговаривал. Значит, Славка пошел по своему пути...

– Его можно навещать?

– Врач сказал, сейчас это лишнее. Пару недель лучше подождать. Все равно бесполезно встречаться. У него – обострение. Он вроде даже родных не узнает.

– Как это не узнает?

– Ну, – Павленко замялся, – заболевание серьезное.

– А оно... – я помолчал, подбирая слова, – обратимое?

– Все будет хорошо, – уклончиво ответил Павленко.

– Спасибо, держи меня в курсе.

Павленко вышел.

Я отбросил отчет. Почему Слава меня не предупредил? Не успел? Я попробовал снова углубиться в бумаги – никакого толку.

В ушах все звучали слова Павленко «Увидеть нельзя... Бесполезно... Не узнает...». Это меня-то? Родной брат! Что же он с собой сделал? Или это врачи намутили? Ох, не перестарались бы.

ХСІІІ

Мы сидели за столом друг напротив друга. Жареная картошка шипела на сковороде. Говорить особенно не хотелось.

– Ты чего такой? – от Лиды ничего не скроешь.

– Сегодня узнал – Славу в больницу забрали.

Лида откинула прядь со лба.

– Что с ним случилось?

– Плохо ему стало, прямо на работе, увезли по скорой.

– Мы же недавно его видели. Он был совсем здоров, – изумилась она.

– И что? – спросил я. – Был. А теперь родных не узнает.

– Ты это серьезно, Игорь? – Лида в ужасе смотрела на меня.

– Куда уж серьезнее. Павленко рассказал. Он сделал так, как и планировал. В психушку лег. А это значит, что до него добрались.

Лида испуганно кивнула. Встала, зачем-то прошлась из угла в угол, вернулась, села напротив.

– А что с твоим письмом?

– Как видишь – ничего не происходит. И это уже хорошо.

XCIV

Перывистый телефонный звонок заставил вздрогнуть. Межгород. Недоброе предзнаменование. Из Москвы? Я с замиранием сердца поднял трубку.

– Игорь, Нахамьё умер!

Истерический вопль Эллы – как удар под дых. Я не сразу осознал, что она сказала. Переспрашивать было бесполезно – она зарыдала, я не мог разобрать ни слова.

Звук захлопнувшейся от сквозняка форточки показался выстрелом.

– Элла! – крикнул я. – Элла, – повторил тише.

Замолчи! Не продолжай! Скажи, что оговорились! Вот что хотелось проорать, но вместо этого я обреченно спросил:

– Когда?

– Кушал на кухне, час назад, поперхнулся, закашлялся и умер.

Я окаменел. Невозможно было представить Нахамьё мертвым. В комнату вошла Лида. Увидела мое лицо. Встревожилась.

– Нахамьё, – произнес я упавшим голосом.

Лида судорожно зажала рот ладонью. Надрывное «и-и» вырвалось из горла.

– Хаво... Что Хаво? – рыдая, повторяла она.

Уткнулась мне в плечо.

– Ты туда поедешь? Я с тобой... Ты говорил с Хаво?

– Нет. Надо идти собираться.

Я встал. Сделал два шага, сел обратно. Попытался собраться с мыслями. Вспомнил, как Нахамьё водил нас в баню, как мы с ним играли в нарды. В ушах звучал его голос: «Еще партечку, Игорь».

Нахамьё был душой нашей семьи. Согревал всех нас своим безудержным весельем и теплом. Все это теперь

в прошлом. Воспоминания бесконечным хороводом закружились в голове.

– Так и не дождался отца, – прошептал я.

В комнату прибежал Сережа, вернулась Лида с Женькой на руках. Я прижал к себе их всех сразу – самых близких и родных людей на земле. Прижал так сильно, как только мог, словно пытаюсь оградить, защитить от боли.

ХСV

Можете подать ходатайство, чтобы отца выпустили на два дня? Его отец умер.

Я произнес слова четко, чтобы Ария все разобрал.

– Игорь, не волнуйтесь. Я подготовлю бумагу. Но думаю, что и в этот раз ответ будет отрицательным.

– Но это же отец... – я умолк в отчаянии. – Вы понимаете, Семен? Для отца это вопрос жизни и смерти.

– Понимаю, Игорь. Но ему придется выдержать отказ.

Я уставился в окно, будто высматривая что-то важное. Все представлялось сейчас невероятно значимым: и ряд фонарей, сверкающих на морозе, и желтые огни автомобильных фар, и глухой, едва слышный рокот моторов, и тихий голос Лиды, за стеной что-то читавшей Сереже.

ХСVІ

Игорь, хорошие новости.

В кабинет зашел Павленко. Оживленный, глаза торжествующе блестят, словно у охотника, вернувшегося с добычей.

– Слава может выехать в Кисловодск. Я все организую. Отправлю на машине.

– Спасибо. Я потом подъеду. Проведаю их.

ХСVII

Было непривычно тихо. Во дворе не залаяла собака, никто не вышел меня встречать. Я приехал чуть позже, чем обещал.

Открыл дверь, крикнул:

– Хаво!

Тишина. Я медленно вошел. Услышал тяжелые шаркающие шаги. Славу богу, она дома. Я поспешил навстречу.

Пожелтевшее лицо, запавшие виски, серые, будто нарисованные круги под мутноватыми остановившимися глазами...

– Славка! – я попятился.

На лице брата появилась отстраненная улыбка. Заторможенным движением он поднял руку в приветствии и ничего не ответил.

– Славка!

Я в два прыжка преодолел разделявшее нас расстояние, крепко обнял. Голова Славы слегка тряслась.

– Игорь! Все нормально! – заплетающимся языком ответил он. – Таблетки пью. Врачи говорят, я крепкий, выдержу.

Я с надеждой всмотрелся в его лицо: посиневшие губы, вместо глаз – щелочки.

– Слава! – выдохнул я с горечью.

– Я на кухню, – прошелестел он, – пойдем.

Ненароком, помимо воли, я заглядывал в его глаза, пытаясь оценить тот ужас, что над ним сотворили.

– Ты что на меня так смотришь?

Слава говорил сердито, словно раздраженно. Иногда в его речи проскакивало что-то очень нездоровое: то ли непривычно растягиваемые слова, то ли что-то еще.

– Ты ведь все понимаешь? – спросил я его, отчего-то страшась ответа.

Никакой реакции...

– Славка, не расстраивайся, все вернется, вот увидишь.

– Игорь, идем, я тебе кое-что покажу.

Он потянул меня за рукав, хитро улыбаясь. Подвел к кухонному столу, показал грудку лекарств.

– Если не буду принимать их – упекут. Он погрозил кому-то пальцем. Только на них и держусь – подальше от... – он изобразил пальцами решетку.

– Ты же себя угробишь! – воскликнул я в ужасе.

– Потерплю, – философски заметил Слава, не обращая внимания на мои эмоции.

– Ты, конечно, сам себе хозяин, но послушай, может, лучше десяточку оттянуть в тюрьме, чем самому себя угробить! – я непонимающе помотал головой.

– Все нормально будет, Игорь.

– Хаво где?

– На рынке...

Я осторожно, стараясь не показать прямого интереса, поглядывал на Славу, на его оплывшее, пожелтевшее, в резких морщинах лицо.

Говорить было не о чем. Было слышно, как где-то плачут дети. Хлопнула входная дверь.

– Хаво?

Слава кивнул, закричал, поднимаясь, хватаясь за поясницу. Я сокрушенно качал головой. Во что же он превратился!

Дверь на кухню открылась.

– Мама!

– Сынок!

Я не сразу ее узнал. Мать стала похожа на тень. Я обхватил ее руками, прижал к себе, повторяя:

– Мама!

Она немного откинулась назад, вглядываясь в мое лицо.

– Ты... не замерз? На улице холодно.

– Я торопился.

Снова крепко прижал ее к себе, не давая ей заплакать.

– Мамочка, родная, успокойся!

Хаво села напротив меня, помолчала, пристально разглядывая, открыла было рот, вздохнула, но, словно прочитав мои мысли, не стала ничего спрашивать.

Вдруг всплеснула руками.

– Что же это я!

Она поднялась, с трудом взяла с плиты кастрюлю, поставила перед нами по тарелке. По кухне поплыл знакомый аромат. Вспомнилось детство, отец, наши шумные завтраки, обеды, ужины, четверо детей за столом.

– Я всегда голоден, когда она это готовит, – улыбнулся Слава, словно вспомнил то же самое.

Он уже умял первую тарелку и, отдуваясь, прошептал:

– Еще!

– Слав! Ты ешь, ешь. Тебе надо как-то держаться.

Он оттянул кожу на щеке.

– Видишь, сколько во мне жира? – совсем как в детстве, спросил он и утер нос рукавом рубахи.

– Ты почему так выглядишь? Небритый, неопрятный, – брезгливо произнес я. – Мятый, лицо отекает. Соберись. Не один же живешь.

Слава, насупившись, слушал.

– Чем хуже я выгляжу, тем лучше. Ты не понимаешь, Игорь. Мне еще в больничку возвращаться. Думаешь, там за мной не следят?

Я замолчал. А ведь, пожалуй, он прав.

– Полежу так несколько месяцев, глядишь, там все и утихнет.

– Несколько месяцев?

– Как только перестанут мною интересоваться – сразу сюда перееду, – словно не слышал вопроса, продолжал он.

– Здесь до меня никому дела нет. А ты? Что у тебя? – спросил он с интересом.

– У меня? – я пожал плечами. – Уж месяц как ни ответа, ни привета на мое письмо. Просто живу, работаю. Жду.

Слава пытливо смотрел на меня. В его помутневших глазах, растянутой речи, в этой болезненной одутловатости чувствовалась неизбывная тоска. Я отчетливо вспомнил его прежнего: веселого, довольного жизнью. Ничего общего с нынешним – подавленным, растерянным.

– А у меня еще новости, – с дурашливой усмешкой продолжил Слава. – У меня сын родился!

Я вскочил, обнял брата, заорал:

– Да ты что ж молчишь весь вечер?!

Он растерянно улыбался, что-то смущенно мычал, не зная, что сказать.

– Сегодня позвонили, прямо перед твоим приездом.

Хаво запричитала, вознося руки над головой. Полезла в буфет за графином.

– Не надо, – смущенно говорил Слава. – Мне с моими таблетками пить нельзя.

– Да ты что? Не рад, что ли? – кричал я, обнимая Славу. – Это же, черт побери, так здорово!

Но Слава вдруг начал внезапно и часто зевать.

– Игорь, ты меня не слушаешь.

– Да ты сам, видимо, не понимаешь, что случилось! Отупел от своих таблеток!

– Может быть, и отупел, – покорно согласился Слава.

Разом повисла пауза. Хаво замерла, как будто поняла, что творится с ее любимцем, потом, чтобы сгладить неловкую паузу, принялась убирать со стола, а Слава начал считать таблетки.

– Имя уже придумали? – спросила Хаво ласково.

Слава посмотрел на нее удивленно.

– Придумали, – кивнул он.

- Человеческое хоть? – рассмеялся я.
- Хаво укоризненно на меня посмотрела.
- Какое имя?
- Обыкновенное.

Слава быстро взглянул на меня и опустил глаза. Я понял, что лучше его не трогать – все равно с его таблетками не поспоришь. Если уж его тормозят, так, видимо, не растормозишь.

- Подруги женины дали, – грустно пробормотал Слава.
- Ну и хорошо, – спокойно согласился я.

Слава поднялся и, ничего больше не говоря, медленно, шаркая ногами, пошел из кухни.

В дверях обернулся.

- Игорь, ты со мной партеечку в нарды не сыграешь?

И тут я понял, как осиротел дом Бабаевых с уходом Нахамье. Безвозвратно и непоправимо.

ХСVIII

Секретарша, цокая каблучками, вошла в кабинет и положила на стол почту.

- Игорь Алексеевич, вас тут весь день разыскивают.
- Кто?

– Троицкий. Просил перезвонить.

Что еще там случилось? Телефон Троицкого молчал.

Я вызвал секретаршу:

- Он что-нибудь еще говорил?
- Да нет. Только... – она задумалась, вспоминая, – просил сказать, чтобы вы газеты посмотрели.

– Посмотреть газеты? Принесите.

Она положила передо мной стопку свежих газет. Я поморщился. Вспомнилась публикация об отце – сплошь клевета и инсинуации. «Правда», «Известия»... Последней в стопке лежала «Кубанская правда». Пролистал – вроде

ничего интересного: «Выполним и перевыполним!», «Весенняя страда», «Ударным трудом встретим...»...

Что за чушь? Я отложил газеты, прошелся по кабинету, автоматически включил телевизор. Начинались новости. Я слушал вполуха, разбирая бумаги на столе. Диктор рассказывал о пятилетке, потом пошли вести с полей, будни городов... Ухо резануло слово «мошенничество». Я потянулся за чаем, да так и застыл.

– Бывший секретарь Краснодарского крайкома партии, – профессионально бесстрастным голосом бубнил диктор, – Анатолий Тарада скоропостижно скончался в госпитале Бурденко. По заключению врачей, смерть наступила в результате обширного кровоизлияния в мозг.

Чашка чуть не выпала у меня из рук.

Вот с чем звонил Троицкий! Видимо, в газетах тоже об этом было. Умер в госпитале? Рассказывайте... Хотя его и сломали, но не до такой же степени. Как бы я к нему теперь ни относился, новость ошарашивала. С нашей очной ставки прошло чуть меньше года. Если не брать в расчет жесткий прессинг в тюрьме, физически Тарада был вполне крепок. Такая неожиданная смерть казалась нелогичной, загадочной. Я потянулся к телефону.

– Евгений! Это Бабаев. У меня срочное сообщение для Славы. Сообщи ему: в Москве умер Тарада.

– Хорошо, Игорь Алексеевич.

Не успел положить трубку, как зазвонил телефон. Это был Ария. Почему-то я не удивился.

– Игорь, у меня для тебя повестка в суд по делу Янушкина в качестве свидетеля.

– Когда надо быть?

Адвокат назвал дату.

– Вы слышали новость? Тарада умер!

– Да, я в курсе, – сухо ответил Ария. – Прилетишь, обсудим.

XCIX

Привычный полет до Москвы в этот раз показался необычайно долгим.

Накануне суда – этот день я хорошо запомнил, двадцатое марта, – я встретился с Арией. В его квартире шел ремонт, пришлось сидеть на кухне. Я расположился у окна, адвокат на стуле напротив. Я решил не тянуть.

– Что вы думаете о смерти Тарады?

Глаза Арии блеснули и тут же погасли. Он посмотрел на меня внимательно.

– Это праздник, Игорек! Главного свидетеля обвинения больше нет. Думаю, дело развалится, не дойдя до суда...

Блеск в глазах, наверное, выдал мое состояние.

– А... – на мгновение я запнулся, потом почти шепотом произнес: – А мое?

– Точно так же.

– Вы уверены?

– Случайностей быть не может! Следствие потеряло главного свидетеля, и других доказательств у них нет.

– А с отцом что?

Ария хмыкнул.

– С ним сложнее. У него и без Тарады проблем хватает. Я кивнул.

– А что с Янушкиным? Как мне вести себя завтра?

– Не надо ничего выдумывать. Знакомство с ректором отрицать нельзя. Ты должен говорить, как было. Только не наболтай лишнего. Будь лаконичен.

C

Ястоял у здания суда среди других родственников. Автозак подкатил к входной двери, и толпа тут же пришла в движение.

В проеме двери арестантского фургона появился отец.

– Пап, мы тут! – закричал я.

Отец поднял голову, ища меня взглядом. Я энергично замахал рукой.

– Как дела? – крикнул он звонко, озорно, так непохоже на других арестантов, которых окликали родные.

– Все нормально, пап! У Славки сын родился!

– Как назвали?

– В твою честь – Лешей!

Отец улыбнулся. Радость и уверенность – вот что я почувствовал, глядя на него. Он явно не собирался сдаваться. В любой ситуации найдет основания для оптимизма!

СИ

Ждал вызова в комнату для свидетелей. Прошло уже, наверное, часа два, и вот, наконец:

– Бабаев!

Я вошел в зал заседаний и направился к трибуне. Заняв свое место, я взглядом нашел отца – он сидел отдельно от всех. Наши глаза на мгновение встретились.

– Игорь Эрзолович Бабаев? – спросила меня судья.

– Да.

– Я предупреждаю вас об ответственности за дачу ложных показаний.

Я кивнул. Расписался внизу листа, положенного передо мной секретарем.

Судья смотрела на меня с сочувствием, удивительным в таких обстоятельствах, и просто с некоторым интересом.

– Свидетель, – произнесла она, – вы знаете Янушкина?

– Да.

Мой ответ потонул в неожиданно поднявшемся гуле голосов. Я не понял, что там случилось, судья раздраженно шикнула в сторону зала. Голоса стихли.

– Расскажите суду, при каких обстоятельствах вы поступали в аспирантуру.

– Я работал главным технологом на мясоконсервном заводе в Ессентуках по распределению после вуза. В то время меня привлекала научная работа. Я внес несколько рационализаторских предложений. На одной из научных конференций в Астрахани, где я был награжден золотой медалью за свою разработку, ко мне обратился профессор Эрнест Иванович Каучишвили. Сказал, что его заинтересовала моя работа, и предложил написать научную статью на эту тему.

Откашлявшись, продолжил:

– Тема узкоспециальная. Но очень актуальная. После того как статья была опубликована, профессор сказал, что было бы неплохо продолжить разработку этой темы в аспирантуре. После сдачи экзаменов и конкурса меня зачислили.

Я скорее почувствовал, чем увидел, как одобрительно посмотрел на меня отец.

Прокурору мой рассказ явно не понравился. Он хмуро обернулся в сторону отца и обратился к Янушкину:

– Николай Петрович, скажите суду: Эрзол Бабаев обращался к вам с просьбой о помощи в поступлении в аспирантуру своего сына, Бабаева Игоря Эрзоловича?

Он говорил тихо, к концу фразы еще сильнее понижая голос, так что приходилось напрягать слух.

Янушкин так же чуть слышно ответил:

– Да. Алексей Наумович подходил ко мне с вопросом насчет поступления своего сына. Но мест не было. Я ничего не мог поделать и сказал, что решить эту проблему может Сильченко Николай Кузьмич – завсектором ЦК партии. Он мог способствовать выделению дополнительного места в аспирантуре. Место было выделено, и Игорь был зачислен в аспирантуру после сдачи всех экзаменов.

Прокурор удовлетворенно кивнул. Посмотрел победно в сторону судьи, на меня, на отца и принялся энергично перебирать лежащие перед ним бумаги.

– Свидетель, у суда больше нет вопросов.

Я вышел из зала.

Переминаясь с ноги на ногу, я ждал окончания процесса. Через два часа все было кончено. Народ толпой повалил из зала. Я увидел, как вышел Ария. Подошел к какому-то мужчине с портфелем – по-видимому, это был кто-то из его коллег-адвокатов, – перебросился парой фраз и двинулся ко мне.

– Ну что ж, Игорь, держался молодцом. Для обвинения ты был бесполезным свидетелем.

– А иначе и быть не может – ничего такого, что могло заинтересовать следствие, в моем поступлении не было.

– Пойдем-ка на воздух, – предложил Ария.

Дождавшись, пока мы отойдем достаточно далеко от здания суда, и, убедившись, что нас никто не может слышать, адвокат заговорил:

– Один эпизод с поступлением племянника Гилядова доказан. Формально это дача взятки ректору. С этим я ничего не могу поделать – Гилядов так и сказал сейчас в суде, что он передал деньги отцу, чтобы племянника зачислили в институт. И Янушкин подтвердил, что принимал от отца подарки: ковер, сервиз, гарнитур..

– Ну и что с того? Ну подарил он другу какие-то вещи...

– Увы, эти вещи передавались только с одной целью – зачислить племянника Гилядова. И это доказывают показания двух свидетелей. Так что свой срок он получит. Наша задача – работать над сокращением этого срока. Но тут главная проблема – отец.

– Н-да, с этим мы ничего не можем поделать, – ответил я с нескрываемым разочарованием.

– Да, Игорь, ваш отец себе не изменяет, – произнес Ария. – Все та же тактика: отрицать все, что тебе вменяют.

В словах адвоката я уловил скрытое недовольство.

– Людей всегда восхищает чужая стойкость, – возразил я.

Адвокат хмыкнул.

– Да, это характер.

СИ

По дороге в Кисловодск я все никак не мог отделаться от мыслей о Гилядове. Вот же сволочь! Он же ему братом был, одной крови. И предал..

В душе вскипало глухое раздражение. Ненависть к Гилядову вздымалась волной, сдавливала сердце. Что же сделали с ним прокурорские? Раздавили, превратили в тряпку. Тридцать лет дружбы позабыл. Ближе, чем родные братья, были, а теперь?! Испугали Тарадой?

А Янушкин? Фронтоник! Влип в эту историю совершенно случайно. Он ведь голову не потерял. Правда, теперь сидит, седина и награды от тюрьмы не уберегли.

За поворотом показалась горная гряда, раскинувшаяся вдоль всей линии горизонта. Я машинально отыскал глазами Машук, десятки знакомых с детства горных пиков. Стоят себе, как символы вечности, и все им нипочем. А тут крутишься, как заведенный, все пытаешься разгадать какие-то загадки, бьешься над замысловатыми головоломками, а детали не складываются, хоть ты тресни.

СИИ

Хаво месила тесто. Услышав шаги, обернулась, вытерла о фартук руки и бросилась навстречу. Обняла, прижалась крепко. Мгновение спустя отстранилась и снова

торопливо оглядела меня, словно боясь, что почудилось, что я вот-вот исчезну. Этот взгляд... Так смотрят иудейские женщины, со времен праматери Евы знающие боль и радость. Так смотрит мать. Не зря же именно так – Хаво – звучит имя «Ева» на древнееврейском. И восходит оно к еврейскому «хай» – жизнь. Хаво – дающая жизнь.

Ее глаза затуманились – вот-вот заплачет.

– Мам, ну ты чего?

– Как там Леша?

– Держится, родная, нормально все! Привет передавал. А вот что ему точно не понравится, так это то, что ты слезы льешь.

Да что я, собственно? Мог бы и не говорить – она и без слов все понимала. Этого у нее было не отнять – умения читать меня, словно открытую книгу, – любая моя мысль, малейшая радость или огорчение отзывались в ней каким-то непостижимым резонансом.

– Внучок! – она подхватила вошедшего на кухню Сережу. Он засмеялся – и она расцвела, словно принимая дар, ниспосланный за все пережитое. Сережа начал что-то оживленно рассказывать. Вошла Лида с Женечкой на руках. Малыш тут же потянулся к Хаво, требуя свою порцию любви.

– Вот мы и дома! – звонко объявила Лида.

– У меня уже все готово, – засуетилась Хаво.

– Мальчики, пойдемте, умоемся с дороги, – Лида подхватила Женю, следом послушно побежал Сережа.

Я молча наблюдал, как Хаво хлопчет у плиты, гремит кастрюлями, переставляет чаны, и не услышал, а скорее почувствовал, что за спиной кто-то стоит. Стремительно обернулся.

– Славка!

Это был он. В синем тренировочном костюме, какой-то обрзгший, с отсутствующим видом, словно где-то ви-

тает. При виде меня на лице его возникла гримаса то ли радости, то ли удивления. Что-то мыча, он подался вперед и схватил меня за руку.

– Ну надо же! – начал он. – Думал, показалось! А это и вправду ты, – язык слушался его с трудом. – Все время такая ерунда в голову лезет! Сам себе не доверяю.

– Я гляжу, ты на этих таблетках совсем улетаешь. Слав, ты бы о себе подумал.

– Да брось, Игорь!

Слава с шумом втянул носом воздух, обернулся к плите, будто реагировал только на запахи еды. Неужто других желаний и инстинктов не осталось? Я перехватил обеспокоенный взгляд Хаво и молча покачал головой.

– Эй! – я повернул его к себе. – Славка! Ты понимаешь, что с тобой происходит?

– Ты что, Игорь?

Взгляд рассеянный, блуждающий. С нашей последней встречи брат еще больше раздобрел.

– Что твой врач говорит?

– А кто его знает? – ответил Слава с дурашливой улыбкой. – Его ж не поймешь. У него свой язык, я половину не понимаю, что он мне лепит. Главное, говорит, вам спать побольше надо! И футбол разрешил смотреть.

Словно в доказательство откуда-то сверху донесся шум стадиона и голос диктора, комментирующего футбольный матч. Телевизор орал на всю катушку. «Динамо» забило очередной гол. Слава тоже это услышал, ликующе завопил и потащил меня за собой.

– Идем, идем, посмотришь!

Я пошел за ним.

Когда в матче наступил перерыв, Слава нарушил молчание.

– Знаешь, Игорь, – он кивнул за окно, – по ночам здесь так тихо, не то, что в больнице. Там психи орут. А тут

я люблю просыпаться ночью и слушать уличную тишину. Тогда все кажется таким... – он беспомощно посмотрел на меня, словно ожидая, что я подскажу слово, которое он силился вспомнить, но я только с грустью и тревогой покачал головой.

– Слушай, Слав, ты давай кончай со своей психушкой. Ария сказал, что раз Тарада мертв, юридически до тебя уже не докопаешься.

Слава замер, глядя в окно на что-то никому, кроме него, не видимое.

– Худшее у тебя уже позади, – продолжил я с уверенностью. – Из партии тебя выгнали, с должности сняли. Давай перебирайся сюда, в Кисловодск, – матери надо помогать. А дело ты тут себе найдешь. У меня неизвестно, что впереди, какие перспективы. А ты давай, собирай манатки. Я скажу Павленко, он тебе поможет. Перевезут сюда со всем скарбом.

Слава слушал, молча кивая. Взгляд его на секунду стал осмысленным. Я вдруг осознал, как хочется просто побыть одному, собраться с мыслями. Снизу донеслись счастливые голоса Сережи и Жени.

– Ладно, смотри свой футбол, а я пойду...

CIV

Сумерки окрасили ноябрьское небо лиловым. Крепкий цейлонский чай согрел молочным теплом. Вкус его напомнил какую-то терпкую ягоду, которую я ел в детстве, когда вместе с карачаевцами гонял лошадей. Воспоминания унесли меня в те давние волшебные времена.

К действительности меня вернул телефонный звонок. Я нехотя поднялся. Глуховатый голос на другом конце провода, как всегда, звучал невозмутимо.

– Семен?

Сонливость моментально слетела.

– Игорь, мне передали материалы дела. Похоже, с отцом они закончили. Как я и предполагал, фактически доказан только один эпизод.

– С Янушкиным?

– Да.

– И какие перспективы у нас?

– Обнадеживать не буду. На снисхождение можно было бы рассчитывать, если бы он сотрудничал со следствием, но сам знаешь... отец все отрицает. Собственно, надежда есть, – в голосе адвоката послышались профессионально участливые нотки, – но могут впаять по полной. Поэтому я работаю. Отчаиваться рано.

Итак, с неопределенностью покончено. Оставалась единственная надежда – что отец одному только ему ведомыми путями все уладит. Нужен был совет. Братский совет.

Межгород соединил почти сразу. Мне ответил родной чуть резковатый голос Исаея.

– Старик, ни о чем не волнуйся, – закричал он, выслушав. – Я прилечу в Москву. Еще не вечер.

Его оптимизм не внушал особого доверия, но что мне оставалось?

– Что еще говорит Семен? Алло, Игорь! Ты меня слышишь?!

– Ждем, когда назначат дату суда.

CV

Через пять минут все будет готово, – Лида выглянула из кухни на звук открываемой двери.

День выдался спокойный. С утра на комбинате ни одного ЧП, все по плану.

– Папа! – из комнаты выскочил Сережа.

- Как успехи, герой?
- Я «пять» по математике от мамы получил!
- Из кухни послышался Лидин голос:
- У меня все готово. Только с Женечкой закончу.
- Я вошел на кухню. Женя сосредоточенно боролся с манной кашей.
- Зазвенел телефон.
- Черт! – выругался я про себя. Поесть спокойно не дадут. – Слушаю!
- Игорь Алексеевич, это Нина.
- Да, Нина?
- Я разбирала вашу почту...
- Ну приду, посмотрю, – раздраженно отмахнулся я.
- Из-за такого пустяка звонить домой!
- Там письмо от Гречаного, – она запнулась. – Приказ об освобождении вас от должности.
- Земля ушла из-под ног. Челюсти сжались.
- Хорошо. Сейчас подъеду.

CVI

Вспомнилось крепкое рукопожатие деда, его напутственные слова в тот день, когда я уезжал в Армавир.

– Игорь! Все же стынет, – раздался обиженный Лидин голос.

Я вернулся на кухню.

– Ну садись же! – повторила Лида и осеклась. – Что случилось?

Она смотрела на меня, затаив дыхание.

– Случилось то, чего я и ожидал. Меня сняли.

Улыбка сползла с ее лица. Я молчал, пытаюсь усмирить вскипающую где-то глубоко внутри ярость.

– Лидочка, – я с удивлением отметил, что говорю совершенно спокойно, – на самом деле это давно должно

было случиться. Удивлен, что они меня столько продержали.

Волна гнева ударила в голову. Я грохнул кулаком по столу.

– Гречаный! Ты представляешь, сколько мы с ним проработали? Я его никогда не подводил! Он же знал, должен был знать все заранее – и даже не позвонил, не поговорил по-людски!

Нет, я понимаю, он ничего не мог сделать, но хотя бы проявить немного человечности! За все то добро, что я ему сделал...

Лида молчала, окаменев.

– Никогда ему этого не прощу!

От ярости темнело в глазах. Такого бешенства я давно не испытывал.

– Трус, трус... Самому позвонить духа не хватило, подлец!

Гнев подействовал на меня странным образом. Я чувствовал: возвращаются силы, а главное – способность хладнокровно оценить ситуацию.

– Игорь, может, поешь?

– Лидочка, да какой может быть обед?

CVII

На столе в кабинете передо мной лежало письмо Гречаного.

«В соответствии с частью первой статьи 254 Бабаева Игоря Эрзоловича освободить от занимаемой должности».

Я повернулся к Нине.

– Позовите ко мне парторга и кадровика.

Секретарша молча кивнула. Я посмотрел на часы.

– Вызывали, Игорь Алексеевич?

– Ну? – я стремительно обернулся к нашему парторгу. Тот проследил траекторию моего взгляда, увидел письмо и понимающе кивнул.

– Что делать будем, Игорь Алексеевич?

– Что-что... Ты обязан провести меня через партийное собрание.

Парторг замялся.

– Это не проблема. Проведем в лучшем виде, с минимальными последствиями.

Я внимательно посмотрел на него, покачал головой.

– Уверен, что такая же бумага ушла в министерство и городской комитет партии. От них обязательно будет реакция. Поэтому давай-ка ты пропесочь меня по полной, насколько это возможно. Но с сохранением партбилета. Понимаешь? Потому что это дело пахнет исключением.

– А вы? – обернулся я к кадровичке.

Та молча стояла у двери, готовая выполнить все, что я прикажу. Я мысленно усмехнулся.

– Готовьте приказ. Надо определить меня куда-нибудь временно, пока не разберусь, что делать дальше.

CVIII

Актовый зал был полон. Народ гудел. Люди сидели и стояли в проходах. Слышались возгласы:

– Надо в горком писать!

– Ерунда все это! Наговор!

Парторг с несколько напряженным лицом постучал по графину, призывая к тишине. Огласил повестку.

Тут же с мест посыпались замечания, выкрики. Встал солидный седой рабочий:

– Нас здесь тысяча коммунистов. Я думаю, мы все как один проголосуем за то, чтобы Игорь Алексеевича восстановили в должности.

- Верно! – подхватили с задних рядов.
- О каком взыскании может идти речь?
- Давайте писать письмо!

Зал загудел. Парторг повернул ко мне бледное растерянное лицо. Я поднялся. Гул усилился. Я поднял руку, призывая к тишине.

– Ребята! – голос мой окреп, в нем зазвучали металлические нотки. – Если хотите мне сделать хуже – продолжайте в том же духе. Благодарю вас за доверие, но если есть желание помочь, пожалуйста, давайте максимально жесткое наказание, но с сохранением в партии.

Собрание закончилось быстро. Десятки сочувствующих глаз смотрели на меня. Кто-то открыто выражал поддержку, кто-то просто подбадривал взглядом, видимо, не желая сыпать соль на незримые раны. Все прошло как надо: мне вlepили строгий выговор.

Я написал заявление об отпуске и вдруг с некоторой долей изумления понял: все! Свободен как ветер!

Я последний раз мельком оглядел враз опустевший кабинет, забрал кое-какие личные вещи, бросил их в багажник и уехал.

CIX

Звонок был настойчивый. Как ни хотелось послать всех к черту, пришлось подняться и взять трубку.

Звонил Вячеслав Тарасов, второй секретарь по идеологии, или, вернее, его секретарша. Пока я ждал соединения, от моего ровного настроения остались рожки да ножки.

- Привет, Игорь, – пророкотал он, – как у тебя?
- Бывало и лучше...
- Тарасов выдержал паузу.
- Нужно встретиться.

Многолетний опыт научил меня: если собеседник начинает темнить, считай, что заваривается каша, и действуй с опережением. Поэтому я спросил:

– Можешь прямо сказать, что еще случилось?

– Игорь, – голос Тарасова загудел, словно специально натренированный, как орган на басовом регистре, – с какой формулировкой у тебя все прошло?

– Строгача вlepили. С занесением.

– Понятно.

– А что не так?

– Слушай, у нас тут на тебя бумага пришла... Дано указание исключить тебя из партии.

К горлу подкатила тошнота.

– Я бы на твоём месте поговорил с Писаревским.

От Писаря сейчас все зависит.

– Я понял.

– Не тяни, прими меры.

СХ

Если бы не события последних дней, я бы вообще не обратил внимания, как непривычно звучит ее голос. Он был обезоруживающе надрывен.

– Валя? – переспросил я недоверчиво.

– Мне сообщили!

Услышишь такие интонации – решишь, что на том конце провода несчастная брошенная женщина. Неужели это жена моего отца?

– Что? Ты о чем?

– Двадцать пятого декабря будет суд.

Она едва сдерживалась, чтобы не впасть в истерику. Столько безнадежности, фатализма и ужаса было в ее тоне, что у меня засосало под ложечкой.

– Что будет?

– Суд над Лешей! Я к нему ходила.

– Я приеду, – произнес я быстро, словно торопясь заткнуть стремительно расширяющуюся брешь, из которой вот-вот хлынет волна горечи и отчаяния. – Раньше времени, я прошу, не паникуй.

СXI

Положив трубку, я задумался. Все один к одному. Мое исключение, суд над отцом. Снова трель телефона. Звонил водитель. Я велел загрузить в багажник ящик нефiltroванного пива, пару бутылок коньяка, колбасный букет всех сортов.

– Хоть попаримся на славу, – пробормотал я, шаря глазами по календарю и отыскивая двадцать пятое число. Какой это день недели?

СXII

По предбаннику плыл терпкий запах древесины.

– Эй, – обратился я к дежурному солдатику, – организуй тут все как надо, – я кивнул на стол, потом на ящик с «джентльменским набором», который тащил за мной ординарец генерала.

Парная встретила горячим воздухом, смешанным с ароматным паром. Обернутый простыней, я напоминал сам себе римского патриция. Вспомнилось, как я приходил сюда раньше, в другие времена. Вот уж не думал, что придет день, когда в эту баню мне совсем не захочется.

Яркий свет предбанника ворвался в полутьму парной, в дверном проеме возник мужской силуэт.

– Игорь, что за спешка?

– Александр Сергеевич, здравствуйте!

Готовясь к этой встрече, я проигрывал разные варианты исхода. Правильно ли я действую? Полной уверенности до сих пор не было. Писаревский вошел и плюхнулся рядом. Он был чем-то чрезвычайно доволен. Утер лоб краешком простыни.

– Что? Как жизнь? – спросил он, лучезарно улыбаясь, и тут же, опомнившись, с сожалением искривил губы, словно запоздало давая понять, что понимает всю неуместность этого вопроса. Но индикатор в моем мозгу уже зафиксировал фальшь.

Словно услышав мои мысли, он хлопнул меня по плечу – мол, ничего, ничего...

– Знаю, знаю, Игорь, – проговорил он, театрально вздыхая.

Я не ответил.

– Времена нынче непростые, – философски добавил Писаревский.

– Мне строгий выговор дали, – ровно, почти бесстрастно проронил я. – Как вы считаете, удастся сохранить партбилет?

Писарь на секунду встретился со мной взглядом, потом не спеша произнес:

– Игорь, в моих интересах, чтобы тебя оставили в партии.

– Спасибо на добром слове. Тогда дело за вами.

– Да, но... – Писаревский стушевался, – мне уже намекнули – сверху. Горком обязан исключить. Точнее – может.

– А ваше мнение какое? «Обязан» или «может»?

– Мое мнение? – театрально возвышая голос, спросил Писаревский и тут же сокрушено покачал головой. – Если бы всегда учитывали только мое мнение, все было бы по-другому.

Я молчал, пытаюсь угадать, куда он клонит.

– Игорь! У тебя же масса знакомых в краевой администрации. Ну попроси кого-нибудь помочь. Пусть мне спустят указание объявить тебе выговор – я это тут же сделаю.

С языка чуть не сорвалось: «Был у нас общий знакомый, Тарада»... Вместо этого я ухмыльнулся. Писаревский неверно истолковал мою гримасу.

– Я не могу им перечить, Игорь.

– Понимаю.

Он тоже проигрывал варианты нашей встречи и сейчас радовался, что дело пошло в нужном ему направлении. Следовательно, интуиция его не подвела.

– Нам нужно двигаться вперед.

Я поддал пару.

В затылке начало печь. Видимо, перестарался с жаром. Или это ярость ищет выход?

– Игорь, будем пытаться решить твой вопрос, – благодушно пробасил Писаревский. – Что-нибудь придумаем!

– Я надеюсь.

Мы переместились в предбанник.

Писарь с видом знатока окинул взором раков, выложенных в ряд на столе, словно наша личная гвардия.

– Свежайшие, – заметил я.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся он в ответ.

Вошел ординарец. За ним спешил солдатик, неся поднос с пивом и блюдом, на котором покоилась обложенная красной икрой пахнущая морем и специями семга.

– Попробуйте, – махнул я Писарю.

– Мы попробуем, – неверно истолковав мои слова, подхватил он, – что-нибудь предпринять. Сохранить твой партбилет. Ты раньше времени себя-то не хорони.

Его довольный взгляд остановился на икорке. Крепкие пальцы ухватили бокал с ледяным пивом. Он сделал жадный глоток.

– Благодать...

Ординарец вопросительно посмотрел на меня.

– Разливай дальше, чего стоишь? – рявкнул я.

Солдатик открыл коньяк.

– Мне немного, – предостерегающе выставил вперед ладонь Писаревский.

– Да много и не будем. Мне завтра в Москву лететь.

Писаревский как-то искоса посмотрел на меня, словно спрашивая – а ты не лукавишь? – и физиономия его опять приняла благодушный вид.

– Игорь, будь! Все идет по плану!

Он подцепил с блюда ломтик семги, отправил в рот.

– Свежак! Ты, как всегда, кудесник!

Я молча сидел, наблюдая, как в помещение вваливаются еще два курсанта, таща ящик с холодным пивом. Банька обещала быть жаркой.

СХІІІ

Такси из аэропорта домчало до отцовского дома за каких-то полчаса. Валя открыла тут же, будто поджидала за дверью. Обняла у порога, внимательно вглядываясь в глаза: вдруг мне известно что-то такое, чего не знает она?

– Ну как у тебя, все в порядке?

– Да... – засуетилась она, вешая пальто. – Есть будешь?

И, не дожидаясь ответа, убежала на кухню. Я бросил быстрый взгляд за окно. День выдался морозный.

Не успел я вымыть руки, как раздался звонок в дверь. Исая влетел в прихожую и сразу, кажется, заполнил собой все пространство. На ходу стянул с шеи шарф, одновременно сбрасывая роскошную, даже вычурную шубу и швыряя на пол баулы со всякой всячиной. Крепко обнял меня.

– Не изменился, нет? – спросил я с улыбкой.

– Ты всегда будешь мальчишкой, – отозвался Исай, словно мы виделись с ним только вчера. И тут же плюхнулся в кресло, вытягивая ноги.

– Уф, утомился.

Я не мог не заметить, что его длинный нос заострился, глаза потемнели и еще глубже ввалились, но в них открывалась все та же бездна.

– Ты малек изменился, – я крутанул пальцем в воздухе, изображая овал.

– Не бери в голову, – махнул он рукой. – Не получается растолстеть, – он шумно выдохнул. – Ну, рассказывай.

Я помолчал.

– Дело пахнет исключением из партии.

Исай вскочил.

– И что? Посмотри на меня! Меня так же сняли, исключили из партии – а я вот жив-здоров, сижу перед тобой и не жалею.

Он погрозил мне пальцем.

– Игорь! Отец твой сидит – не унывает! Адвоката учит уму-разуму, следователей. Идет своей дорогой. Вот и учись у него не дергаться.

Я отмахнулся.

– Исай, на меня бумаги отовсюду пошли. С четким указанием: исключить. Пойми – без партбилета я восстановиться не смогу. Никогда! И что со мной, с семьей тогда будет?!

Исай молча выслушал мою тираду. Потом стукнул по подлокотнику. Вскочил, подбежал к окну, уставился на что-то и замер. Я подошел, встал рядом. Так мы и застыли плечом к плечу, глядя на вьюгу за окном – два темных силуэта.

– Да, жить захочется, не то еще сделаешь, – пробормотал Исай.

– Ты это к чему?

Он вздохнул.

Рядом с ним на меня вдруг снизошло какое-то спокойствие. Будто он наверняка знал, какой дорогой идти. Я любил его за эту решимость, граничащую иной раз с дурью, способную тем не менее давать надежду, помогающую строить планы на будущее, пусть даже с петлей на шее.

– Ты ведь радоваться должен, – произнес вдруг Исай.

– Вас ведь уже не посадят!

Я неопределенно пожал плечами.

– Да нет, именно так! – тряхнул он головой. – Я ну-троем чую. С тобой и Славой приключилась довольно пакостная история, это так! – он посмотрел на меня таким цепким взглядом, словно видел насквозь. – Но, главное, вы оба сейчас на свободе – и все у вас хорошо.

Я молча кивнул. И что дальше?

– Слушай, оборону на голодном пайке не держат, – вдруг резко свернул разговор Исай, словно дальнейшее объяснение не имело никакого смысла. – Завтра надо встречаться с адвокатом, а сейчас – пора подкрепиться!

Валя подала бефстроганов, мы выпили по рюмочке. Я посмотрел на часы. Время тянулось невыносимо медленно. На Москву надвигались сумерки.

СХІV

Бесконечная зимняя ночь кончилась. Не торопясь мы ехали по улице Горького. Деревья на бульварах стояли черные, как обугленные. Кое-где сидели такие же черные вороны – картинка апокалипсиса.

Разразилась метель. Казалось, час-два, и Москву заметет по самую макушку. Мы с Исаем поглядывали в окна такси, с мрачным спокойствием наблюдали, как снег выбеливает улицы.

Семен встретил нас в дверях. Сощурившись, как от боли, судорожно пытался ослабить удавку галстука. Мы молча уселись перед ним.

– Все доказательства неопровержимы, – начал он. – За дачу взятки должностному лицу – до пятнадцати лет. И этот факт доказан.

– Кем? – неожиданно перебил адвоката Исая. – Кем доказан?

– Гилядовым. Он все четко расписал.

Губы Исаея презрительно дернулись. Глаза загорелись. Он обернулся ко мне, словно за помощью.

– Игорь, давай пойдем к родственникам Гилядова! Пусть на него надавят. Они же могут. Копейки ведь доведут! Максимум год!

– Исая, – перебил его Ария. – Спустишься с небес на землю. Гилядов уже получил свои восемь лет. И получил он их не просто так, а сотрудничая со следствием. Если бы он этого не делал, дали бы все пятнадцать.

– Да какие пятнадцать? Семен, что ты говоришь? Там дело яйца выеденного не стоит. Леша ведь ни в чем не виноват. Сам знаешь. Нужно попытаться выйти на его родственников.

Исая хлопнул по подлокотнику.

– Пусть уговорят не топить Лешку. Да, дадут ему больше! Да я готов завалить его деньгами. Каждый навешанный день могу оплатить.

Ария молча дожидался выплеска эмоций.

– Исая, я понимаю твоё желание помочь другу, но это бесполезно. Просто забудь, и все! Никто никаких показаний менять не будет. Уверяю тебя! Даже не пытайся. Этим самым ты Алексею сделаешь только хуже.

– Но как же так? 15 лет – ни за что ни про что? Он же всю жизнь только и делал, что работал. Один – без матери – четырех детей поднял. У него четверо внуков.

– Исай, ты не волнуйся. Я все его заслуги на суде упомяну. Но обнадеживать в данной ситуации я не могу, учитывая положение, в которое всех нас поставил отец своим упорством.

– В этом он – молодец! – неожиданно ударил кулаком по подлокотнику Исай и с вызовом посмотрел на Арию, будто тот имел что-то против. Адвокат усмехнулся.

СХV

Перед началом заседания мы долго томились в коридоре, подпирая крашенные в отвратительный зеленый цвет стены. Я с любопытством отметил, что люди инстинктивно разделились: отдельно родственники Гилядова, отдельно – мы, бабаевские. Стояли, сбившись кучками, сдержанно переговариваясь. Лица у всех хмурые, напряженные.

Словно играя роль связующего звена, между всеми нами сновал Исай. Он переходил от группы к группе с неизменной улыбкой на устах, то кому-то что-то шептал, то горячо пожимал руки и то и дело, схватив за пуговицу какого-нибудь родственника Гилядова, громким шепотом повторял: «Вы же братья! Вы должны быть друг за друга». Кто-то кивал ему в ответ, кто-то молча отворачивался. Никаких эксцессов.

Напряженное ожидание изматывало. Вдруг кто-то крикнул: «Ведут!» Люди начали расступаться, и в образовавшемся коридоре я увидел отца. Он шел твердой уверенной походкой, словно к себе в кабинет, глядя прямо перед собой. Брови сдвинулись к переносице, две упрямые складки у губ показывали, как он яростно сосредоточен и собран.

Когда он поравнялся с Исаем, тот крикнул:

– Леша, все будет хорошо!

– Папа! – закричал я. – Привет!

Не поворачиваясь ко мне, отец крикнул в ответ:

– Как дома дела?

– Все хорошо, не волнуйся. Мы все тут!

Отец молча кивнул и скрылся за дверями.

Толпа снова загудела.

– Миша!

– Мишу ведут!

В проеме показался Гилядов. Он был бледен, время от времени лицо искажала судорога. Мне показалось, что кто-то заплакал. Как только Гилядов поравнялся с Исаем, тот закричал: «Бирор мэ (брат мой)! Помоги! Миша, я никогда этого не забуду, помоги!!!». Гилядов не реагировал.

Двери зала распахнулись, и мы нестройной толпой повалили внутрь, рассаживаясь точно так же, как и стояли: слева от прохода бабаевские, справа – гилядовские.

В зале суда стоял какой-то странный запах. Запах боли и отчаяния? За окном не переставая падал снег.

CXVI

Исудья, и оба народных заседателя – под стать залу, угрюмые, все в сером. Дело шло гладко и четко. Судья, как-то подвывая, зачитала, кто такой мой отец, откуда родом, что закончил. Казенно, отстраненно, сухо – не верилось, что речь идет о родном человеке. Казалось, судья бубнит о ком-то совершенно постороннем. Вызвали Гилядова.

Он в сопровождении конвоя появился в проходе между рядами, направился к свидетельскому месту, стараясь ни с кем не встречаться глазами. Я вытянул шею, пытаюсь его разглядеть. Он поравнялся с Исаем, и тот подал голос:

– Миша, соберись! Леша – твой брат.

Гилядов закашлялся. Мне показалось, ему стоило определенного усилия не обернуться к Исаю, не сказать что-то в ответ.

«Раздавили», – закралась нехорошая мысль.

Гилядов занял свое место.

Прокурор, лысеющий, весь какой-то лоснящийся, степенно поднялся.

– Свидетель, расскажите о поступлении вашего племянника в институт.

Гилядов судорожно сглотнул.

– Когда мне понадобилась помощь с поступлением, я обратился к своему родственнику – Эрзолу Бабаеву. Я знал, что он дружен с ректором этого института, и рассчитывал на его помощь.

Прокурор ядовито улыбнулся.

– Может быть, это обращение носило дружеский характер и больше напоминало безвозмездную помощь?

– Да, обращение было, конечно, дружеское. Но потом я лично передал Бабаеву три тысячи рублей для того, чтобы моего племянника приняли в мясо-молочный институт.

– Клевета! – крикнул кто-то в зале.

– Веди себя достойно! – откликнулся другой голос.

Судья застучала молотком.

– Прошу зачитать показания свидетеля Янушкина, который по состоянию здоровья не может быть доставлен в суд.

Прокурор начал монотонно зачитывать показания Янушкина. Я отстраненно слушал, машинально отмечая: «ковер», «телевизор», «мебельный гарнитур».

Судья повернулась к отцу, который сидел на скамье, сосредоточенно глядя куда-то поверх голов.

– Вы подтверждаете факт передачи денег?

Отец, по-прежнему глядя прямо перед собой, отрезал:

– Нет!

Судья молча кивнула, словно так и предполагала. Обернулась к Гилядову.

– Вы подтверждаете?

На лице Гилядова промелькнуло выражение растерянности и даже туповатого испуга.

– Да!

В зале неодобрительно зашептались.

– Требую тишины! Я сейчас прикажу очистить зал, – пригрозила судья и стукнула молотком по столу. – Уведите свидетеля.

Я внимательно смотрел на бывшего отцовского друга. Лицо Гилядова ничего не выражало. По команде конвоиров он, втянув голову в плечи, покорно пошел к выходу.

Отец все это время сидел отрешенно, глядя перед собой застывшими глазами. Дверь за Гилядовым закрылась.

– Слово предоставляется стороне обвинения.

Прокурор с нехорошей улыбкой, картинно пожимая плечами – хоть сейчас на киноэкран, – пустился живописать «преступления» Эрзола Бабаева, из которых доказано было только одно.

Речь его пестрила фразами «преступный умысел», «злоупотребление служебным положением», «нарушение морально-этических норм», «хищение социалистической собственности». На последних словах он, повернувшись к судье и народным заседателям, попросил приговорить подсудимого к заключению сроком на десять лет.

По залу пронесся вздох ужаса.

Настало время выступать стороне защиты.

Ария – строгий, подтянутый, невозмутимый – откашлялся:

– Мы многое слышали здесь о подсудимом. Однако сторона обвинения умолчала о том, что необходимо знать суду, прежде чем вынести решение.

Исай толкнул меня в бок. Глаза его горели.

– Ты послушай. Как он говорит!

Я нетерпеливо отмахнулся.

Судья мрачно смотрела на Арию. А Семен, оседлав любимого конька, рассказывал, как отец начал работать, едва ему исполнилось 14 лет, какие лишения он претерпел во время войны, как пережил голод, как ни дня не сидел сложа руки. Он подробно расписывал историю его восхождения, работу на ответственных постах.

– И везде – везде! – адвокат картинно поднял палец, – он как профессионал неизменно достаивался самых высоких оценок своей работы.

Семен, солидно поблескивая стеклами очков, доказывал, что в обвинительном заключении прокуратуры почти все обвинения не подтверждаются прямыми доказательствами. Он повторял эту мысль несколько раз, на разные лады. Потом взял паузу и размеренно произнес:

– Я прошу суд вернуть дело на следствие.

Ария замолчал, выдохнул. В зале раздались робкие аплодисменты.

Судья молча кивнула, потом недовольно поморщилась и повернулась в сторону отца.

– Слово предоставляется подсудимому Бабаеву.

Отец медленно поднялся. Даже по его позе было видно, сколько в нем физической мощи. Отец степенно откашлялся, повернулся к судье и, глядя ей прямо в глаза, отчеканил:

– Я не понимаю, в чем мне оправдываться. Я не считаю себя виновным.

В зале воцарилась тишина. Все ждали реакции судьи, но она молча заполнила какой-то бланк, передала его помощнице, и та торжественно произнесла:

– Суд удаляется для вынесения приговора. Перерыв.

Как только судьи и прокурорские вышли, в зале разразилась перебранка.

- Гилядов – сука!
- Сволочь! Подлец!

С гилядовской стороны полетели через проход проклятья, в ответ рикошетом неслись ругательства – ну просто базар в воскресный день. Гилядовская сторона попятилась к выходу.

- Негодяй он! – несло им в спины.
- Брата оклеветал!
- Тварь!

Вскоре зал опустел, и словесная перепалка сама собой стихла. Переругиваться стало не с кем – гилядовской родне больше нечего было делать в суде.

CXVII

Через два часа в коридоре опять собрались люди. Гилядовской стороны уже не было. Хмурые, сосредоточенные, мы вошли в зал.

Судья приступила к оглашению приговора. Говорила она часа два, зачитывая все пункты обвинения, детали эпизодов. Непосвященному весь этот официоз и канцелярщина показались бы полной абракадаброй.

Зал слушал, затаив дыхание.

– Учитывая личность подсудимого, – судья перешла к резолютивной части приговора, – по совокупности деяний, путем поглощения меньшего срока большим назначить наказание в виде лишения свободы на срок десять лет.

Валя завывала. С Милой, сестрой отца, случилась истерика. Кто-то из ее подруг совал ей под нос нашатырь.

Я стоял, как громом пораженный, и шевелил губами, прощаясь с отцом, со всем, что знал и любил в нем. Что следовало вспомнить в эти минуты? Я понятия не имел. Только смотрел на отца, не отрываясь, словно пытаюсь впечат-

тать в сетчатку глаз его образ. А отец вовсе не выглядел подавленным, словно заранее знал, как все сложится. Он с усмешкой выслушал приговор, а когда его стали уводить из зала, обернулся в нашу сторону, улыбнулся и крикнул на татском:

– Да не переживайте вы так! Худок кумек – все будет хорошо.

CXVIII

Мы стояли на улице, под низким декабрьским небом, неподалеку от здания суда. Я был как в тумане, Семен по-прежнему невозмутим, Исай шумел и кипятился.

– Мы будем подавать апелляцию! – бушевал он.

– Конечно, – эхом отозвался адвокат.

– Да! Еще ничего не кончено, – Исай решительно обернулся ко мне. – А ты, Игорь, что думаешь?

Я отрицательно покачал головой. Весь мир представлялся мне сейчас одной неумолимо разверзающейся пропастью.

CXIX

А на следующее утро позвонил второй секретарь горкома Тарасов.

– Ну наконец-то я тебя застал.

– Я только из Москвы вернулся, – устало отозвался я, пытаюсь выпутаться из оков сна.

– Понятно. Я слышал, – голос Тарасова зазвучал глухо. – Что сказать, Игорь? Ты ведь лучше меня его знаешь. Твой отец – кремень. Думаю, он не пропадет там.

Я вздохнул. Говорить на эту тему было совершенно бессмысленно.

– Нам надо встретиться, – неожиданно предложил он.

СХХ

Тарасов шел, проваливаясь в снег, шуба нараспашку. Из кармана торчали перчатки. Тяжело дыша, протянул мне руку.

– Ну как ты, Игорь? Пришел в себя?

– А сам как думаешь?

Тарасов развел руками.

– Понимаю... Это беда!

Он опустил глаза, словно силясь разглядеть что-то на носках своих ботинок, потом резко поднял голову.

– Игорь, но тебе сейчас нужно собраться. Решается твоя судьба.

– Да со мной-то как раз все ясно, – произнес я безразлично.

– Писарь мне дал команду провести бюро горкома без него, – произнес он тихо, – а сам лег в больницу.

Я изумленно посмотрел на Тарасова. Смысл сказанного дошел до меня не сразу.

– Мне он пел по-другому.

Тарасов огляделся, будто нас могли подслушивать.

– Игорь, тебе нельзя ходить на бюро, которое будет вести кто-то другой. Ты понимаешь? Там тебя сожрут.

– Что посоветуешь?

– А ты тоже заболей. В больницу ложись. Делай что хочешь, но без Писаревского на горком не приходи.

Глаза Тарасова блестели. Я внимательно смотрел на него, слабо соображая, как же мне поступить.

– Игорь! Я тебе серьезно говорю.

Потом прищурился и, склонив голову набок, тихо спросил:

– И второе. Допустим, тебе повезет и ты отделаешься строгачом – ты подумал, что дальше?

– Дальше? В каком смысле? – я пожал плечами. – Я хо-

тел в Ставропольский политех пока. Я же все-таки кандидат наук. Буду проректором по научной работе. Отсижусь...

Тарасов кинул на меня встревоженный взгляд.

– Да ты с ума сошел! Не вздумай этого делать! Там тебе не только не снимут выговор, а еще добавят. Выпрут из партии к чертовой бабушке! Ставрополь – это же вотчина Горбачева!

Он замолчал, словно давая мне время осмыслить его слова.

– Так у меня там все на мази. С ректором договор. Это же его предложение...

– Говорю тебе, – Тарасов почти шипел от ярости, – не смей туда даже носа совать! Представляешь, какие разговоры пойдут: кто у нас молодежь воспитывает? Бабаев? Отец – осужден, самого уволили по статье за взятку! Тебя накроют окончательно. Да ты что? Игорь, какой Ставрополь? Какой институт? Беги дальше! Куда глаза глядят. Чтобы духу твоего и близко не было.

Я смотрел на него, понимал, насколько точны все его расклады, но не мог до конца в это поверить.

– Куда же мне тогда податься?

– Мир большой, – совершенно серьезно ответил Тарасов. – Думай, какие еще могут быть варианты.

– А Кабарда? – спросил я с отчаянием. – Кабарда подойдет?

– А что там, в Кабарде?

– Там мой близкий друг, – неуверенно пожал я плечами. – Директор комбината в Нальчике.

– А что? Кабарда – это вариант. Там совершенно другая атмосфера. Можно отсидеться. Это все же Кавказ. Директор наверняка в связке с местными партийными, – он усмехнулся, будто речь неожиданно зашла об удачном шахматном ходе. – Слушай, менталитет не переделаешь.

Езжай в Нальчик – это дело, а про Ставрополь забудь. И еще один совет.

Тарасов ухватил меня под руку.

– При хорошем исходе бюро (я все же верю в порядочность Писаря по отношению к тебе) – ноги в руки и беги из города в тот же день. Я лично прослежу, чтоб твою учетную карточку отправили вслед за тобой. Только подтверди, куда направишься.

На прощание он пожал мне руку.

Я смотрел на Тарасова, даже не зная, благодарить его или проклинать. Не велика фигура, ничего не решает – а в одну минуту поменял все мои планы.

СХХІ

Настроение было сквернейшее. Я направился домой, сам не зная, радоваться или жалеть, что встретился с Тарасовым.

– Ты чего такой? – Лидочка встретила меня на пороге. Видно, что-то стряпала – руки перепачканы мукой. Я обнял ее, скинул пальто.

– Ну и балаган вы тут устроили, – усмехнулся я, входя в комнату.

Женечка возился с машинками, Сережа увлеченно изображал, как урчит мотор – у каждой по-своему, а громче всех – вот эта, огромный ярко-зеленый самосвал.

Женя повторял за братом, хватал новую машинку. В нем все отчетливее становилась видна бабаевская порода, с каждым днем росло сходство со мной: тот же разрез черных, широко и доверчиво распахнутых глаз с голубоватыми белками, тот же лаконичный рисунок небольших бровей, светлая, почти прозрачная кожа. Я прижал ребят к себе.

– А у нас гости, – загадочно произнесла Лида.

– Что, Алексеич, не ожидал? – услышал я громовой голос, и из-за Лидиной спины вынырнул Ким, наш водитель. Со временем он стал не просто водителем, для нас он значил гораздо больше. Мы считали его практически уже членом семьи.

Я улыбнулся.

– Здорово, Ким!

– Жена тут кое-что Лидии Ильиничне прислала, так я заехал по-тихому – завез. И кое-что по хозяйству. А у вас что?

– Да что у нас, – я неопределенно махнул рукой. – Устал я от всего.

– С чего это, Алексеич, в унынии, а-а? – усмехнулся Ким, и по его хитрому прищурю я понял, что он обо всем знает и имеет свой, «кимовский», план действий.

– Знаешь, Ким, в жизни все полосами. То черная, то белая. Вот у меня сейчас – не пойми какая. Но точно – не совсем белая.

– Это от усталости, – веско и абсолютно серьезно заметил Ким. – А если устал, отдохнуть надо. К черту этот город. Поехали к нам. Посидим, пообщаемся.

Я посмотрел на Лиду. Лицо ее дышало спокойствием. Беззаботная, женственная, притягательная... Как это у нее получается? Никогда, даже в самые тяжелые времена – ни следа усталости. Внешне, по крайней мере. Будто знает: мне нужна ее поддержка – и в любой момент готова подставить плечо.

Лида взглянула на меня, потом на детей, и я понял, о чем она думает. Вдруг ужасно захотелось побыть с ними всеми, с Кимом – настоящим мужиком, которому не важны ни чины, ни звания. Кажется, мой водитель знает о жизни что-то такое, что я упустил.

Ким ждал ответа. Все в нем внушало уверенность и спокойствие. Сколько лет мы уже вместе? Я вдруг уви-

дел его словно впервые: надежный, крепкий; широкие покатые плечи, легкий размашистый шаг и пристальный, уважительный, но без тени раболепия взгляд. Много ли найдется на свете людей, на которых я мог бы так безоговорочно положиться?

– А поехали! Давай, Лидочка, собирай детей.

Ким расцвел.

– Алексеич, я только Валентине звякну. Предупрежу.

СХХII

Неподалеку от Армавира, в небольшой станице, у Кима был дом на берегу реки.

– Вот это приемчик, – многозначительно протянул я, окидывая взглядом стол. Валя, жена Кима, как всегда, постаралась от души.

Ким протянул мне стопку, плеснул туда доверху из графина.

– За моего дорогого гостя! Игорь Алексеевич, за тебя и твою семью!

Мы махом опрокинули. Ледяная жидкость обожгла, смыла кислый запах невзгод. Поселившееся где-то глубоко внутри напряжение стало понемногу отступать.

– Ну, Игорь Алексеевич, подарок ты мне сделал, – продолжил Ким. – Такой гость в доме!

– Как будто первый раз, – усмехнулся я.

Ким поглядел на меня чуть ли не с укоризной, словно на неразумное дитя: «Именно что в первый. Раньше – со всем другие обстоятельства были».

– Валя, ну что ты? – крикнул он в соседнюю комнату.

– Да уж несу, несу!

Она вошла, неся огромную тарелку с золотистой картошечкой. Следом появилась свежайшая форель, громад-

ное блюдо с квашеными овощами, отливающие рубином помидоры, нефритовые огурчики, запотевший графин.

Я закинул в рот щедрую горсть зелени.

– Ты где это зимой берешь?

– Парник держу, Алексеич!

– И все? – спросил я вдруг сурово, отодвигая от себя стопку.

– Что «все»? – Ким непонимающе посмотрел на меня.

– Игорь Алексеевич имеет в виду кое-что из твоих спецзапасов, – положив руку на плечо мужа, мягко пояснила мудрая Валя.

– Видишь, Валентина понимает, – захохотал я.

Глаза Кима сощурились.

– Сережа, Женя, пойдемте, фокус покажу.

Мальчики с готовностью оторвались от своих игрушек.

– Какой еще фокус, Ким?

– А вот идем, Алексеич, сейчас увидишь.

Ким привел нас в гараж. Молча взял лопату, стал снимать верхний слой земли с пола. Многозначительно ткнул пальцем вниз.

– Видал когда-нибудь такое?

В полумраке виднелась крышка. Здоровенная. Ким осторожно подцепил край. В залитой жиром бочке торчали прокопченные веревочные петли. Ким ловко поддел пальцем одну из них, заговорщически подмигнул и вытащил палку сырокопченой колбасы.

– Видишь! И закуска у нас имеется.

Подвал наполнился острым и пряным колбасным духом.

– Ну ты и хитрец! – восхищенно протянул я. – А ну, покажи! – желая убедиться, что глаза и нос не врут, я ухватил кусок обработанного до нужной кондиции фарша, вытянутого в тонкую длинную палку, и носом втянул аромат.

– Сережа! – позвал Ким.

Сережа застыл у края, с интересом глядя на белую пленку жира.

– Здесь пять таких! – похвастался Ким. – Я твоему батьке говорил, что надо бы штук сто закопать. Пробуй!

Ким достал нож, ловко отрезал один ломоть Сереже, второй – мне. И протянул мне стопку.

Эта колбаса отличалась особенным ароматом – не почувствовать это было просто невозможно! Он будил в душе что-то первобытное, какие-то давно утраченные в ходе эволюции инстинкты далеких предков, вгрызавшихся в мясо зубами, не знавших ножей и вилок.

Перепробуй вы тысячу сервелатов, вам ни за что не понять, что испытал я в тот миг, ощутив этот аромат.

Для человека, лелеющего иллюзию, что рано или поздно все повторяется, появление на свет этого ломтика сырокопченой колбасы стало подтверждением: не зря я тащил с того света армавирский гигант.

– А что? – Ким с наигранным недоумением пожал плечами. – Простому человеку надо думать о завтрашнем дне.

Он снова разлил. Мы опрокинули.

Ким торжественно, словно древний охотник, встал над бочкой:

– Ну, давай за твоего отца.

Я вздохнул.

– Э, нет, Алексеич, ты это дело брось! Алексей Наумович обязательно выйдет! Даст всем тут жару! В этом я не сомневаюсь. Для него эта паскудная история – что слону дробина. Не заметишь, как пролетит время! Я тебе обещаю – в следующий раз за этим столом будет сидеть он. А ну-ка, как он... – Ким налил стакан, шумно выдохнул и опрокинул его одним махом.

– Ух! – глаза его налились кровью. – Только твой отец может так водку пить! Ох и сильный же мужик!

– По пять капель на зубок, – отозвался я эхом.

Усталость и неопределенность уже не злили. Я, как змеиную шкуру, сбрасывал прочь бывшие тревоги, в сердце разливалось благодатное расслабление.

Может, это и есть счастье простой жизни? Я так долго упускал из виду что-то важное, а пришла беда и научила меня.

– Ну, сядем, что ли? – предложил Ким, наливая еще.

Я молча кивнул.

– Какие новости на свете? – меня слегка развезло.

– Разные, – с хитринкой в глазах ответил Ким.

– А конкретно?

Ким вытер некстати заслезившийся глаз и пьяно икнул.

– Времена нынче сложные. Вот тебя сколько на комбинате нет? А посмотри, что делается. Опять все катится в пропасть. Бог все видит.

– Это не новость. Это – наша вечная надежда. Ты за меня не переживай. Я справлюсь, у меня сила, – услышал я собственные слова и снова с некоторым удивлением посмотрел на Кима, будто видел его в первый раз.

Откуда у этого простого мужика такие ясные представления о нашем мире и это безошибочное чутье?

– Ну, вот видишь, теперь ты на человека стал похож, – удовлетворенно констатировал Ким.

– Спасибо тебе, Ким.

– Да все уже случилось, Алексеич. Куда хуже? Дальше – только лучше может быть, – сказал он убежденно.

– Лучше? – пьяно протянул я. – Не знаю.

Ким молча смотрел, ожидая продолжения.

– Я мало верю в то, что на бюро меня из партии не выпрут. Есть слабенькая надежда, но...

И сам себя перебил:

– А если выпрут, то, считай, волчий билет.

– Какой же «волчий»? – изумился Ким. – Я, конечно, человек маленький. Но с твоими-то связями, Алексеич! У тебя ж сам первый секретарь в кармане.

– В каком кармане, Ким? – я пьяно улыбнулся.

– Ну как же... Разве вы не друзья?

– Друзья? Друзья познаются в беде. А этот «друг» залег на самое дно.

– Боится, что ли? – озадаченно протянул Ким.

– В больницу слег, не хочет вести бюро, на котором меня исключат из партии. А он, значит, чтобы не мараться, в сторону отполз.

Ким смотрел на меня, вытаращив глаза.

«Ну и мир у вас», – видимо, хотелось сказать ему, но он промолчал, только ошарашенно потряс головой.

– Помнится мне... – Ким ненадолго задумался, – ты ему с квартирой помогал.

– Помогал. А что толку? Сейчас это кого волнует?

– Нет, Алексеич, – Ким отставил стакан, вся его простая натура, казалось, бунтовала, не желая мириться с таким порядком вещей.

Он замер, подняв палец, будто моряк, определяющий направление ветра и размышляющий, куда плыть, а затем вопросительно посмотрел на меня: да не дурю ли я, часом?

– Ты чего, Ким?

Но он все молчал, будто что-то соображая. Потом отставил стакан с недопитой водкой в сторону.

– А ну ее к лешему. Значит, так... Как махину такую запустить, чтобы ее варягам всяким показывать – так на то Бабаев годится, а как помочь надо, так мы в кусты? – Брови его грозно сошлись. – Непорядок.

Не дожидаясь меня, Ким залпом выпил остававшуюся в стакане водку и гневно засопел.

– А поехали к нему прямо сейчас, а? – он поднял на меня уже заметно помутневший взгляд.

– К кому? – не понял я.

– Да к Писарю. К кому ж еще? Вломим ему с ходу. А то он что-то выпендривается много, когда не ты, а он у тебя на кукане.

– Да ну, брось. Какой кукан? Кто он, а кто я? Да и вообще... – я махнул рукой.

– Не прав, Алексеич, – нравоучительным тоном протянул Ким. – В больнице, говоришь, лежит? Так я бы к нему, пока он там гадом ползучим распластался, и пришел бы. За правду спросил бы!

– За какую такую правду? Он же царь у нас.

– А вот потому, что царь, я бы и пришел. Царь, говоришь? Так пойди к нему в палату и скажи, что сдашь этого царя вшивого со всеми потрохами, если он тебе не поможет.

– Куда сдам? – не понял я.

Ким, уже достаточно нагрузившись, приблизил ко мне лицо вплотную и, дыша перегаром, заговорщически пробормотал:

– Алексеич, иди к нему, пока не поздно, и делай, что я тебе сказал. Квартирка – это лишь часть. Пойдем вместе – я все подтверждаю и еще кое-какие детали припомню. Кто, как не я, этим всем занимался?

Я молча слушал Кима.

– А подарок? Я ж постоянно ему возил барахло, колбасу, то-се! Папке твоему за такие же подарочки сколько впаляли? Кто у нас «десяточку» получил только что? Пойдем припреем его к стенке. Так и скажешь ему: или ты меня вытаскиваешь из этой помойки, или вместе будем на нарах париться.

– Это же шантаж.

– Конечно, шантаж, Алексеич. Потому что они все трусы. Нужно прижать его, чтоб он сделал то, что обязан сделать! – с жаром выпалил Ким.

СХХІІІ

Я когда-то лежал в этой больнице. Новое здание, спецпропуска, одноместные палаты, сверкающий никель, немецкое оборудование и неистребимый запах дезинфекции.

В больничной палате еле уловимо пахло фруктами. Фигура единственного пациента темным силуэтом виднелась на фоне залитого солнцем окна.

– Здравствуйте, – с улыбкой произнес я.

Писаревский не смог скрыть удивления.

– Вот, решил навестить вас, Александр Сергеевич, – соврал я со слащавой улыбкой, вытаскивая из-за спины авоську с апельсинами, – гостинцы принес.

Авоська с фруктами гулко стукнула о тумбочку.

– Как ваше здоровье?

Писаревский справился с первоначальным шоком.

– Да ничего, Игорь, – он помолчал. – Я знаю, что произошло... Кошмар. Для меня было ударом, что отцу дали такой срок. Вот так – в один момент... Для многих это страшная боль. Таких, как он, еще поискать надо.

– Приятно слышать хоть что-то хорошее в свой адрес, – произнес я.

Писаревский испытующе посмотрел на меня.

– В последнее время меня этим не балуют.

– Игорь, мы не первый год знакомы и прекрасно знаем все причины. Жаль, что все так, – он сделал ударение на последнем слове, – обернулось. И самое печальное, что даже я, пожалуй, не смогу тебе ничем помочь.

В кусты, значит, уходишь? Ах ты, сука!

– Ну вы все же первый секретарь, – произнес я с улыбкой. – И решение моего вопроса в вашей компетенции.

– Что ты, Игорек! Я же говорил, – Писаревский побабьи всплеснул руками, – я не могу противостоять кра-

евой парторганизации. Если только кто-то поможет через крайком – спустит мне указание сделать тебе выговор. Только так и никак иначе. Сам я бессилен, – кажется, он начинал терять терпение.

«Сука», – мысленно повторил я. Молча достал водку, разлил по стаканам. Писаревский недоуменно следил за мной.

– Александр Сергеевич, давайте выпьем за ваше здоровье!

– Мне нельзя, – Писаревский накрыл ладонью свой стакан.

Он как-то весь подобрался, словно готов был хоть из окна выпрыгнуть, лишь бы не сидеть со мной рядом.

А я махом выпил. И как тогда у Кима, ощущение опасности отступило, вернулись ледяное спокойствие и уверенность.

– В моей семье беда. Отец сидит. Брат в крайне сложной ситуации, а моя собственная судьба на волоске. Мы все практически уничтожены. Если я потеряю сейчас партбилет, то уже никогда не смогу его восстановить. Это конец, понимаете! Я не пойду на бюро, если вы не будете его вести, – последнюю фразу я произнес жестко, отчетливо разделяя слова.

– Игорь, да пойми же, я болею.

– Ничего, и я поболею.

Лицо Писаревского побелело.

– Партийная организация комбината приняла свое решение. Объявила мне строга́ча с занесением в личное дело.

Писаревский слушал с открытым ртом. Я чувствовал, как алкоголь делает свое дело, сметая барьеры.

– Теперь дело за тобой, Сан Сергеич. Объяви мне строгий выговор и отпусти с миром. Мне нужно сохранить партбилет.

Писарь набычился. Ну что ж, терять мне, судя по всему, все равно уже нечего. Значит, так тому и быть.

Пора было пускать в ход тяжелую артиллерию.

– Если бюро примет решение исключить меня из рядов партии, я тут же при всех сделаю заявление о фактах вымогательства с вашей стороны, – я автоматически перешел на «вы». – Может, придется вместе на нарах посидеть.

– Ты как смеешь в таком тоне со мной разговаривать? – голос Писаревского сорвался на визг, но это был визг воробья, разбуженного в ночи львом.

– Александр Сергеевич, жизнь заставила. Другого выхода у меня нет. Желаю вам скорейшего выздоровления! – я снова налил стакан водки, махом опрокинул его и вышел вон.

СХХIV

Счугунной головой я выполз^у на кухню за чашкой кофе. Лида хлопотала у плиты.

– Ну и набрался я вчера, – прошептал я. Голова, казалось, сейчас лопнет.

– Ты ничего не сказал! – Лида вопросительно воззрилась на меня.

– В общем, я сделал все, как Ким спланировал. Если не оставит билет, заявлю о вымогательстве. И сказочке конец.

Лида охнула:

– Ты это сказал первому секретарю?

Я мрачно усмехнулся.

– Ты в своем уме, Игорь?

– Хороший вопрос! – я снова невесело рассмеялся. – Даже и не знаю, что ответить. Время покажет. Поживем – увидим!

СХХV

Я сидел в гостиной, в полумраке, словно на подводной лодке. Свет лампы на контрасте с темнотой комнаты казался нестерпимо ярким. Кажется, я простыл. Послышались голоса детей. В комнату вбежал Сережа, следом Женя. Обхватил мою шею ручонками, потянул за нос.

– Пойдем гулять, папа!

– Куда гулять, ночь на дворе!

– Завтра пойдете. А сейчас быстренько в постель, – в комнату вошла Лида, подхватила детей и увела за собой.

В прихожей противно забренчал звонок.

– Кого это нелегкая...

Я тяжело поднялся.

В дверях стоял Ким.

– Алексеич, кажись, сработало, – когда мы остались одни в комнате, понизив голос, сообщил он.

– Что сработало?

– Мне только что Семен звонил – ну, водила Писаря, помнишь такого?

– Нет... – я пожал плечами. – И что?

– Рассказал, что в квартире Писаря со вчерашней ночи срочно скручивают всю сантехнику, фурнитуру и вообще все, что мы по твоему приказу и за твои деньги ставили.

Ким покатился со смеху.

Я ушам не верил. Неужели отчаяние одного и трусость другого способны творить такие чудеса?

– Слушай, ты позвони этому водиле, пусть передаст Писаревскому – это не поможет.

– Да у них и без этого такой дым изо всех мест валит, как бы не сдохли!

Я сел, с трудом соображая, муравейник какого размера я вчера разворошил.

- Ты чего такой? – удивился Ким.
- Неизвестно, чем все это кончится.
- А чем кончится? Задергался, гад. Испугался!
- Ты можешь так не орать? – я устало провел ладонью по лицу. – Давай завтра пораньше приезжай – в Нальчик надо съездить. Кое с кем повидаться.
- Нет вопросов, Алексеич.

СХХVI

Ким подъехал к дому ровно к восьми. «Волга», кренясь на полном ходу, развернулась у подъезда и лихо затормозила.

- Прошу, – Ким распахнул дверь.
- Ну что, домчишь до Нальчика? Дорога дальняя.

Ким ухмыльнулся. Машина, визжа на поворотах, понеслась по трассе. Морозное зимнее утро только занималось.

СХХVII

Человек, сидевший в глубине помещения, вздрогнул от неожиданности. Удивленно уставился на меня.

- Игорек, ты?

Умат вскочил из-за огромного стола. Размерами и обстановкой его кабинет мог бы поспорить с кабинетами секретарей горкомов.

– Вот сюрприз так сюрприз! Наконец-то ты нас уважил.

Он заключил меня в объятия, потом, не выпуская, отодвинул, как бы проверяя, точно ли это Игорь Бабаев, и потащил в кресло.

– Сколько лет, сколько зим! Дай-ка я тебя еще раз обниму.

– Умат, я всегда знал, как ты ко мне относишься!

Мы оба захохотали.

– Вот так, без предупреждения? Сюрпризом? – грозно спросил Умат.

– Ага! Сюрпризом!

Я с силой хлопнул его по плечу, словно старого школьного товарища, которого не видел лет двадцать.

Выглядел я после всех потрясений последних дней и визита к Писарю, наверное, довольно потрепанным. Долгая дорога и неопределенность моего положения добавили эффекта.

– Это очень хорошо, что ты приехал, Игорь! Только почему не позвонил?! – сокрушался Умат. – Сейчас все расскажешь. Только вот распоряжусь, и пойдем перекусим. Стой! – осекся вдруг Умат. Предостерегающе поднял вверх указательный палец, достал из ящика бутылку коньяка и плеснул в рюмки.

– За дорогого гостя! – произнес он величаво.

От его смешного акцента я чуть не приснул.

– Гость, скорее, неожиданный.

– Нет, нет. Любой гость – посланец небес, а такой, как ты, – огромный дар. За тебя!

Вкус коньяка я не почувствовал, но горячая жидкость добавила сил.

– Умат, скажу по правде, я – свободен.

Умат расплылся в улыбке:

– Так это счастье! Можешь делать все что хочешь!

– Если все выгорит и я сохраню партбилет, то это счастье. Надо будет где-то отсидеться с год – снять выговор. Это возможно?

– Вай! О чем ты говоришь?! Все сделаем!

Друг согласно закивал головой и быстро налил еще по рюмочке.

– Ты точно уверен, что сможешь принять?

– Игорь! Какой разговор! Даже не переживай. Места у нас хватает. С радостью примем! Будешь моим заместителем.

Он показал мне большой палец.

Я покачал головой.

– Мне, Умат, не просто пересидеть надо. Мне выговор по партийной линии снять надо – со временем. Вот что важно, а не должность высокая.

– Не хочешь быть моим замом, давай главным инженером поставим.

Он словно играл со мной в поддавки.

– Нет, нет и нет! Поставь меня на рядовую должность. Я буду работать за главного, только формально сделай меня рядовым технологом.

– Ну как же так? А-а? – Умат казался расстроенным, как ребенок. – Что ты с собой хочешь сделать?

– Умат, я знаю, что мне надо. Поверь, это не так просто.

– Ты про что?

– Я про выговор! Снять его.

Умат посмотрел на меня с удивлением.

– Выговор? Снять? Вот!

Он показал мне край ногтя. И широко, по-театральному, развел руками.

– Здесь это не проблема. Снимем твой выговор! Вообще не волнуйся.

– Умат, мне сказали, что покоя не дадут, – гнул я свое.

Умат умоляюще сложил перед собой руки.

– Да что с тобой, Игорь! Ты мне не веришь?! Это тебе не какая-то Кубань. Это Кавказ. Ты – мой друг. Значит, и для остальных ты тоже друг. А друзей в беде не бросают!

Он подсел ближе ко мне и значительно произнес:

– Дорогой, первый секретарь Мальбахов – мой друг. Если совсем достанут, объясню ситуацию – уверен, он все поймет.

Я улыбнулся.

– Тогда я твой вечный должник.

– Оставь! Когда тебя ждать?

– В течение месяца, думаю. Точно не знаю. Я пока в больнице лежу, – улыбнулся я.

– О! Мы тебя тоже подлечим, – загоготал Умат. – Поехали, город покажу.

СХХVIII

Правил движения для водителя Умата, похоже, просто не существовало. Светофоров тоже. За окном проплывали двухэтажные домики, чистые и опрятные. Я смотрел на тихие, по-южному колоритные улицы и удивлялся тому, насколько интересным оказался Нальчик.

– Это хорошо, что ты ко мне приедешь, Игорь. Будем ездить на природу, здесь прекрасные горы – ты же знаешь. Свежайшее мясо, вино, природа – отмоем тебя от всей той грязи.

Машина остановилась у здорового сталинского дома, окруженного кованым забором.

– Мой дом, – бросил Умат небрежно, кряхтя вылезая из машины. – Посмотришь, как я живу.

Мы вошли в подъезд.

СХХIX

Квартира Умата – ни дать ни взять дворец кавказского князя. Квадратов под 150, заставлена румынской и финской мебелью. На инкрустированном круглом столе сияла огромная хрустальная ваза, в стеклянных шкафах сверкали золотые кубки и хрустальные с серебром графины. На стенах – пушистые ковры, на полу – фигурный паркет. Тончайшего фарфора чайные чашечки и стаканы

зеленого стекла в серебряных червленых подстаканниках дополняли убранство.

На деревянном инкрустированном столике тут же была постлана крахмальная скатерть, поставлены приборы и вычурная, с финифтью, серебряная посуда.

Шурша шелком, из недр квартиры вышла, хотя нет, скорее выплыла, настоящая красавица – тонкая, с осиной талией. Нитка жемчуга струилась по ее ключицам, подчеркивая безупречность кожи. Следом тащилась толстая тетка в шелковом халате.

– Знакомься. Фируза, моя супруга, – представил меня Умат.

Та томно подала мне руку. Улыбнулась.

– Я о вас слышана, Игорь.

Умат поднял брови, Фируза послушно кивнула и, шурша платьем, тут же исчезла вместе со своей спутницей, а через секунду появилась в сопровождении все той же бабищи, которая несла поднос со свежей зеленью и нежнейшей подкопченной рыбой. Поставив поднос на стол, тетка схватила какой-то старинный кувшин, заглянула в его горлышко, как в подзорную трубу, и, видимо, осталась недовольна результатами осмотра – унесла кувшин прочь и через мгновение появилась с другим, полным.

Я невольно улыбнулся.

Умат принимал меня по высшему разряду. Всю эту пыль в глаза он пускал из неподдельного уважения, и странное чувство удивления и неловкости охватило меня: его как будто совсем не трогало, что я лишился должности. Видимо, он считал меня до такой степени влиятельным, что наличие или отсутствие у меня официального статуса ничего, с его точки зрения, не меняло.

– Ну и хоромы, – подивился я.

– Нравится? – обрадовался Умат. – Вот, переезжай к нам насовсем, будешь жить не хуже.

Я посмотрел на стол красного дерева с инкрустацией и позолотой.

– Да, Уматик! Партийные боссы живут, пожалуй, поскромнее.

– О-о, Игорь, какой босс? Откуда скромнее? Я простой человек, – он махнул куда-то за спину, видимо, имея в виду персидские ковры. – Никаких секретов. У меня свое хозяйство – три гектара. Яблоневый сад. Урожай – вот, – Умат развел руками, показывая что-то неизмеримое. – Яблоко – как грязь. Я сдаю – получаю приличные деньги. Зачем мне больше? У меня только что мне надо. Документы, хочешь, покажу?

– Упаси господи! Я что, ОБХСС? – рассмеялся я. – Яблоки так яблоки.

– Ох, – Умат горестно вздохнул. – Люди мне завидуют. А я простой скромный человек. Комфорт уважаю – только и всего! Комфорт! – он многозначительно поднял палец. – Это же полезно. Ну что мы обо мне да обо мне. Давай еще раз за твой приезд.

Я сдержанно улыбнулся.

Внимание мое привлек кинжал необычной формы, на ножнах которого поблескивали некрупные камешки.

Умат заметил мой взгляд.

– Кубачинское серебро, – пояснил он. – Да ты возьми, не бойся.

Я вытащил кинжал из ножен, провел по лезвию пальцем. Восхищенно покачал головой.

– Я – мясник, Умат. Мои предки тоже, наверное, резниками были. Я понимаю толк в инструментах, которые делают свое дело без боли. Это, – я кивнул на кинжал, – хорошая работа.

Умат важно кивнул. Я все любовался сверканием и игрой света украшавших ножны камешков. Не удержался, спросил:

– Тоже с яблоневого сада?

– А-ха-ха, – Умат весело посмотрел на меня. – Шутник ты, Игорь. Какой яблони? Это бриллианты. Подарок! Тебе такой тоже подарят, если останешься. Оставайся. Что тебе этот Армавир? Ты там кроме комбината ничего и не видел. А тут, – он кивнул в сторону окна, – будем ездить в горы, отдыхать много будешь – что еще надо человеку для счастья?

– Ну, пожалуй, в санаторий я попасть не планировал.

– Тебя знают все мясники страны! Хочешь, чтобы я поставил тебя на простую должность? Со мной здороваться перестанут.

– Умат, Умат! – я протестующе поднял руки вверх. – Не начинай. Мне проблемы новые ни к чему. Я тебе серьезно говорю: самая незаметная должность – это то, что мне надо! А вот если реально я к тебе махну, то главное на первых порах – где жить. Сначала один буду, а потом и семья переберется. Двое детей, как-никак.

– Квартиру давай сделаем, – Умат положил свою пухлую ладонь на мое плечо. – Что-нибудь подыщем...

– Нет, нет. Ты не понимаешь, хоромы мне тоже сейчас не нужны.

– Как скажешь, Игорь! Есть общежитие. Но, знаешь, там... – Умат задумался, обводя комнату глазами, – очень, – произнес он с нажимом, – скромно. Удобства общие. Но если хочешь, можем поехать посмотреть.

– Давай по пути домой заедем, – попросил я.

Умат потянулся к хрустальному графинчику:

– Ну давай, рассказывай...

СХХХ

В общежитии меня охватила тоска. Умат мгновенно все понял:

– Я же предупреждал, Игорь!

Я поднял руку, словно говоря: «Ничего страшного».

– Это я так просто. Другого и не ожидал.

– Ну, может, все-таки квартиру снимешь?

Я покачал головой.

– Поживем – увидим. Главное, что я к тебе перебираюсь.

СXXXI

По дороге домой я все обдумал. Вроде складывается. С Уматом я договорился, теперь дело было за Писарем. Как он со мной поступит?

25 февраля 1985 года. Я хорошо помню эту дату. Спокойным шагом я пересек просторное помещение и сел на отведенное мне место. Бюро началось без опозданий. Прибыли руководители всех главных городских предприятий. Вел заседание Писаревский. На меня он старался не смотреть.

Секретарь огласил повестку, и я услышал, что мой вопрос слушается последним.

Формальная чепуха, регламент, разговоры ни о чем съели примерно полтора часа. Когда мозги у всех начали плавиться, секретарь бодрым голосом объявил:

– Товарищи, переходим к последнему пункту. Персональное дело Бабаева Игоря Алексеевича.

Все обернулись на меня.

Писаревский строго оглядел аудиторию, ненадолго – кажется, впервые с начала заседания, – задержал взгляд на мне, откашлялся.

– Игоря Алексеевича тут знает каждый. Его заслуги перед городом сложно переоценить, он спас комбинат. Но сегодня мы рассматриваем другие его дела. Вы знаете, что приказом объединения мясной промышленности края он освобожден от занимаемой должности. Это решение

было принято в связи с представленными прокуратурой СССР документами, подтверждающими дачу взятки бывшему секретарю краевого комитета партии Тараде.

Я почувствовал, как сильно он напряжен. Именно потому говорит каким-то чужим голосом, слишком часто облизывает пересохшие губы. Таким я его еще не видел.

– За такое, конечно, Бабаева из партии надо исключать, – веско произнес он и обвел зал взглядом.

Кто-то прошептал:

– Ну это уж слишком...

Писаревский сердито нахмурил брови.

– Первичная парторганизация комбината рассмотрела все обстоятельства дела и объявила ему строгий выговор. Теперь городской комитет должен дать оценку действиям Бабаева.

Сзади зашумели громче.

Писаревский смешался, прошептал что-то на ухо Тарасову, а потом сказал:

– Вопрос настолько серьезный, что все члены бюро должны дать принципиальную оценку Бабаеву. Прошу высказать мнения.

Директор армавирского стройуправления тут же поднялся со своего места и, загибая пальцы, стал перечислять обстоятельства, при которых мне был передан полумертвый комбинат.

С места его поддержали.

Кто-то выкрикнул про бывшего Дубровского и заметил, что именно я кардинально поменял ситуацию на комбинате.

Писаревский слушал внимательно, по-прежнему бледный, кивая иногда, словно соглашаясь с выступавшими. Потом сердито постучал карандашом по столу.

– Кто еще хочет что-то сказать?

Аудитория молчала, словно выдохлась. Вдруг кто-то с дальних мест снова подал голос:

– А что тут говорить? Да, этот случай Бабаева не красит. Но человек поднял такой гигант из руин, а мы тут еще что-то обсуждаем. Надо согласиться с решением первичной организации предприятия и сделать ему строгий выговор.

Зал заседаний согласно загудел.

– А что? – раздался второй голос. – Мы все знаем, какая развалина это была..

Снова одобрительный гул голосов.

Писаревский уставился в какую-то бумагу, которую ему подложил Тарасов. Лицо его покрылось легкой испариной.

– Игорь Алексеевич много сделал для города – это все сидящие здесь знают, – произнес он, наконец, тихо.

Все замерли.

Писаревский замолчал. Наклонился к Тарасову, что-то спросил у него, выслушал ответ – таким же шепотом, и опять заговорил:

– Ну что ж. Если больше никто ничего сказать не хочет, подведем итог. Дача взятки порочит честь коммуниста. Таким людям не место в наших рядах. И суровое наказание за такой проступок должно говорить о недопустимости подобного впредь. Это важно понимать каждому.

– Но! – Писаревский поднял вверх палец. – Не могу сбросить со счетов то, что было сказано здесь ранее. Именно товарищ Бабаев сделал комбинат передовым предприятием Кубани.

Он посмотрел в зал.

В зале раздался одобрительный шумок.

– Я говорил со многими из здесь присутствующих, заставшими этот комбинат в прежние времена. Могу напомнить, кто забыл, – голос Писаря взвился, – разруха, аварийное состояние, пьянство, разложение коллектива. Я видел сигналы. Вопиющее количество сообщений о том, что там творилось до его прихода. А главное, комбинат перестал

выполнять план. Это была точка старта. И чем все обернулось? – голос его патетически взвился, ни дать ни взять профессиональный актер. – Игорю Алексеевичу удалось переломить ситуацию. Это мы все помним и признаем.

Брови Писаревского грозно сошлись.

– Сообщаю вам, что за недопустимый поступок Бабаев был подвергнут суровому осуждению партийным комитетом комбината.

По спине у меня потек пот.

Писаревский открыл папку, взял оттуда бумагу и начал зачитывать:

– Опираясь на мнение членов партийной организации города, предлагаем: поддержать решение партийной организации комбината и проголосовать за то, чтобы за дачу взятки секретарю Краснодарского крайкома объявить Бабаеву строгий выговор с занесением в личное дело.

Я посмотрел на присутствующих. Все уже нетерпеливо ерзали, ожидая конца заседания.

Писаревский постучал по графину.

– Кто за? Прошу поднять руки.

Он взглянул на лес рук.

– Кто против?

Никто не шелохнулся.

– Воздержались? – Писаревский поднял вверх руку.

Я оглянулся. Обвел глазами зал. Больше никого.

– Большинством голосов решение принято, – с каменным лицом закончил Писаревский. – Прошу занести это в протокол. Собрание объявляю закрытым.

СXXXII

Очнулся я, обнаружив себя одиноко сидящим в зале заседаний. Все ушли. Как тяжело больной, которому сообщили, что диагноз не подтвердился, я посмотрел

по сторонам. Мир казался полным света. Я вышел в коридор. Мимо сновали люди, на меня уже никто не обращал внимания. По дороге меня нагнал Тарасов.

– Игорь, погоди!

Я остановился.

– Скажи мне только, куда выслать карточку? – понизив голос, спросил он.

– В Нальчик.

– Значит, все в порядке. Я сейчас же лично займусь отправкой. Ты хорошо помнишь мои слова?

– Да, сматываю удочки.

– Сегодня же, Игорь... – многозначительно произнес Тарасов и легонько хлопнул по плечу.

– Спасибо, – успел буркнуть я, прежде чем он скрылся в своем кабинете.

СXXXIII

Игорь?! – Лида смотрела выжидающе, стоя на пороге с Сережей и Женечкой на руках.

– Вы чего? – усмехнулся я. – Убегать собрались или вышли встречать с фанфарами?

– Не томи. Что?

– Билет сохранили! – ответил я, подхватывая Сережу на руки.

– Боже, какое счастье!

Мы оба начали смеяться, как сумасшедшие.

Скажи мне кто-то хоть полгода назад, что я буду так счастлив оттого, что меня не вытурили из партии, я бы решил, что мой собеседник свихнулся.

– Лида! Это не все!

– Что такое?

– Я уезжаю.

Она удивленно вскинула брови.

- Ну, завтра же...
- Нет! Прямо сейчас.
- Что? Ты сказал, все нормально.
- Это не обсуждается. Ты все собрала?
- Почти все. Я только не понимаю, ты от меня что-то скрываешь?
- Я обнял ее за плечи.
- Это совершенно необходимо. Нужно быстрее уехать в Нальчик.

СXXXIV

- Секретарша поспешно вскочила при моем появлении.
- Товарищ директор вас ждет.
- Похоже, меня здесь уже воспринимают как второго хозяина. Как долго это продлится?
- Я толкнул дверь.
- О-о, Игорек! Здравствуй, дорогой!
 - Дежавю: Умат вскакивает, бросается ко мне, обнимает.
 - Ну, порадуй меня скорее.
 - Все прошло по плану, Уматик. Учетную карточку уже отправили сюда. Так что теперь я у тебя обосновался. Готов работать.
 - А я этому только рад, родной. Что решил насчет дома? Когда семью транспортишь?
 - Пока не до этого. Надо обжиться, сам понимаешь.
 - Ну... – Умат удрученно развел руками, – устанешь в общаге, квартиру найдем приличную. Только скажи.
 - Нет, нет и нет! Мне сейчас важнее всего быть незаметным. Жить в лучшей квартире города просто опасно. А меньшего ты же не предложишь, я знаю, – я подмигнул другу.
 - Хорошо, – буркнул Умат, – пусть будет общежитие. А теперь давай представлю тебя своим ребятам.

Через каких-то пять минут все руководители были собраны. Умат оглядел присутствующих и торжественно встал.

– Игоря Алексеевича кому-то надо представлять?

Все дружно покачали головой.

– Так вот, Игорь Алексеевич теперь рабстает с нами. Прошу любить и жаловать. Он не раз помогал нашему комбинату, а теперь мы обязаны ему помочь.

СХХХV

Ну как ты там? Устроился? Что за место? – Лида сыпала вопросами, голос звучал нетерпеливо.

– В общежитии дали пару небольших комнат.

– Отдельные?

– Нет. Туалет и душ – общие, на этаже.

– Для нас и две комнаты подойдут. Я собираюсь и завтра же выезжаю к тебе.

– Лида! Я же еще ничего не успел приготовить. На кухне только плита, даже табуреток нет. Ты что?

– Я приеду и сама этим займусь.

– Это будет тяжело – город незнакомый.

– Ничего, справлюсь, – отрезала она.

– Хорошо. Давай договоримся так: не будем пороть горячку...

– Хорошо. Но как только ты там все наладишь, мы сразу же приезжаем.

– Идет. Только прошу, не требуй этого прямо завтра. Мне надо оглядеться. Сейчас каждая мелочь важна.

СХХХVI

По сравнению с армавирским гигантом комбинат в Нальчике казался небольшим, вроде того, каким я управлял в Анапе. Вникнув в детали и оценив всю глу-

бину царящей разрухи, я призадумался. Ничего нового. Клановые отношения. Что делать – понятно. Надо было только разобраться в специфике, чтобы не наломать дров. Что я отметил сразу – это неподдельно доброе и уважительное отношение сотрудников. Умат не преувеличивал, говоря о том, что здесь меня хорошо знают.

СXXXVII

На столе передо мной лежал отчет заведующего холодильником, в котором я пытался разобраться. Вникая в смысл сказанного, я чувствовал, как все сильнее закипаю. Они что, не понимают, в каком веке живут? С этим надо было что-то делать. Я пошел к Умату.

– Уматик, послушай меня. Раз уж волею судеб меня занесло к вам, давай попробуем разгрести твои авгиевы конюшни.

– В каком смысле, Игорь?

– Да я вижу, что у тебя здесь творится. Понимаю, руки не доходят. У меня предложение: дай мне возможность попробовать вести дело так, как я считаю нужным.

– Игорь, скажи прямо, что ты хочешь? – Умат смотрел на меня вопросительно.

– Давай, пока я тут у тебя сижу, я сделаю кое-что для производства. Уверю тебя – не пожалеешь. Будет и отчетность по выработанной продукции, и самому грустить не придется.

Умат растерянно развел руками.

– Я тебя не понимаю, Игорь, – он задумался, потом грустно вздохнул. – Но если ты так хочешь – руки у тебя развязаны, поступай как знаешь. Я тебе всецело доверяю. Только можешь раскрыть тайну – что ты собираешься делать?

– Рецепт старый: ремонт начать. Фонды выбить.

Умат усмехнулся.

– Ах-ха, – голос его поднялся до фальцета, будто я сказал невероятно смешную вещь. – Игорь, пойми, здесь не Армавир. У нас таких возможностей нет. Какой ремонт? Какие фонды? Откуда?

– Умат, а хочешь, поспорим? Обещаю, все необходимое для ремонта найдем. Надо в Ростов съездить – там все материально-техническое обеспечение Кавказа.

Умат недоверчиво посмотрел на меня.

– Ты либо очень наивный человек, либо действительно волшебник.

Я опешил. Он что, серьезно? И тут до меня дошло. У него кончился задор. Нет мотивации и желания сопротивляться всесокрушающему попустительству и всеобщей расслабленности. Зачем что-то менять, когда все и так само плывет в руки?

– Умат, я все-таки попробую – через Ростов. Там огромная база.

– А что ростовская база? – спросил он осторожно.

– Да прикинем, все запишем, рванем – и получим.

Умат недоверчиво покивал головой, в хитрых глазах его я заметил блеск надежды. Он клюнул. Не до конца, но что-то его в моем предложении заинтересовало.

– Добро, Игорь! – очень серьезно ответил он. – Делай, как решил. Я тебе полностью доверяю. Но пожалуйста, – лицо его приняло просительное выражение, – держи меня в курсе.

– Хорошо. Давай так: я поеду – договарюсь. Но нужно будет оказать внимание людям, которые нам помогут.

– Деньги найдем, – живо согласился Умат.

– Мне деньги ни к чему. Я буду только договариваться. А все расчеты... выдели лучше хлопца своего, доверенного, пусть он ведет расчеты. Вы горцы, лучше знаете, как это делается.

– Хорошо. Дай время. Как будет все готово – отправим тебя в командировку...

СXXXVIII

Игорь, – Лидин голос звучал напряженно. Я сразу понял, что разговор предстоит тяжелый. Если она что-то для себя решила, свернуть с колеи будет трудно.

– Игорь, это такая проблема?

– Ты о чем?

– Ты только не спорь. Ты все понял.

– Я даже не знаю, с чем спорить.

– Нет, обещай, что не будешь спорить.

– Да с чем же?

– Нет, ты обещай.

– Хорошо, обещаю.

– Мы к тебе выезжаем.

– Но Лидочка...

– Я с рождения – Лидочка. Послушай, мы должны жить вместе. Хватит.

– Ну, раз хватит, значит, хватит.

– Месяц почти прошел. Я больше не хочу сидеть с мальчиками одна и ждать.

– Хорошо. Я пришлю за вами машину.

Я положил трубку. Вздыхнул. Понятно, ей – одной, с детьми – плохо, беспокойно. А мне? Наверное, нужно сейчас, не откладывая, не раздумывая, ничего не взвешивая и не прикидывая, одним махом решить эту проблему – и все дела.

СXXXIX

Я вышел во двор общежития. Субботнее утро было тихим. Все еще спали. Ни голосов, ни пьяных криков, ни суеты выходного дня. Посмотрел на часы. Пора бы уже. Точно услышав мои мысли, во двор въехала «Волга». Остановилась под нашими окнами.

– Папа! – раздался Сережин радостный крик.

– Игорь!

Хлопнули дверцы машины.

– Привет, мои хорошие! – я обнял своих мальчишек, прижал к себе Лиду.

Она тревожно оглядывалась. Застыла, увидев полуразвалившийся дом, в котором ютилось общежитие комбината. Странного вида женщина толкала перед собой детскую коляску. Оттуда выпала кукла. Лида поспешно подняла куклу, подала женщине. Та безучастно бросила ее в коляску, пошла дальше.

– Игорь?

– Все нормально, Лидочка! Это общежитие. Люди разные. Пойдем в наши хоромы.

Она ухватила мальчиков за руки и побрела за мной. Я долго возился с замком – как назло, заело. Раздосадованный, я пнул ногой хлипкую фанерную дверь, она раскрылась с жалобным всхлипом. Я посторонился, пропуская Лиду с детьми вперед.

– Прошу.

Лида вошла и замерла, словно проглотила язык, увидев облупленные стены и разводы на потолке. Секундное замешательство – и она тут же овладела собой. Губы ее упрямо сжались.

– Ну как тебе?

– По-моему, прекрасно. Я даже не ожидала.

– Честно? Тебе не страшно?

– Целых две отдельных комнаты! – Лида раскинула руки. – Бывало и хуже.

CXL

Подбежала секретарша, сообщила, что великий Умат хочет меня видеть по срочному делу.

Я кивнул.

– Игорь, мы готовы обеспечить тебе выезд в Ростов.

На Умате был синий костюм в тонкую полоску, шелковая рубашка и галстук в горох. На плечах щегольское белое кашне.

– Люблю и на работе культурно выглядеть, – похвастался он. – А то некоторые есть – еще молодые люди, а уже черт-те на что похожи. Куда это годится? Меня родители так воспитали, чтобы я всегда имел правильный вид.

Знаешь, приходится по делу бывать у больших людей, – он округлил глаза, давая понять, у насколько больших людей он бывает, – надо соответствовать, чтобы не было стыдно...

Я улыбнулся. Иногда Умат вел себя, как ребенок.

– Я думал, ты по делу меня позвал.

– Конечно. Сколько ты решил брать?

– Да вот, – я протянул ему список. – Все посчитал, написал, тут все, что нам надо.

Умат пробежал бумагу глазами.

– А потянем?

Я сделал скупающее лицо.

– Выкрутимся, не волнуйся. Прибылью вернешь все расходы.

– Ну, – Умату явно было не по себе, но он согласно кивнул. – Я тебе полностью доверяю, Игорь!

– Тогда в добрый путь! Если что не так – скажи.

– Все так, все так, – обреченно повторил Умат. – Машину, если нужна, – на станцию загоним. Начальник станции – мой хороший друг. Кстати, на выходных можно будет с ним познакомиться, приглашаю на барашка. Придешь?

– Ох, Умат, на барашка? К тебе! Это сказка!

Умат недоверчиво на меня покосился.

– Тогда договорились. Буду ждать.

– Ну, бывай.

Я еще немного покрутился на производстве, проверяя сам себя. Внес кое-какие коррективы в свои расчеты и помчался домой.

CXLI

Весна уже вступила в свои права. Теплый ветер поддувал с гор. Я вошел в комнату и остолбенел.

Лида сидела на диване, с нетерпением глядя на меня. На окнах шевелились белые подкрахмленные занавески. Стол был покрыт цветастой скатертью, в центре стояла бутылка «Киндзмараули», в вазе – букет.

– Лидочка, – только и смог ошарашенно прошептать я.

– Это я только начала, – горделиво произнесла Лида.

CXLII

Что ты молчишь? – осторожно спросила Лида.

– А что говорить? Хочешь, чтобы я спросил, что нам теперь делать? Как дальше жить?

– Как дальше жить, я теперь и сама не знаю. Но ты же видишь – живется, – ответила она с улыбкой.

– Что ж тут не знать, Лидия Ильинична? – усмехнулся я, обнимая ее крепче. – Весна в разгаре. Солнце, ветер с гор, на деревьях почки распускаются... Наслаждаться надо. Хочешь, в горы поедem?

Лида вздохнула всей грудью.

– Там Сережа! – прошептала она. – Осторожней, Игорь.

Моя рука обняла ее за талию.

– Мы сейчас с тобой как будто из какого-то фильма про счастье, – Лида попыталась отстраниться. – Словно что-то знаем, но недоговариваем.

– А что недоговаривать-то? По-моему, все понятно. Ты мне нужна. А знаем ли что-то? Ничего мы, как выяснилось, про себя, Лида, не знаем. Это другие про нас что-то все выкапывают да выяснить пытаются. А мы знай себе живем и живем. И даже умудряемся оставаться счастливыми.

– Это уже твоя заслуга, Игорь, – тихо ответила Лида.
– Ты изменился.

– Я? Вот уж нет.

– Изменился, изменился. Дома стал чаще бывать. Со мной больше времени проводишь.

– А почему же не проводить, если ты нужна мне? – снова повторил я.

Лида вздохнула.

– Давай не будем говорить о том, что там у нас изменилось, что нет. Я довольна – вот и достаточно. Если для этого надо было вытерпеть все то, что мы вытерпели, – мы это сделали. Сейчас я вправе просто хотеть, чтобы у нас все стало хорошо. Что было – то было. Начнем все заново. У тебя получится. Я знаю.

Я обнял ее покрепче, хотел что-то ответить, но тут из комнаты вышел заспанный Сережа.

– Вы чего шумите? Я есть хочу.

– Сереженька! – Лида бросилась к нему. – А кто сейчас будет вместе с папой ужинать? – проворковала она, прижимая сонного сынишку к себе.

Потом обернулась ко мне.

– А ну, мужчины, мойте руки и милости прошу к столу.

Я, все еще не отойдя от потрясения, стоял посреди комнаты, которая только сегодня утром казалась декорацией фильма про погорельцев. И вот как она преобразилась! Почти забытое, столь редкое в последнее время ощущение покоя и счастья возвращалось.

CXLIII

После ужина я снова уселся на диван, разглядывая обстановку в нашей халупе. Подошла Лида. Присела рядом. Я обнял ее, привлек ее к себе и прошептал на ухо:

– Все-таки я позвоню Киму – пусть займется обменом квартиры. Тяжеловато в этих комнатухах.

– Думаешь, это возможно?

– Спрошу Умату. Наверняка у него есть люди, которые этими делами занимаются. Надо попробовать.

– Значит, надолго все-таки планируешь здесь оставаться?

– Это вряд ли. Место Умату я не займу. Просто не хочется ютиться тут. В квартире-то удобнее.

Лида задумчиво посмотрела в окно, на плывущие облака.

– Лидочка, я завтра в Ростов уеду.

– Снова командировки? – она страдальчески нахмурилась. – А за день не получится обернуться?

– Вряд ли. Все ж не близкий путь. Лучше там в гостинице переночую. А что такое?

– Жаль просто...

– Всего один день.

– Один день... или один час. Ты пойми, Игорь! Я уже начинаю привыкать, что ты все время рядом.

CXLIV

Дорога до Ростова была хорошо знакома и от этого почему-то казалась особенно тоскливой. Я заехал в Армавир – подобрать Женю Павленко. Машинально чуть не скомандовал шоферу повернуть к комбинату – но вовремя опомнился. Эта страница жизни была перевернута.

Мысли вернулись к отцу. Как он сейчас? Что будет со Славой? Один я пока еще в строю. Хоть и на заурядной должности, но в строю, а это уже много по нынешним временам. Ничего, может, и получится куда-то вырулить.

CXLV

В Ростове все было плотно. Встречи, знакомства, переговоры, снова встречи...

Я договаривался о закупке кафеля, пиломатериалов, оцинкованных труб, кровельных материалов, проводов, краски, кирпича – в общем, всего того, что требовалось для ремонта. К концу дня чувствовал себя совершенно разбитым. А на следующий день после еще одной встречи поблагодарил Павленко и, оставив его завершать начатое, помчался обратно.

CXLVI

Я осторожно открыл дверь. Лида сидела на диване, уронив голову на грудь, и спала. Перед ней лежала стопка отглаженных детских рубашек. У ног громоздилась гора машинок. Я неловко наступил на одну из них. Раздался хруст, Лида испуганно открыла глаза.

– Приехал?

Она вскочила, прильнула ко мне.

– А мне такой сон снился...

Тепло, исходящее от нее, гипнотизировало. Я не утерпел, поцеловал, потом еще раз. Лида молча, удивленно смотрела на меня. Мы замерли, скованные чем-то неожиданным, древним, могучим, притягательным.

– Может быть, мне еще позже домой приезжать? – пошутил я, словно услышал Лидины мысли.

Она провела рукой по щеке.

– Ты чего такой небритый?

Я пожал плечами.

– Как мальчики?

– Еле уложила.

Она, сонно щуря глаза, посмотрела на часы.

– А ты быстро!

– Я же обещал! Не устала?

– Ну что ты? С мальчиками сейчас легко. Сережа за Женечкой уже смотрит. А ты прям как знал – я курзе приготовила. Еще, наверное, горячее. Пойдем на кухню...

– Ты знаешь, чего-то не хочу...

Она недоверчиво посмотрела на меня и снова уткнулась в плечо. Это было красноречивей всяких слов: вечный жест любящей женщины, ищущей защитника в своем мужчине. Ее голова покоилась на моей груди, губы едва заметно шевелились, будто она говорила: «Ты мне нужен. Будь рядом. А если уходишь, позволь думать о тебе».

К горлу подкатил комок.

– Я тебя жду, – Лида сонно посмотрела на меня и ушла в спальню.

CXLVII

На комбинате, в приемной, на жесткой желтой скамейке сидел Умат и курил.

– Умат, я думал, я раньше всех буду.

– Держи карман шире. Чтобы на моем комбинате кто-то раньше меня... Идем, что покажу.

Мы вошли в просторный, с очень высоким потолком, кабинет. Кожаев аккуратно повесил кожаное пальто на плечики, сел, вытряхнул из коробочки прописанную врачом таблетку, проглотил, залпом выпил стакан воды. Потом полез в ящик и достал оттуда литровую бутылку виски.

– Смотри, видел когда-нибудь такое? Из самой Шотландии привезли.

Я фыркнул.

– Умат, не смейся меня. Кто тебя пытается купить так?

Умат обиженно поджал губы, ничего не ответил, нахмурился. По-моему, его немного задевало мое равнодушие к благам жизни, которые казались ему пределом роскоши.

– Это хороший напиток.

– Да я не спору. Ты заслужил.

Я нахмурился и официальным голосом диктора произнес:

– Сообщение ТАСС. Превозмогая усталость и невзирая на невообразимые тяготы жизни, товарищ Умат продолжал гореть на работе... – окончание фразы потонуло в смехе. – Никакие физические страдания не сломили его, лишь только бутылка виски...

– Вот-вот, так и напишут, – серьезно ответил Умат. – Не дождетесь. Ладно, говори, как съездил?

– Умат, новости прекрасные. Все по списку. Осталось только договориться со строителями. Люди нужны: каменщики, плотники, кровельщики. Главное – поторопиться.

– Игорь, к чему спешка? Люди есть, они работают...

– Да видел я, как они там работают – в час по чайной ложке!

– Ну что есть, Игорь, то есть...

– Умат, давай начистоту: колбасный цех у тебя в любой момент может встать. Крыша течет, плитка отваливается, антисанитария... Надо что-то делать. Ты же не на один день это строишь. Пока будешь ждать одобрения на капремонт, здание рухнет! Да и какой смысл новое оборудование пробивать, если его потом завалит под руинами?

– Какое еще оборудование?

– Это и есть наш стратегический план. Попробуем пробить хоть что-то, чтобы поднять производительность. Все, что есть сейчас, в любой момент может накрыться.

Умат недоверчиво посмотрел на меня.

– Ну ладно, ладно, Игорь! Тебе я полностью доверяю.

– Я это уже слышал, Умат. Скажи, ты же знаешь директора строительного управления?

– Немного.

– Прошу, позвони ему, предупреди, что я к нему подъеду. Надо поговорить. Обещаю, работа пойдет совсем другими темпами.

Умат недоверчиво посмотрел на меня, потом снова вздохнул.

– Конечно, Игорь, как скажешь.

CXLVIII

Лиди поставила передо мной тарелку с бульоном. Вид у нее сегодня был какой-то загадочный. Огромные зрачки гипнотизировали меня. Она уселась напротив и смотрела на меня не мигая.

– А ты чего, Лидочка?

– Да я не хочу есть. Весь день хватаю, пока мальчикам готовлю.

Она лукаво склонила голову.

– Ты знаешь, я тут так скучаю по тебе... Вроде ты, наоборот, почти все время дома, а я, чем больше ты дома, тем сильнее скучаю.

Она замолчала.

Я ел, не в силах оторваться. Как это у нее получается? Этот кулинарный талант не поддавался никакому логическому объяснению. Волшебство – не иначе.

– Скажи что-нибудь! – попросила Лиди.

Я с удивлением посмотрел на нее:

– Ты о чем?

– Мы столько пережили. Неужели мы не заслужили наконец-то покоя? – задумчиво произнесла Лида.

– Покоя? – обескураженно повторил я. – Об этом я даже не думал.

А ведь она серьезно.

– Может быть, просто весна?

– Не знаю. Наверное. Все время пить хочу.

Лида налила в стакан воды и выпила мелкими глотками. В комнату прибежал Сережа, забрался ко мне на колени.

– Ну что, Сереженька, не будем папе мешать. Пойдем, я тебя положу спать.

Лида вышла с сынишкой. Через пять минут вернулась, улыбаясь, развела руками.

– Заснул.

Так мирно все, безмятежно, так спокойно... Но внутри меня будто включился неведомый механизм, словно какой-то насос принялся все быстрее и быстрее гнать кровь по жилам.

– Что с тобой, Игорь?

– Не могу объяснить. Кажется, что очутился в своем – нет, нашем – прошлом. Словно мы дома, на Катыхина.

Лида засмеялась.

– При чем здесь прошлое? Просто мы с тобой стали чаще видеться. Ты вовремя приходишь домой.

Она протянула через стол руки, обхватила мои запястья своими длинными пальцами.

– Это вы, Игорь Алексеевич? Я вас не узнаю. Вы стали философом?

– От тоски. Жил бы один, так запил бы.

– А хочешь, вместе напьемся! – со смехом предложила Лида. – Представляешь, ты и я? А когда проснемся, снова окажемся в нашем доме, в Армавире, и ничего этого,

– она обвела рукой комнату, – нет. Ни Нальчика, ни Умата – только ты, я и твоя прежняя работа. А это все нам просто приснилось.

– Про работу это ты правильно вспомнила.

– А что, разве не так? Я вполне могла бы приревновать тебя к ней. Слава богу, хватает ума понять, что тебя не переделаешь.

Да уж, с этим не поспоришь. Какой есть.

– Но здесь же, Лидочка, ты довольна?

Лида театральнo расхохоталась, а через секунду посмотрела на меня очень серьезно.

CXLIX

Хлопнула фрамуга. Вдруг стало душно, словно воздух в одно мгновение загустел. Какая-то особенная тишина повисла в комнате, за окном, да, казалось, и во всем мире.

– Это что? Ураган собирается? – Лида выглянула в окно.

Я пожал плечами.

– Может, и ураган.

– Ты заметил, какой здесь странный дождь иногда идет? – почти шепотом спросила Лида. – Никогда не начинает просто капать. Всегда – сначала тишина, ни травинка не шелохнется, а потом – как будто зарычит кто, и как польет! Это отчего, Игорь?

Я рассмеялся.

– Я откуда знаю?

Лида подошла ко мне.

– Игорь, я хочу прогуляться. Именно в такую погоду. Погуляй со мной. Я с одной женщиной договорилась, она обещала за мальчиками приглядывать, если ненадолго. Пойдем погуляем, а?

CL

Господи, как же хорошо! – Лида обернулась ко мне.

Мы дошли до ближайшего парка. Неожиданно поднялся ветер – мощный, теплый. Он дул порывами, временами превращаясь чуть ли не в ураган. В небе загрометело. Лида задрала голову.

– Сейчас польет, – глаза ее заблестели. – Смотри, что я припасла.

Она достала из сумки огромный дождевик, накинула на нас, словно волшебный покров.

– Как в детстве, – засмеялась она.

Мощный порыв ветра надул прорезиненный дождевик, как парус. Лида восторженно захохотала.

– Игорь! Держи меня! А-а!

Я стоял, скрестив на груди руки.

– Ты сейчас, как девочка!

– Меня утащит! Ай, Игорь! Миленький! Держи!

Ветер еще сильнее надул дождевик, и мы побежали, не в силах противиться стихии, что гнала нас вперед, точно пиратскую шхуну.

– Уносит! – кричала Лида, голос ее звенел от счастья.

Я крепко обхватил ее за талию, прижал к себе.

– Завтра в газетах напишут: «Жену унесло ветром от мужа».

Как счастливо, как безмятежно мы хохотали над этой незатейливой шуткой!

– У нас почти медовый месяц, – прошептал я.

– Ни волнений, ни этого ужасного суда, ни бегства из Армавира, – так же тихо эхом отзывалась Лида.

– И мы только-только начали жить... Как будто сначала.

– Ну, сначала – не сначала, но... сейчас наша жизнь совсем не похожа на прежнюю, – очень серьезно произнесла Лида.

Упали первые капли дождя.

– Сейчас растаем! – в притворном страхе закричал я, тараща глаза и кружа Лиду.

– Навес! Побежали под навес!

Ветер уже не свистел, а ревел, швыряя нам в лицо прошлогоднюю листву.

– Вон туда, побежали! – завопила Лида.

Мы спрятались под каким-то козырьком.

– А правда, здорово! – Лида тяжело дышала, челка ее намочила, лицо раскраснелось, глаза блестели. Неотразима. Просто неотразима!

Стена дождя закрыла нас от всего остального мира, словно занавесом. Лида прижалась ко мне, прошептала:

– Мы как после кораблекрушения!

– Ну да... Только мы те, которые спаслись, – так же шепотом ответил я.

– А что если бы мы, в самом деле, оказались с тобой на острове?

– Ага, – кивнул я, пытаюсь разглядеть в небе просвет.

– Необитаемом.

– «Ага», «необитаемом»! – передразнила Лида. – А людоеды здесь есть?

– Людоеды остались в Москве, – на полном серьезе ответил я.

– Вот бы они нас никогда больше не нашли, – мечтательно протянула Лида. – И не смей возражать.

– Даже не подумаю.

Я поцеловал ее.

– Перестань, Игорь! Нас могут увидеть, – смутилась Лида.

– И пусть видят. Что здесь такого?

– А то, что это несолидно, – рассудительно пояснила она. – Вдруг кто-нибудь с твоего комбината увидит? Ты не боишься?

– Только тебя.

– Еще бы! – гордо усмехнулась она. – Я же Михайлова. И поэтому я с тобой. А сейчас знаешь что? Побежали обратно!

– Нет, – спокойно ответил я. – Давай постоим тут, пока не пройдет.

– Игорь! Пошли под дождь! Я хочу, чтобы мы выросли как грибы!

– Мне вовсе не хочется расти как гриб! – я рассмеялся. – Да ну, Лидочка. Промокнем, простудимся, заболеем.

– Ты давно таким осторожным стал?

Дождь полил еще сильнее. Будто старался смыть наши проблемы, страхи, опасения, былые обиды. Где-то вдалеке светило солнце, радуга протянулась от одного конца города до другого, а прямо над нами молотили холодные злые струи.

– Мне холодно, – Лида поежилась.

Я набросил ей на плечи пиджак. Она закуталась в него, замерла. Я обнял ее, не удержался, поцеловал.

– Я же сказала, мне холодно, а не одиноко. Перестань, люди увидят!

– И пусть! Или ты мне не жена?

Дождь прекратился внезапно, будто и не было его вообще.

– Ладно, пошли! – скомандовал я и протянул руку.

– Хочешь узнать самую главную тайну? – Лида шла передо мной, то и дело оборачиваясь, словно проверяя, не унесло ли меня. – Хочешь?

– Какую тайну?

– Это глупо, но сейчас я думаю, как же здорово, что мы здесь оказались.

– Да ты что? Я почти без работы...

– Ну, работа у тебя есть, – отозвалась Лида, – просто тебе повезло, что мы с мальчиками приехали.

– Наверное!

– А я знаю, что надо делать, чтобы согреться! – закричала Лида вдруг. – Побежали!

И она помчалась вперед.

– Лидочка! Стой!

– Не стой, а побежали!

Она схватила мою руку и почти потащила за собой.

По пути попался какой-то магазинчик. На террасе стояли люди, смотрели на нас, о чем-то переговаривались. Лида озорно взглянула на меня и махнула рукой в их сторону:

– Хочешь, я покажу им язык?

– Что?!

– Язык! Чтобы на нас не глазели!

– Да кто на нас смотрит?! Это просто алкаши, – я сделал строгое лицо. – Послушайте, Лидия Ильинична! Давайте без крайностей. Городок небольшой.

– А я хочу крайности! У меня, может быть, душа поет. Ты же давно не видел меня такой вот – она развела руками – счастливой. Все время в каких-то заботах. Или готовлю, или стираю, или жду тебя, скучаю. А тут – ты со мной! Понимаешь! И я – другая. Ясно? Пусть им будет завидно! Пусть увидят, как я тебя люблю! Так показать язык?

– А если жалобу напишут? – совершенно серьезно спросил я. Мы оба захохотали.

Потеплело. Подступали сумерки.

– Спасибо тебе, вечер, – крикнула вдруг Лида, вознося руки к небу, словно в молитве, – спасибо тебе, дождь, спасибо тебе, ветер!

CLI

Не подскажите, где тут кабинет директора?

– Направо и по лестнице на третий этаж.

Вахтер равнодушно смерил меня взглядом и махнул рукой вверх.

– Спасибо.

Я вошел в приемную.

– Добрый день. Моя фамилия Бабаев. Я к Зелимханову, вам должны были звонить.

– Да-да. Присядьте пока. Придется немного подождать – идет совещание.

Вот не везет-то.

– Это надолго?

– По-разному, – улыбнулась девушка. – Но уже долго сидят, значит, скоро закончат.

– Понятно.

Я начал ждать. Часы мерно отстукивали время. За окнами слышались отрывистые окрики и грохот – похоже, разгружали какие-то тяжести.

Наконец дверь директорского кабинета распахнулась, оттуда повалили разгоряченные люди, оживленно что-то обсуждая.

Секретарь повернулась ко мне:

– Проходите, пожалуйста.

Зелимханов встретил меня по-братски – явно был обо мне наслышан. Скороговоркой извинился, что не сразу принял, хотя я даже не успел начать нервничать. Настоящий кавказский тип, с характерным огромным носом, джигит – даже как-то странно было видеть его сидящим на стуле, а не верхом на коне. Надо полагать, совсем не прост. Ну ладно, поиграем.

– Я – Игорь Бабаев.

Зелимханов широко улыбнулся.

– Я знаю. Мне Кожаев звонил. Чем могу быть полезен?

– Все просто, – начал я, – нам надо немного освежить комбинат.

– Бумаги на капремонт уже давно лежат в управлении, – он грустно посмотрел на меня. – А вот с одобрением – загвоздка. Все лимиты, что были, вам выделили. Люди работают.

– Я понимаю, что работают, и вижу, как работают. Пока они на повременке, мы будем лепить ерунду еще несколько лет. Я предлагаю сделать так: вы даете нам еще людей, и мы будем платить им по факту выполненных работ. Сколько сделали – столько получили. Мне нужна качественная и быстрая работа. Сможем так договориться?

Зелимханов наклонил голову и глянул на меня исподлобья.

– Ну хорошо.

– Что хорошо?

– Вы меня убедили.

Я ушам не верил.

Он одобрительно посмотрел на меня.

– А вы дельный человек, Игорь Алексеевич. Я слышал много о вас и теперь понимаю почему, – улыбнулся он.

«Все-таки живые деньги способны творить чудеса», – подумал я. И пыль стряхнем, и жизнь вдохнем.

CLII

Сметчик, как и обещал Зелимханов, разыскал меня на следующий день.

– Я составлю смету по работам, ее надо будет подписать.

– Документы на подпись директору Кожаеву можете передать. Я его информировал обо всем.

– Договорились.

CLIII

Маклер, которого мне посоветовал Умат, все молчал. Два или три раза я ему звонил, спрашивал, как дела. Он уныло разводил руками: никто не откликается на объявления. Меня это начало порядком напрягать.

– Умат, а этот твой парень надежный? – как-то не выдержал я.

– Конечно, Игорь, вне сомнений!

– Так что же он молчит?

– Он боится тебе сказать.

– Что?

– Что вариантов быть не может.

– Это почему же? Совсем, что ли?

– Понимаешь ли, в чем дело... Нальчик – это кавказский бриллиант. Ну кому нужна твоя станица в степи?! Нет, Игорь! Не получится обмен.

Я покачал головой. Похоже, я здесь либо надолго застряну, либо сорвусь к чертовой бабушке уже завтра. Но со строгим выговором срываться нельзя. Выхода не было. Черт с ним! Проживем!

CLIV

Что ты? – я присел на край дивана рядом с Лидой. – Что-то случилось? С Женой?

– Сплюнь!

– У тебя такой таинственный вид, будто что-то скрываешь.

– Ничего я не скрываю. Просто подумала, что уже забывала, когда мы вот так...

– Как?

– Да вот так! Ты каждый вечер дома. С детьми общаешься. В обед – снова дома. Я действительно от этого отвыкла. Это такое счастье, Игорь! Я даже тайком иногда слезу роняю, как дура! Кто бы мог подумать! Нас всего лишили, а мы – счастливы.

– Я тут ни при чем, – растерянно сказал я.

– Нет, при чем! Все очень просто.

Лида улыбнулась.

– Сказал бы мне кто-нибудь месяц назад, что я буду счастлива, убежав из Армавира...

Она встала, подошла к окну. На горизонте темнела горная гряда. Лида вернулась, села рядом. Я изучающе смотрел на нее.

– Ты ведь не очень здесь устаешь?

– С ума сошел? Мне это, – она обвела взглядом нашу убогую комнатенку, – в радость.

И замолчала.

– Я тебя такой не помню.

– А я тебя – таким.

Мы рассмеялись.

Лида снова вскочила, сбегала к детям, проверила, как они, и вернулась обратно. Села рядом со мной, поджав под себя ноги.

– Как у Сережи с подготовкой к школе? – спросил я, дотрагиваясь до ее локона.

– Учимся карандаш держать правильно. Ты что смеешься?

– Просто...

– У тебя смех изменился, – заметила Лида.

– Это как?

– Вот так. Ты смеешься смехом счастливого человека.

– Да ладно!

– На самом деле, Игорь. Словно все передраги у нас позади.

– Знаешь, – признался я, – я тут поймал себя на мысли, что в этих двух комнатухах ты тоже выглядишь счастливее, чем в нашей армавирской квартире.

– Тебя это удивляет?

– Отчасти.

Лида усмехнулась.

– Кто бы мог подумать.

– А в чем секрет?

– Не догадываешься? – прищурилась она.

Я принялся гадать:

– Чаше бываю дома? Ко мне никто не рвется на прием, не пытается познакомиться? Я стал незаметен, Лидочка! И поэтому ты счастлива?

Лида ничего не ответила. В комнату вошел Сережа. Я подхватил его на руки, поцеловал, закружил.

– Ну что, ученик? Пойдем гулять?

Я встал и пошел в переднюю одеваться. Сережа помчался за мной. Хотел показать мне, какие буквы он выучил.

– Придем из парка, обязательно посмотрю твои буквы, – пообещал я.

CLV

В парке Женя ткнул пальчиком в белый паровозик, который, натужно пыхтя, тащил за собой три ярко-синих вагона.

– Ту-ту!

– Поезд, – поправила Лида.

– Да ладно тебе. Что ты их все время поправляешь?

– Игорь, надо, чтобы дети сразу учились говорить грамотно. Я книжку читала. Педагоги пишут, что правильно поставленная речь – залог быстрого развития.

– Не переживай. Жене еще рано говорить, как Цицерону.

– Вот ты не прав!

– Ты – заботливая мамочка, – я положил руку на Лидино плечо.

За кронами деревьев виднелось футбольное поле. Вспомнилось детство, дядя Алик, который учил нас забивать голы. Неудержимо захотелось погонять мяч.

– А ну, ребята!

Я раздобыл какой-то потрепанный мяч и начал тренировку. Удар, и мяч летит прямо в штангу. Еще попытка – гол!

– Сережа, твоя очередь! Давай. С разбегу.

Сережа стал бить по мячу. Я ловил, перехватывал, показывал, как надо идти, не боясь, навстречу, как обводить. Мы с криками и хохотом бегали по полю, пока не выдохлись.

– Ну что, получатся из них футболисты? – спросил я Лиду, которая внимательно наблюдала за игрой.

Лида засмеялась.

– Ага, уже почти Пеле. Набегались, спортсмены? Пошли переодеваться.

CLVI

Когда дети отдышались, Сережа спросил:

– А теперь что?

– Мороженое?

– Мороженое! – хором закричали дети.

– Тогда пошли!

В кафе, спрятанном в тени платанов, автомат выдавливал в стаканчики тяжелую, искрящуюся на солнце массу с волшебным запахом ванили.

Мы ели мороженое, зубы ломило от холода. Дети были счастливы.

– Ты палочку не грызи, – всполошилась Лида, выхватывая у Жени щепки. – Она же деревянная. Не для еды.

Она посмотрела на меня:

– О чем ты думаешь?

– О твоих словах, что, потеряв почти все, мы обрели еще больше.

– Может, у нас и правда медовый месяц? – она коснулась щекой моего плеча.

– Тогда уж медовый год.

– Год?

– Я думаю, мы здесь только до конца этого года.

– А как же школа? Сереже в первый класс в этом году!

– Переведем! Тут уж ничего не поделаешь. Оставаться надолго в этой дыре? Лидочка! Я засохну! Здесь развернуться негде.

– Скучаешь по своему монстру?

– Не то что скучаю. Просто знаю, что должен руководить производством совсем других масштабов.

– А что с обменом?

– Да, похоже, не получится.

Лида вздохнула.

CLVII

Я смотрел, как разгружают кирпич, когда ко мне подбежала секретарша Умат:

– Игорь Алексеевич, директор хочет вас видеть.

– Да только же виделись. Скажите, сейчас буду.

Я перекинулся парой слов с бригадиром и направился в кабинет.

– Умат?

– Игорь, закрой дверь.

Умат вышел из-за стола, руки его дрожали.

– Игорь, я, конечно, все понимаю, у тебя колоссальный опыт, но тут мне принесли смету и еще вот это, – он положил передо мной бумагу, где я расписал траты на сверхурочные работы. – Это от тебя?

– Ну конечно, как и договаривались.

– Игорь, я понимаю, у тебя в Армавире было все гораздо круче, но и ты пойми – у нас тут свои условия, мы так не можем работать.

– Как «так»?

– Ну вот! – он ткнул в листок с расчетами. – Мы же это должны оплачивать из своего кармана?

– Конечно.

– Игорь, но как я объясню людям, что каменщики

работают по тройной ставке?! У нас так не принято. Да и непонятно это как-то – свои кровные тратить на государственное, по сути, дело...

– Умат, пойми, если мы им будем платить те копейки, что предусмотрены госрасценками, то никогда ничего не сделаем. Нельзя ездить на нищих людях. Ну не выходит так! А вот когда они получают хорошие бабки, они работают до седьмого пота. Пойдем, покажу!

– Не кипятись, Игорь! Ты правильно все говоришь, но деньги, что требуются, они – большие... Как это все объяснить, если вдруг инспекция, проверка?

– Послушай меня, Умат. Да пусть они идут ко всем чертям. У тебя договор с управлением, тут такие объемы, что черт ногу сломит!

Я с яростью смотрел на него.

– Ну хорошо, хорошо!

Он сбавил обороты.

– Я тебе поверю. Но ты тоже должен меня понять. То, что ты предлагаешь, это такие расходы...

– Не переживай, скоро ты свои владения не узнаешь. А на расходы не смотри. Вложения окупятся.

CLVIII

Умат, что с тобой, родной, али красавица какая обидела? – засмеялся я, входя в кабинет.

Я был в приподнятом настроении, так что его натянутая улыбка особенно бросилась в глаза.

– Ой, не знаю, что делать, Игорь... – запричитал Умат. Глаза его, казалось, вот-вот выскочат из орбит, брови скорбно поднялись домиком – того гляди расплачется. Таким я его еще не видел.

– Рассказывай, что приключилось?

Умат тяжело вздохнул.

– Только что позвонили ребята мои, сказали, нашего парня взяли. Сидит в КПЗ.

– Где?

– КПЗ. Камера предварительного заключения. Знаешь такую?

Я потер висок. Вопросы, за что его взяли, у меня даже не возникло.

– Что за парень?

Лицо Умата стало непроницаемым.

– Да-а... – он махнул рукой куда-то в сторону, – заготовитель наш.

– Давай с этого места поподробнее. Ты с ним дела какие-то имел?

– Да какие дела, Игорь?! – Умат всплеснул руками, оскорбленно посмотрел на меня, словно не ожидая такого вопроса. – Он нам поставки делал! Это его работа такая!

– Умат, я же говорил: я не работаю в ОБХСС. Мне ты можешь сказать все как есть. Зачем эта лапша? – я перешел на доверительный тон. – Речь ведь не о заготовителе. Я же понимаю. О тебе.

Умат смотрел в пол, не поднимая глаз.

– Я же вижу, как ты живешь, – мягко дотронулся я до его локтя. – Даже если продать весь твой сад и приплюсовать директорскую зарплату, – это невозможно.

Умат оскорбленно поднял на меня свои кристально ясные глаза.

– Игорь, разве это жизнь? Какая зарплата? У меня – одна тяжелая работа, этот огромный сад. Он больше, чем ты думаешь. Яблоки – муа! – он поцеловал воздух перед собой. – Пальчики оближешь! Нигде таких не сыщешь! Ты думаешь, я тонну сдаю в сезон? Я по три тонны в сезон делаю! Хорошие деньги получаю!

– Дорогой, не надо мне рассказывать байки. Я же прекрасно вижу. Твои ребята на комбинате отлично знают свое

дело. Могут наперед сделать деньги! Ты мне скажи, как лично ты был связан с заготовителем. Он передавал тебе деньги?

Умат вздохнул и поник. Уселся обратно в кресло. От его красноречия не осталось и следа.

– Да какие деньги, Игорек? Мне они не нужны. Его деньги были в тех, что на Ростов пошли, когда материал ты выбивал, – он смотрел на меня, ища сочувствия.

– То есть он тоже был в доле?

– Ну да, – взгляд Умата стал совсем стеклянным.

– Значит так: собирай всех. Как хотите, что хотите делайте – но вытаскивайте этого парня из кутузки.

– Как?!

– Умат! Неважно, дал ты 5 рублей или 500 – это взятка. Если ты принимал от него деньги и его сейчас закрыли, то под ударом ты. И неважно, на какие яблоки ты живешь. Пока он там не разговорился – вытаскивайте!

Умат несколько секунд молча смотрел на меня, словно видел впервые, потом заговорил совсем другим тоном:

– Игорек, я тебя услышал, – он схватил трубку телефона и выразительно посмотрел на меня.

Я молча кивнул, мол, все понимаю, деликатные переговоры, и, усмехаясь про себя, вышел из кабинета.

CLIX

Луч утреннего солнца резанул по глазам. Я вскочил.

– Дети!

– Ты что, Игорь! – сонно потянулась Лида. – Детей разбудишь, – она зевнула.

– Ты посмотри, какая погода!

Лида с трудом поднялась. Взглянула в окно. Потом пошлепала к плитке. Через пять минут там уже что-то жарилось, скворчало, по комнате поплыли дразнящие ароматы. Настенные часы пробили очередной час.

– Завтрак готов! – позвала Лида.

Мы уселись вокруг стола.

– Значит, так, ребята. Сейчас поедem кататься на лыжах, – объявил я.

Мальчишки непонимающе уставились на меня. Лида тоже смотрела удивленно. Какие еще лыжи? За окнами безумствовало лето.

Я кивнул в ответ на их немой вопрос. Ничего я не перепутал! Да, представьте – в этих местах бывает и такое. Летнее солнце, лыжи и снег.

– Сегодня выходной, – объявил я. – Целый день катаемся на лыжах.

– Ура! – повскакали со стульев мальчишки.

– Я хочу! – закричал Сережа.

– Я тоже! – эхом подхватил Женечка.

Лида засмеялась:

– Мальчики, тише! Я вас не узнаю.

– Папа! – Сережа подбежал, повис у меня на шее, следом – Женя. Сколько раз он любовался Сережиным лыжным костюмом, как отчаянно завидовал брату! А теперь у него будет такой же!

Разве не ради этого мы живем?

– А дядя Леня будет? – спросил Сережа, в точности копируя мои интонации, когда я заговаривал о Тягачеве.

– Нет. Мы одни будем.

– Кто такой дядя Леня? – начал допытываться Женечка.

– Папин друг, – объяснила Лида. – Он Сережу научил стоять на лыжах. А тебя папа научит.

– Он не умеет, – дразня брата, отозвался Сережа.

Женечка нахмурился. Ресницы предательски задрожали.

– Не волнуйся. Папа научит, – мягко повторила Лида, целуя Женечку в лоб, и посмотрела в мою сторону. – Правда, папа? Научишь?

Я подхватил Женю на руки.

– А то как же? Конечно, научу.

– Дядя Леня меня первым научил кататься, – не сдавался Сережа.

Лида засмеялась:

– Ну конечно, тебя. Ты же старший. Теперь Жене пришел черед учиться.

CLX

Яшел по новому, сияющему чистотой цеху. Это было похоже на чудо.

– Слушайте, – я подозвал технолога, – тут надо все, понимаете – ВСЕ! – переделать.

Я начал объяснять, как и что нужно изменить, чтобы наладить технологический процесс по-новому.

Технолог удивленно смотрел на меня:

– Вообще-то, Игорь Алексеевич, такие распоряжения должен давать директор.

– Пошли к директору!

Я буквально втащил технолога в кабинет Умата.

– Вот, смотри, – закричал я с порога. – Он не хочет работать.

Умат испуганно посмотрел на меня.

– Игорь, успокойся. Что не так?!

– Они не хотят работать, – почти выкрикнул я.

– Постой! А что надо делать?

Я повторил то, что говорил раньше технологу.

– Вы все поняли? Вы это услышали? – обратился к технологу Умат.

Тот кивнул.

– Идите, выполняйте.

– Игорь, ты понимаешь, люди говорят, что это ты управляешь этим комбинатом. Не я.

– Умат, слушай их больше.

– Нет, Игорь. Я со стороны наблюдаю. Но я все-таки думаю...

Я оборвал его.

– Уматик, родной! Не надо ничего думать, я – твой человек.

CLXI

Подходил к концу ремонт холодильника. Я вместе с технологом проверял, что получилось.

– Тут же изоляции положили сверх нормы! – не выдержал я. – Вы что делаете?

– Да я смотрел, как они ее укладывали, – начал мямлить технолог.

– Прекратите! В ваших условиях я бы лучше генератор какой-нибудь списанный прикупил. Для подстраховки.

– Игорь Алексеевич! У нас длительных отключений не бывает. Мы на особом режиме.

– А при полной загрузке холодильник температуру держит? Вы проверяли?

Технолог полез в бумаги.

– Нет, холодильник пуст.

Я подумал, что он надо мной смеется.

– Как? Недавно завоз же был! Хотели посмотреть работу при полной загрузке. А ну, открывайте!

Технолог стал бледен как полотно.

– Да успеем еще, Игорь Алексеевич, забить.

– Открывайте.

Он нехотя открыл тяжеленные двери. Я остолбенел. Камера была пуста.

– А где мясо?

– Ну это вы уж у директора спросите. Мне что сказали, то я и отгрузил, – огрызнулся технолог.

– Да вы что, с ума посходили?!

CLXII

Когда я ворвался к нему в кабинет, Умат беседовал со своим заместителем. Меня колотило от ярости. На политес терпения не хватило. Я практически оборвал директора. Умат испуганно на меня уставился.

– Игорь, что стряслось?

– Умат, я чего-то не понимаю... Нам отгрузили 80 тонн мяса. Я думал, мы полностью забили холодильник! А есть только две трети. Где остальное?

– Игорь, ты не волнуйся.

Он усадил меня в кресло. Глаза его забегали.

– Я же говорил: у нас тут своя система.

– Не понимаю.

– Игорь, не беспокойся. Мы все потом перекроем. Этот ремонт такой затратный... Нам нужно как-то компенсировать издержки.

– Вы с ума сошли!

Я вскочил.

– Что не так?

– Вы ж на четыре месяца вперед мяса стырили!

Глаза Умата стали кристально честными.

– Игорь, я этим негодьям покажу!

– Слушай, покажу не покажу – собирай всех и давай команду, чтобы немедленно производили колбасу из субпродуктов, чтобы в течение трех месяцев перекрыли недостачу.

А этим негодьям скажи, чтобы не прикасались больше, черт, к этому мясу!

– Игорь, не переживай! – зачастил Умат. – Клянусь честью, я ничего не знаю. Может, чаю или чего покрепче?

– Знаешь ты или не знаешь, Умат, тебе отвечать.

Умат стоял бледный как полотно.

– Никакой опасности нет, Игорь!

Ну что ты будешь делать! Сжав зубы, я пробормотал:

– Я тебе все сказал.
И выскочил из кабинета.
На пороге меня окликнула секретарша:
– Игорь Алексеевич, тут на ваше имя телеграмма поступила, «молния».
Она передала мне бланк. Я развернул лист и прочитал:
«Есть новости. Позвони. Семен».

CLXIII

В кабинете я набрал номер Арии.
– Семен, Игорь Бабаев.
– Игорь, есть новости по отцу. Ты можешь приехать в Москву?
– В Москву? Пару дней хватит?
– Да, вполне.
– Хорошо, завтра буду.
Я тут же набрал Исай.
– Исай, ты на месте?
– А где мне быть?
– Слушай. Прилетай срочно в Москву. Семен вызвал.
– Понял. Буду завтра.
– До встречи.
Я бросил трубку, перевел дух.

CLXIV

Дверь открыла заплаканная Валя.
– Валя, прекрати. Что случилось?
– Не знаю. Твой адвокат звонил. Напугал меня.
– Он что-нибудь сказал?
– Нет.
– Так чего реветь?
– Все так неопределенно!

Она зябко повела плечами, кутаясь в шаль.

– Ладно! Дай перекусить. И успокойся.

– Все уже на столе. Как дети, как Лида?

– Да все нормально. Женя уже говорит. Все при деле.

– Какое счастье. А ты сам? Устроился?

– А-а-а-а, – я махнул рукой, – обустроились кое-как...

Я накинул пальто, вышел на балкон. С высоты открывался потрясающий вид на Москву. Сияющий великолепный закат. Тучи, сырость, мозглятина – все вдруг куда-то подевалось. Воздух казался удивительно прозрачным и чистым.

Ну что ж. Страшнее того, что уже случилось, не будет. Остается надеяться, что это просто обычные рутинные дела, не более того.

Мы тоже не лыком шиты, не шилом бреемся, дорогие господа следователи! А вот когда все это закончится, тогда мы и улыбнемся!

CLXV

Исай появился на пороге с огромными сумками и парой кулков темно-красной черешни.

– Прямо с рынка. Кушайте, такой здесь не найдете.

Он свалил кули на стол и достал из портфеля темную бутылку.

– «Наири»! Рекомендую! Мне целый ящик притаранили. Специально для нас бутылочку захватил.

Он захохотал, плюхнулся в кресло.

– Как Слава?

– Сидит у себя в Тихорецке. Ждет неизвестно чего. Хорошо хоть, с больницей все уладил.

– Передай от меня, пусть сидит тихо, особо не высывается. На всякий случай.

– Думаешь?

– Береженого бог бережет! Надейся на лучшее – готовься к худшему.

Я согласно кивнул.

– У тебя как? Освоился с Нальчиком?

– Исай, ты не представляешь, до какой степени там все прогнило. Чтобы вот так, внаглую, украсть мясо в счет будущих сверхдоходов! Крадут безбожно. По-моему, они там все повязаны.

Исай захихикал.

CLXVI

Семен принимал нас у себя дома.

Я молча ждал, когда он заведет речь о деле, а он все говорил и говорил о чем-то совершенно постороннем, пока вдруг безо всякого перехода не произнес безразличным тоном:

– В отношении отца начались новые следственные действия. На этот раз в связи с делом Бровина.

– Что?!

– Это можно было предполагать. Следствие раскручивает эпизод с дачей взятки Бровину. Надеюсь, понятно, почему к нему такое внимание?

Я тяжело вздохнул.

– И какие перспективы?

– Не радужные. Ему грозит статья, по которой максимум – пятнадцать лет. Сам знаешь. Больше наказание поглощает меньшее. Если ему дадут любой срок больше 10 лет – значит, сидеть придется дольше.

– Я не понял, снова суд?!

– Да!

Я с ужасом посмотрел на Исай.

– Единственно возможный инструмент – это чистосердечное признание, – тяжело вздохнув, произнес Ария. –

Но ваш отец будет все отрицать. Игорь, я должен честно предупредить, боюсь, на этот раз дело может окончиться еще плачевней.

– Известно, что они смогли накопать?

– Есть показания трех человек: директора грозненского комбината, Бровина и Зинякова – начальника отца. Так что признание отца теперь важно только для него самого.

– То есть обвинение не отбить?

– Нет. Если три человека говорят, что Алексей передал деньги Бровину, значит это доказанный случай.

– И что делать?

– Только пытаться повлиять на вашего отца. Если ему дорога собственная свобода. Но боюсь, что он все для себя решил.

Я непонимающе смотрел на адвоката. Мне не хотелось заканчивать разговор на такой ноте.

– Я ни на минуту не сомневаюсь, что у него есть свои соображения на этот счет.

– Охотно верю. Однако это грозит увеличением срока.

Исай всплеснул руками:

– Семен, вы же опытный психолог. Постарайтесь убедить Лешу! Скажите ему – это мнение Исаея и Игоря: пусть не нарываемся...

– Когда суд? – спросил я почти безучастно.

– Думаю, до конца месяца. Но дату еще не назначили.

Исай вывел меня из задумчивости. Он вскочил, умоляюще схватил адвоката за рукав, словно тот ему в чем-то прямо сейчас отказал.

– Семен, я прошу вас, передайте Леше – личная просьба моя и Игоря – пусть не гневит суд! Пусть признает хоть этот эпизод, раз вариантов нет. Рисковать нельзя. Скажите – Исай велел!

Он произнес это яростно, убежденно, отчаянно – как последний аргумент.

CLXVII

На следующий день я простился с Исаем в аэропорту. Мой путь лежал в Минводы. В полете меня охватила жуткая тоска. Новая история с отцом выбила из колеи. Уж больно кружной получался у него путь. Только покажется, что черная полоса позади, как все снова идет прахом.

Вечная моя, неизменная спасительная соломинка – воспоминания. Перед глазами встали лица Женечки и Сережи. Почему-то всплыло в памяти, как Гена в детстве боялся нашего отца. Когда он обращался к Генке, у того начинали дрожать губы. К чему это я? Не успел понять, провалился в сон. Вернул меня к действительности голос стюардессы:

– Самолет идет на посадку, пристегните ремни.

CLXVIII

Лестница нашего дома на Катыхина заскрипела, и в комнату вошел Слава. Я вздрогнул от неожиданности.

– Славка, ты меня напугал.

– Игорь!

Брат обнял меня:

– Как это ты так незаметно пробрался?

– Да уж, как видишь, проморгал ты меня. Гулять ходил?

Я оторвался от сумки с продуктами, которую бухнул на стол. Славка стал помогать мне вынимать содержимое, раскладывать, разбирать.

– Да, прогуливался, – эхом отозвался Слава.

Выглядел он теперь молодцом. В красной спортивной футболке, синих адидасовских штанах. Только ввалившиеся глаза, нездорово поблескивая, напоминали о том, что он пережил.

Он слегка шепелявил, словно нормальная речь возвращалась к нему с трудом, но в остальном был уже почти прежним Славкой.

То ли от того, что здорово раздобрел, то ли еще от чего, но ходил он теперь неровной походкой, сначала выставляя правую ногу, потом вскидывая голову и подтягивая левую. И когда смеялся, было заметно, что не все мышцы лица его слушаются.

– Новости знаешь? – спросил он, чуть гундося.

– Какие?

– Мне передали, что мое дело, похоже, переехало в архив.

– Кто принес?

– Павленко. У него в тихорецкой прокуратуре свои люди.

– Славка! – я замер. – Так, значит, все? Уверен?

– Павленко говорит, наверняка.

– Так, и когда ты домой?

– Ты знаешь, – Слава замялся, – я не хочу назад возвращаться. Решил здесь осесть. Семью перевезу.

На секунду он вскинул свои выцветшие глаза и отвернулся. Покачал головой. Снова кротко взглянул на меня и тихо, но отчетливо и твердо произнес:

– Если честно, боюсь я туда.

– В общем-то, это нормально, Слав. Жена, наверное, тоже страдает. Поди, соскучилась. Здесь тоже развернуться можно.

– Конечно! Дом куплю, дело начну. В общем... А давай попьем чайку? Помогает от грустных дум. А твои дела как? Разделался с ними?

– Еще нет, Слав, – с тоской в голосе произнес я. – Они меня только завтраками кормят, что выговор вот-вот снимут. Ну я и жду. А как снимут, семью в охапку – и ходу. Я теперь этого горкома, как получку, жду!

Я помолчал.

– А где Хаво?

– На рынке. А что?

– Не хотел при ней говорить.

Слава насторожился.

– Что случилось?

– Отца ждет новый суд.

– По какому делу?

– Старое дело. Назначение какого-то парня в Чечне.

Теперь и до него докопались.

– Но ведь он уже осужденный..

Я развел руками.

– Когда они его оставят в покое?

– Не знаю, Слав.

– Только не говори об этом Хаво!

– Конечно, нет.

Я вдруг понял, что если дождусь ее прихода, то она все поймет. Прочитает в моих глазах, и соврать ей я не сумею. Решение созрело мгновенно.

– Слав, я поеду.

– Что? Даже на обед не останешься?

– Ехать надо, Слав. Сейчас все как на вулкане.

CLXIX

Так, у меня для вас кое-что есть! – крикнул я мальчишкам, доставая из сумки завернутые в бумагу коробки. Сыновья бросились ко мне.

Наверное, в этот момент я был в их глазах настоящим волшебником. Что ж, попробую не разочаровать. Я вытащил зеленый сверток с какими-то немыслимыми наклейками.

– Это Сереже!

И тут же, не давая опомниться, – красный.

– А это Жене!

Ребята схватили игрушки, принялись рвать упаковку.

– Ты когда успел?

В проеме двери возникла Лида.

– Был в новом «Детском мире». Это нечто. Надо обязательно вместе с мальчиками туда сходить.

– Мама, мама, посмотри! Луноход!

Сережа прыгнул к Лиде на колени, потрясая диковинной игрушкой.

– А у тебя что?

– Ракета! Смотри, какая большая!

Сережа поднес к самым глазам Лиды настоящее чудо из пластмассы.

Я не выдержал, схватил Сережку и Женьку на руки, закрутил в диком пьянящем вихре. Женя принялся стучать меня по плечам, Сережа – молотить ногами, требуя отпустить. Так захотелось повозиться с моими мальчишками на ковре, побороться, подурачиться, забыть обо всем!

Лида встала, собираясь идти на кухню.

– Лидочка, ты куда? – я отпустил мальчишек. – Про тебя тоже не забыли. Это тебе.

Я протянул ей маленький блестящий сверток.

– Тоже из «Детского мира»?

– Увы, из двухсотой секции ГУМа.

CLXX

Работа на комбинате кипела. Цеха постепенно менялись. Я принимал работу каменщиков.

– Игорь, тебя там по телефону спрашивают. Какой-то Ария.

– Где?

– В приемной...

Я бросил все, полетел в административный корпус.

– Алло!

– Игорь?

В трубке что-то трещало, шумело, голос Семена был едва различим.

– Да, да!

– Игорь, вчера был суд. Отцу безумно повезло! Я сам не могу в это поверить, но срок не увеличился. Это при его-то отрицании всякой своей вины, что меня, конечно, удивляет. Но, слава богу, все – пролетело.

Я замер.

– Семен! Это чудо!

– Как ни называй – это свершившийся факт.

Червь любопытства шевельнулся во мне.

– А остальным?

– Бровину двенадцать лет, Зинякову – восемь.

– Понял. Спасибо!

Я положил трубку и выдохнул. Не терпелось обрадовать Ися.

CLXXI

Та первая школьная осень в Нальчике выдалась на славу. Зелень еще не утратила сочности, но слегка поблекла. Зато небо... Небо было чистейшее, торжественно прозрачное, лазоревое – тоже, казалось, праздничное, соответствующее такому важному дню – началу нового этапа в жизни нашего старшего сына.

Школьный двор был небольшой. Везде царили шум и неразбериха. Мелькали незнакомые лица. Я вдруг сообразил, что почти не помню свой первый класс – только цветы, какие-то общие картины. Букеты, которые мы несли первой учительнице. Непременные гладиолусы. Интересно, изменилось ли что-то с тех пор?

Школа, куда мы определили Сережу, считалась элитной, а классная руководительница – одной из лучших.

Я всматривался в лица родителей. Некоторых я знал по комбинатской Доске почета, других видел в приемной перед дверью Умата, третьих – просто на улицах города. Новых лиц было раз-два и обчелся.

Почему-то никто мне не нравился – ни ухоженный молодой папаша в широкополой, словно из вестерна, дурацкой шляпе, держащий за руки двух мальчиков-близняшек, ни пожилая дама с двойным подбородком, бабушка девочки-переростка, ни стоящий рядом с ней солидный товарищ, все время кого-то приветствовавший энергичными кивками и что-то шепчущий на ухо своей дочке, ни еще один – тоже, по всей видимости, «непростой», с палочкой, за которую держалась то ли девочка, то ли мальчик. На вид ребенку было уже лет тринадцать, и я не мог понять, что он делает в первом классе.

Взрослые и дети толпились на школьном дворе. Сверху, с парадного крыльца школы, за ними, как коршуны, наблюдали три дамы: директриса, завуч и еще какая-то третья, похожая на ведьму. Все в черном, с портфелями в руках. Из учителей выделялась одна – совсем юная, в очках, с восточным разрезом глаз и аккуратным носиком-клювиком, как у птички. Она стояла чуть в стороне, словно кого-то поджидая, и постоянно оглядывалась по сторонам.

В выстроившихся в шеренгу педагогах было что-то неуловимо общее. Может быть, профессиональная серьезность, а может, гипнотический взгляд строгих глаз из-под неизменных очков.

От бесконечной круговерти рябило в глазах. Где какой класс – непонятно. А самое главное, где та черта, переступив которую мой сын станет другим человеком – первоклассником?

Ощущение переломного момента, чего-то значительно, судьбоносного волей-неволей заставляло волноваться.

– Построиться по классам! – прозвучала команда.

Все зашевелились. К группке детишек, где стоял наш Сережа, подошла та самая учительница – молоденькая, с носиком-клювиком. Так вот, значит, их первый классный руководитель! Почему-то стало легко на сердце.

Директор школы откашлялась, взяла в руки мегафон.
– Дорогие дети!

Дальше я уже не слушал. Смотрел, как Сережу берет за руку девочка с огромными бантами, как дети выстроились в нестройную шеренгу и замерли – почти все с несо-размерно большими портфелями. Что-то похожее на умиление сжало мне сердце.

Физрук дал первый звонок. В воздух полетели шары. Сережа оглянулся, ища нас с Лидой. Мы помахали ему.

Классная руководительница взмахнула рукой, и дети парами двинулись за ней сначала по двору, потом на крыльцо и дальше через распахнутые двери в темноту школьного коридора.

Мы с Лидой смотрели вслед сыну. Давай, мальчик, иди. Большая жизнь только начинается. А я постараюсь сделать так, чтобы ты не повторял моих ошибок. Чтобы все двери мира перед тобой были открыты.

CLXXII

Ранним пятничным утром я ехал из Нальчика в Ставрополь. Низкие облака нависали над дорогой. Зря я не взял зонт. Вдалеке громыхнуло. И снова выглянуло солнце. «Точно, как наша жизнь, – подумал я. – То грохочет, то гладит. Наверное, так и надо».

Вдалеке показалось здание ставропольского мясного объединения. В приемной, как всегда, толклись директора мясокомбинатов.

Гущин встретил тепло.
– Игорек!

- Здравствуй, Витек!
- Хорошо выглядишь! Я смотрю, на югах-то неплохо?
- Ну, знаешь, для меня это все-таки ссылка.

Виктор хохотнул.

- Декабрист прямо!
- Да ладно тебе.
- Понимаю. Говори, чем могу помочь. Сбежать, что ли, хочешь?

– В декабре кабардинцы соберут бюро. Есть большой шанс, что выговор мой снимут. Если у тебя ничего не изменилось, я готов выехать к тебе.

– А что могло поменяться? – Виктор серьезно посмотрел на меня. – Будем ждать твоего горкома.

- Только я не хотел бы быть на виду.
- Слушай, не волнуйся. Я тебя главным поставлю.
- Вить, не круто ли? Я серьезно.
- Знаешь, тогда давай постепенно. Снимешь выговор – звони, все обсудим.

CLXXXIII

В приемной Гущина меня поджидал Володя. Я молча хлопнул его по плечу. Лицо Володи сияло.

- Ты чего такой?
- Поехали, посмотрим квартиру, Игорьь.
- Какие варианты?
- Первый этаж, – Володя с опаской посмотрел на меня и торопливо добавил: – зато центр.

Я уловил его смятение.

– Володь, да пошло оно, – я рубанул рукой воздух. – Хватит. Первый так первый. Соглашайся. Я готов.

Мы сели в машину. От мясного объединения до дома оказалось действительно рукой подать. В дороге Володя быстро объяснил мне ситуацию.

– Хозяева готовы быстро обменяться на Армавир. У них там родственники. Уже посмотрели твою квартиру. Их все устраивает. Теперь только твое слово: «да» или «нет».

Володя притормозил у панельной пятиэтажки.

– Идем! У меня ключи есть.

Я вошел в квартиру. Все было обычно, ожидаемо. Коробочки комнат. Я махнул рукой.

– Володя, меняемся. Сделай только тут ремонт. Побелка, потолки, новые обои. И все – не хочу больше ничего искать. Молодец.

Я хлопнул его по плечу.

Володька расцвел. Было видно, как важна для него моя похвала.

CLXXIV

За окном пошел дождь – мелкий, словно из сита, но с каждой секундой становился все сильнее.

Мы сидели у Умата, болтали, в кабинет заглянула секретарша.

– Игорь Алексеевич, вас какая-то женщина просит к телефону.

Я вопросительно посмотрел на секретаршу. Та пожала плечами.

– Алло! Игорь! Это Роза. Тетя Роза.

Почти позабытый приглушенный голос на несколько секунд вернул меня в другую жизнь.

– Здесь твоя мать. Она хочет увидеться.

– Когда, где?

– Я не знаю. Ты когда можешь? – голос ее доносился издалека.

– Роза, давай через два часа напротив... – я назвал адрес кафе в самом центре города. – Найдешь?

– Ну конечно, Игорь! Я же здесь живу, – не без уко-

ризы отозвалась Роза. Мол, ты даже забыл об этом; понимаю, для тебя это ничего не значит.

Я с тоской подумал о матери, о том, как давно ничего не слышал о ней – просто исчез из Армавира, а она разыскала меня.

CLXXV

В кафе было немногочленно. Я пришел заранее и занял столик в самом углу. Дождь кончился, лужи отсвечивали каким-то странным светом.

Ровно в назначенный час на пороге нерешительные остановились две женщины. Одна из них была Роза. Под руку она вела... я даже не сразу ее узнал... Турунж.

Сердце сжалось.

Турунж как-то вся оплыла. Меня поразили растрепанные пепельные волосы, одутловатое лицо и глаза – огромные страдальческие глаза. Признаки неумолимой старости избородили лицо женщины, которая меня родила. Она не плакала. Крепко держалась за локоть сестры. Они замешкались в дверях, отыскивая меня взглядом. Я вскочил, бросился к ним и замер – в трех шагах от матери.

Она смотрела на меня не мигая, как слепая. Что-то похожее на неловкость и смятение остановило меня.

«Мама!» – чуть не крикнул я, но крик так и не вырвался, только что-то горькое шевельнулось в моей груди. Я рванулся к ней, обнял. Показалось, что я слышу, как неистово бьется ее сердце.

– Игорек! – Турунж секунду смотрела на меня, потом взяла мое лицо в шершавые ладони и замерла. – Сынок!

– Ну что ты?! – я почувствовал, как волна смущения заликает мое лицо. И даже не от ее пристального взгляда, а от того, что на нас смотрят и кто-то, может быть, сейчас улыбается нам в спину.

Мое смятение передалось и ей. Мы оба не знали, как себя вести. Ее сердце говорило одно, мое – другое. То, что на бумаге казалось таким простым, в жизни было непреодолимо. Она по-прежнему оставалась мне чужой. Мамой я мог назвать только ту, кто меня воспитала, – Хаво. Волнуясь и чувствуя себя не в своей тарелке, я повел их за столик.

Мы сели. К нам подошла официантка.

– Принесите нам что-нибудь... чай, кофе... пирожное какое-нибудь у вас есть? – пробормотал я.

– Ей нельзя, – шепнула Роза. – У нее диабет.

Я не знал, что сказать.

– Может быть, просто чай или кофе?

– Чай, – прошептала Роза.

Турунж молча смотрела на меня, словно не зная, о чем со мной говорить, и просто улыбалась.

– А где Лидочка? Она с детьми? Ты их не привел?

– Сережа в школе, Турунж.

– А Женья?

– Он с Лидой. У врача, – не знаю, зачем я соврал. Оправдать своих сыновей? Отгородить ее внуков от общения с ней?

Она согласно кивнула, полезла в сумку и достала кулек с конфетами.

– Это им. Передай, пожалуйста.

Ее сердце... Ее сердце по-прежнему оставалось неутоленным.

Если бы я мог перенестись через океан времени, вернуться туда, где все были молоды! Если бы я мог исправить ошибки моего отца! Я отдал бы все на свете, чтобы той боли, что сжигала меня сейчас, не было.

Но я ничего не мог. Даже почувствовать то, что любящий сын испытывает к матери, было мне не дано. И этой боли не было конца.

– Как ты живешь?

– Ничего.

– Ее никто не навещает. Она одна, – сухо произнесла Роза, как будто Турунж не было рядом.

– У тебя Лида такая умница, – неожиданно произнесла мать. – Я помню, она хорошо готовит.

– Да, – эхом откликнулся я. – Очень вкусно.

Снова повисла долгая пауза.

– Это хорошо, – она роняла слова невпопад, как сквозь сон, но в них слышалась какая-то парадоксальная гордость, от которой мурашки ползли по спине.

– У тебя как? Все нормально? – спохватился я. – Тебе какие-нибудь лекарства нужны?

– Нет, у меня все есть.

– А врачи?

Она покачала головой. И вдруг открыла свою старую дерматиновую сумочку и достала оттуда то, чего я так боялся, – фотографию мальчика с молодой красивой женщиной. Оба улыбаются...

– Все так же возишь их с собой? – спросил я тихо, накрывая ее ладонь своей.

Она не ответила на мой вопрос, а может, и не поняла его. Роза заметила мое волнение, дотронулась до моей руки.

– Ты не переживай. Захар ей помогает. Ты бы только не забывал ее, хорошо? Ей всего-то и нужно, что ваше внимание. Понимаешь?

Я молча смотрел перед собой. Губы Турунж что-то беззвучно шептали, пальцы рефлекторно мяти кисть платка. Я почувствовал, что не в силах больше выносить эту муку.

– Турунж! – отчаянно позвал я.

Она вскинула голову, посмотрела на меня с надеждой. Я улыбнулся.

– А знаешь, что у меня для тебя есть?!

Я полез в бумажник, торопливо достал фотографию Жени.

– Вот, держи. Это твой внук. Положи вместе с нашими фотографиями.

Из глаз Турунж потекли слезы. Она смотрела на фотографию маленького мальчика, моего сына, и повторяла:

– Игорек! Мой Игорек!

До меня не сразу дошло, что она видит не Женю. Она видит меня. Такого, каким я был, когда меня у нее отняли.

Роза заметила, что матери стало нехорошо, вскочила, захлопотала.

– Ей уколы надо делать. Ты прости нас, Игорь, нам пора домой.

– Я вызову вам такси.

– Нет, нет, мы сами дойдем.

Турунж поднялась, обняла меня и неожиданно прошептала:

– Игорь, а Слава как, что с ним?

– Не волнуйся, все уже хорошо. В Кисловодске живет.

– Я боюсь за него. Мне Захар сказал.

– Не переживай. Все уже позади. Дела против нас закрыли. Ну потеряли работу, зато вся жизнь впереди.

Она обняла меня и неожиданно прошептала:

– Какой же ты у меня красивый, мальчик мой. Я тобой горжусь.

CLXXVI

Игорь, я и не думал, что это вообще возможно! – Умат обходил со мной цеха. Разглядывал стены, осматривал новенький блестящий кафель, цокал языком. И шел дальше.

– Бог с этим, Умат! Послушай. Скоро год, как мне влили выговор. Пора ставить вопрос о снятии. Понимаешь?

– Игорь, можешь не волноваться. Я поговорю с кем надо, – отмахнулся он. – Ну красота!

Умат ткнул пальцем в новенькие никелированные дверцы коптильни.

– Умат, черт с ней, с этой коптильней... – я решительно развернул его, так, чтобы он видел только меня. – Послушай. Для меня очень важно, чтобы этот вопрос не задвинули куда-то.

Умат остановился. Удивленно посмотрел на меня.

– Игорь, не беспокойся, да? Я, наверное, сам с Мальбаховым переговорю. Снимем мы тебе этот треклятый выговор.

CLXXVII

Вцеху чадило. Я вышел проверить, с чем это связано. Начальник холодильника уже на всех накричал, все исправил и стоял, переводя дух, рассказывал анекдот, который заставил выслушать и меня.

Я невольно включился, начал хотеть, кто-то толкнул меня в спину, я сердито оглянулся. Передо мной стоял Умат.

– Это умора, Умат! Расскажи ему... – начал я.

Умат не дал мне договорить, схватил за руку, потащил в сторону.

– Умат, что случилось?

– На пару слов, Игорь!

Он многозначительно смотрел на меня. Внимательный взгляд тяжелых свинцовых глаз говорил: слушай, это важно. Я нахмурился.

Умат вытер лицо огромным носовым платком, шумно высморкался, вздохнул. К чему весь этот спектакль?

– На 24 декабря, – прохрипел Умат сдавленным шепотом, – назначили бюро. Твой вопрос включен в повестку.

Дыхание перехватило.

– Э-э! Спокойней, – Умат хлопнул меня по плечу. – Все бумаги на тебя лично я подписывал. Представил тебя в лучшем виде. Можешь не волноваться, конфетка получилась.

– Умат!

– Где-то я читал такое название, – многозначительно проговорил он, – «Огонь и холодно».

Я чуть не прыснул.

– Умат, дорогой! Какое – холодно? «Лед и пламень»!

– Точно! «Лед и пламень». Это я к чему? Я про то, что это про тебя написано, Игорек! Ты у нас и лед, и пламень. Две стихии вместе.

– Слишком красиво.

– А ты разве не любишь, чтоб красиво? Помнишь, какую речь ты толкнул: «...пренебрегая честью советского руководителя, обязанного вести за собой...»! Я тебе честно скажу – позавидовал. Как красиво говоришь! Что же ты молчишь? Шепни что-нибудь.

CLXXVIII

Я ощущал себя игроком, вынужденным отдуваться за всю команду в единственном одиннадцатиметровом. Потирая руками горящее от воды и бритья лицо, сидел на краю ванны и считал минуты, оставшиеся до начала собрания.

Времени оставалось достаточно, но я уже был на взводе. Придирчиво посмотрел в зеркало. «Давай, успокойся уже. Сколько таких собраний у тебя было». Я не знал, какая из мантр сработает. И долго ли я сумею сохранять напускную безучастность. А вдруг все пойдет не так? Вразрез с тем, как представлял я, как обещал Умат? И тут меня накрыло. Я почувствовал, что лечу куда-то – в пропасть

отчаяния, в мутное болото неуверенности. Лишь прикосновение бритвенного лезвия вернуло к реальности.

Я нажал посильнее, словно пытаюсь соскрести с себя все сомнения. На коже выступила тонкая красная линия. А, черт, порезался. Покрывл порез пеной – он исчез. Вот бы и в жизни так – провел пальцем по кровоточащему – и стер все проблемы!

Снова намылил лицо. С бородой из пены я был похож на Деда Мороза. Сравнение рассмешило и отвлекло. Я вытер лицо полотенцем. Страхи нахлынули снова. Вдруг Умат подведет?

Зазвонил телефон. Я заколебался, отвечать или нет. Потом решил: пусть звонит. И пошел одеваться. Черный костюм, белая рубашка. Все отутюжено. Туфли начищены до блеска.

И снова судорожный, прямо-таки отчаянный вопль телефона. Я не выдержал – поднял трубку. Это был Слава.

– Игорь, дружще, как ты себя чувствуешь? Ты мне сегодня приснился. Решил тебе позвонить.

– Вроде жив-здоров.

– Лида как?

– С детишками возится.

– Ну и хорошо.

Мы еще покалякали ни о чем, потом Слава куда-то заторопился. Попрощались.

Я уставился на себя в зеркало. Зачем он звонил? Странно. Из зеркала на меня смотрел уверенный в себе мужчина в новой белой рубашке с модными манжетами.

Я натянуто улыбнулся собственному отражению. Сделалось смешно. Подумал снова о Славике. Как он там? Пытается наладить новую жизнь... Тоже, поди, барахтается.

Я подошел к окну. Дети чертили квадратики на асфальте. За спиной возникла Лида. Я вздрогнул от ее неожиданного прикосновения.

– Игорь! Ты не опоздаешь?

Я обернулся.

– Все под контролем.

Она кивнула.

– Не волнуешься?

Ее внимательные карие глаза оказались совсем близко от моих.

– Скоро все, наконец, образуется. Совсем. Вот увидишь.

Я молча кивнул и чуть вымученно улыбнулся.

– Умат ведь обещал, – серьезно, не обращая внимания на мою улыбку, продолжала Лида, как будто мы думали об одном и том же.

Я ничего не ответил.

– Ты чего молчишь?

Голос у нее сорвался, она отвернулась и, не глядя на меня, сказала:

– Можешь не отвечать ничего. Я просто хотела, чтобы ты знал, я с тобой. Для этого мы здесь. Даже если что-то пойдет не так, мы не пропадем.

Глаза ее внимательно и печально смотрели на меня. Лида прижалась ко мне.

– Мне сегодня был сон.

– Что-то сегодня всем сны были. Надеюсь, тебя не похитили у меня?

Лида серьезно улыбнулась, покачала головой.

– Не волнуйся, нет! Я сидела у нас во дворе, а сверху на меня все падали и падали листья, – голос ее прозвучал совсем по-детски. – Как ты думаешь, к чему это?

– К деньгам, – без тени улыбки ответил я и посмотрел на часы. – Ну, я пошел.

Лида прильнула ко мне.

– Игорь! Ты у нас на всем свете один.

– Не волнуйся! Все будет хорошо.

CLXXIX

Докладчики отчитывались о проделанной работе. Все шло рутинно, скучно и глупо – как всегда. Я слушал не слишком внимательно, ждал, когда перейдут к моему вопросу. Только один раз, случайно поймав взгляд Умата, заметив его напряженное лицо и то, как он поспешно отвел глаза, встревожился.

– Ну что ж, и последнее, что нам нужно обсудить сегодня, – это партийное взыскание Бабаева Игоря Алексеевича. Он зарекомендовал себя с наилучшей стороны. Никаких нареканий не было. Кто хочет высказываться по этому вопросу?

Секретарь горкома оглядел всех вокруг.

– Можно я скажу? – Умат встал со своего места. – Игорь Алексеевич попал к нам случайно – так жизнь сложилась. С кем не бывает. Просто не повезло человеку – попал под руку, вот и схватил этот выговор. А теперь я вам всем могу сказать, – Умат откашлялся, – и показать, как работает этот человек. Своим трудом он заслужил то, чтобы с него сняли этот выговор.

Зал затих. Наконец началось что-то живое.

– Все, что случилось с нашим комбинатом за последнее время, – продолжил Умат, – это и его заслуга, – он отыскал меня взглядом посреди зала и ткнул в меня пальцем. – Я и раньше знал о выдающемся таланте руководителя Бабаева, когда приезжал на вверенное ему производство в Армави́ре. И вот теперь смог убедиться в этом снова, лично.

Говорил он степенно, но и по словам его, и по интонациям выходило, что комбинат встал на ноги только благодаря одному человеку. Я отметил, как люди исподтишка поглядывают на меня, кто с любопытством, кто с изумлением. В зале поднялся одобрителный гул.

– Кто-то может еще что-то добавить? – спросил председатель.

– Мы лучше голосованием все скажем, – выкрикнул кто-то с места.

– Значит, ставлю на голосование вопрос о снятии с Бабаева выговора, – произнес председательствующий. – Кто за, прошу поднять руки.

Первый секретарь оглядел лес рук:

– Кто против?

Пауза.

– Никого.

– Воздержавшиеся?

Пауза.

Решение принято единогласно! Заседание объявляю закрытым.

CLXXX

Я же говорил тебе, – улыбаясь, начал Умат, когда зал почти опустел, – что все будет в ажуре. Обожди меня здесь, я к первому загляну.

Он скрылся за дверью и почти тут же вернулся.

– У меня все готово, – заговорщически шепнул он мне. – Теперь ты мой. И только попробуй улизнуть.

CLXXXI

Машина подкатила к ресторану. Все было обставлено с высшим кавказским шиком. Массивные деревянные столы, стилизованные под патриархальную старину, шкуры медведей на стенах, черкесские кинжалы, посохи.

В отдельном зальчике были накрыты столы. Неподалеку стояли приглашенные: многие присутствовали сегодня на городском активе, были и те, кто подходил к Умату, теп-

ло с ним здоровался, но раньше я их не видел. «Небось, Умат всех тузов местных собрал», – усмехнулся я про себя. Умат позвал за стол, сам сел во главе, меня посадил рядом.

– Сегодня счастливый день. Я бы сказал, это день, который открывает дорогу в будущее. Почему? Потому что человек, по поводу которого мы здесь собрались, заново родился. И мы, в определенном смысле, празднуем его день рождения. За тебя, дорогой Игорек!

Мужчины встали, дружно чокнулись. Перед тем как опрокинуть рюмку, каждый говорил что-то обо мне.

Что ж, Кавказ есть Кавказ.

Все сели. Остался стоять только я.

– Я могу сказать только одно. Отец научил меня: друзей надо выбирать не спеша, менять их надо еще медленней. Вы все сегодня показали мне, что вы – мои друзья. Друг, как сказал один умный человек, не помню, как его звали, – это один большой мир для нас. Мир, который мог бы и не родиться и который тут – на карте вселенной – существует только благодаря нашей встрече с этим человеком. За тебя, Умат!

Я сел. Раздались аплодисменты.

– Это честно, – сказал, я, наклоняясь к Умату. – Что бы я без тебя делал.

– А я что? – пожал плечами Умат. – Я – маленький человек, – он отправил в рот огромный кусок баранины с луком, словно величина куска должна была умалить значение того, что он для меня сделал. – Это ты меня выручал, Игорь!

– Ну и хорошо. Значит, мы квиты.

Я чувствовал себя в центре внимания. На меня все смотрели. Подходили, братались. Всем интересно было, что я чувствовал во время собрания, волновался или нет.

Умат, чрезвычайно довольный собой, на разные лады пересказывал, как все прошло, усмехаясь и повторяя:

– Кто за, прошу поднять руки! И все единогласно! Слушай, Игорь, когда такое было?

– Да у вас постоянно так, – смеясь, отвечал я. – Ты же все организовал.

Я махнул рукой и вдруг почувствовал, что страшно проголодался.

Шашлыки, жареные почки, копченый говяжий язык уже не умещались на столе. Веселье подстегивали армянским коньяком. Свежая зелень, овощи, икра, сациви, купаты, запеченная баранья нога сменяли друг друга, как артисты на сцене. Получился по-настоящему душевный вечер.

Мы довольно быстро начали хмелеть.

– Ну ты и штука! – сказал я, пьяновато улыбаясь, Умату.

– Я – штука? – притворно изумлялся мой друг. – Что за штука? Как у нас говорят умные люди, тот, кто подстрекает творить добрые дела, величественнее того, кто их вершит. Это ты – герой. Какое дело сделал – весь комбинат перестроил! Можно сказать, на века!

– Да нет, Умат, это была НАША работа.

– Вах, ты – скромный, Игорь!

– Я не скромный, я справедливый. А ты такую речугу задвинул! Клянусь, Умат! Просто Демосфен. Ожидал, конечно, что-то про себя новое услышать, но чтобы такое!

– Да ладно, хватит тебе, Игорь! Ни слова не соврал. Ты бы слышал, как тебя хвалил наш главный, когда я к нему зашел.

Это было интересно, но Умат вдруг перебил сам себя.

– Вот тебе мой подарок!

Он подал знак, и из дальней двери в залу вышли музыканты с национальными инструментами вроде домр, начали выводить замысловатые мелодии.

– Сюрприз, – похлопал меня по плечу Умат.

В зал влетели танцовщицы.

– Смотри, какая красавица! – чуть наклонившись ко мне, прошептал Умат, указывая на чернобровую горянку в длинном национальном черкесском платье до пят и высокой турецкой шапочке, покрытой парчовой накидкой.

– Какая красotka! – все повторял он. Глаза его налились кровью. Музыка звучала все громче и пронзительней, девушки кружились быстрее, подолаы их платьев приподнялись, стали видны тонкие лодыжки. Кровь забурлила во мне.

Мужчины пошли танцевать лезгинку. Веселье вспыхнуло с новой силой. А мне вдруг показалось, что за столом очень накурено.

– Слушай, Игорьь, давай отойдем, – неожиданно шепнул мне Умат.

Он обнял меня за плечи, словно утешая непонятно по какому поводу, и мы отошли в угол.

– Что тебе говорил про меня первый после собрания?

Умат начал пересказывать. Я слушал, улыбаясь. Это было неожиданно и приятно. Только изредка в мыслях проскальзывало: привирает, поди.

Внезапно разболелся затылок. Веселиться что-то расхотелось. Напряжение, которое весь день не оставляло меня, сменилось апатией и безразличием.

– Что-то я устал, Умат.

– Ты заслужил отдых. Только я еще тебе не все сказал, – он хитро посмотрел не меня. – Давай завтра встретимся, на свежую голову. Разговор есть. Готов?

Я кивнул, и мы вернулись за общий стол. Умат все поглядывал на меня с хитрецей, потом наклонился и прошептал, что первый секретарь очень доволен работой комбината в последнее время.

– Ты на что намекаешь?

– Завтра узнаешь. Все завтра, – отвечал Умат, налегая на пятизвездочный «Арарат». Голос его звучал громче, он непрерывно рассказывал анекдоты, невозможно было

понять, пьян он или трезв. Время от времени он наклонялся ко мне и все шептал на ухо:

– Завтра все узнаешь, завтра.

CLXXXII

На комбинате тут и там еще виднелись следы недавно закончившегося ремонта. Я открыл дверь приемной. Прощай, комбинат!

Секретарша улыбнулась:

– Проходите, Игорь Алексеевич.

Вспомнилось, как я пришел сюда почти год назад в такой же ветреный зимний день, не зная, что будет дальше. Как спрашивал Умату, могу ли у него пересидеть. Тогда и кабинет был другой, и мы чуть-чуть иные. Нальчик удивительным образом изменил нас – и меня, и Лиду. А что говорить о самом комбинате! В цех войти было страшно!

В кабинете вместе с Уматом сидел его первый зам, высокий долговязый кабардинец. Обняв за плечи, Умат подвел меня к раскрытому окну.

– Чувствуешь, как славно? Как в горах!

– Тебе если как в горах, то всегда хорошо! – рассмеялся я.

Умат перешел к делу:

– Игорь, я хочу тебе сделать предложение.

– Что?

– Ты только меня внимательно выслушай.

Голос его зазвучал торжественно.

– Я тебе предлагаю должность своего заместителя.

Первого заместителя!

Он ввинтил указательный палец в воздух:

– Ну как?

И тут же, будто заметив что-то в моих глазах, поспешно добавил:

– Я ведь не шучу! Это серьезно.

Он перешел на быстрый шепот, почти скороговорку – видно, не терпелось получить ответ.

– Будешь спокойно работать. Мы с тобой тут так развернемся..

– Да, Игорь! – встрял вдруг его первый заместитель, до сих пор молчавший. – Оставайся. Все для тебя сделаем, только не уходи.

Вот комедия! Уже вдвоем уламывают.

– У тебя ведь уже есть первый зам, – я недоуменно пожал плечами.

Тот замер, будто, упомянув его, я нанес ему тягчайшее оскорбление, потом медленно поднял на меня глаза и свистящим шепотом, от которого у меня мороз пополз по коже, размеренно произнес:

– Я готов уступить тебе свое кресло. Только не уходи!

Я чуть не расхохотался. Наивные! Но прямо, в лоб, ведь не скажешь – могут обидеться.

– Ребята, я, конечно, сердечно благодарен вам за такое душевное отношение, но я уже все решил. Поймите.

– Что решил?! Что решил? – вскочил с кресла Умат.

– Не вижу я себя здесь. Все когда-то заканчивается. Пора и мне возвращаться. Понимаешь?

Умат как-то вдруг весь обмяк. Еще бы! Все обдумал, с такой тщательностью готовился, и вот, пожалуйста, – фокус не удался.

– Игорь, ты ненормальный. Может, передумаешь? Сразу не отвечай, – добавил он поспешно. – Вдруг на Большой земле начнет штормить? Мы всегда тебя примем обратно.

Я с улыбкой покачал головой и с искренним сожалением, медленно, отчетливо разделяя слова, произнес:

– Ты же сам с меня выговор снял.

Можно было, конечно, наговорить с три короба, пообещать. Но зачем морочить голову? Человек он хороший.

Не хотелось обманывать. Когда-нибудь сам все поймет. Я развел руками. Если б знали они, что я пережил, возможно, поняли бы, что все уговоры смешны.

– Прости, Умат! Я уже договорился. И решения своего не поменяю. Перехожу в Ставрополь.

Умат обреченно кивнул. Помолчал. Кажется, я задел какую-то чувствительную струну.

– Я услышал, Игорь! Но если передумаешь, – он вскинул свои добрейшие глаза, – дай знать.

– Конечно, Умат. Если станет плохо – сразу же прилечу.

И мы оба вдруг неожиданно расхохотались, словно школьники, сбежавшие с уроков и пьяные от нежданно открывшейся свободы.

CLXXXIII

Проснулся я от света низкого зимнего солнца. Лида хлопотала у плиты. Я перебирал в памяти события вчерашнего дня. Хотелось петь от радости! Это было ликование того сорта, что приходит после первого бокала шампанского. Ликование пробуждающихся надежд. И теперь они буквально подталкивали меня в спину. Такой силы, такой энергии я не ощущал давно. Я вскочил.

За окном – ни облачка. А ведь я мог оступиться. Но, видимо, черт Ашмедай крепко заснул в тот момент, и судьба бросила на меня благосклонный взгляд.

Я обнял Лиду.

– Ты сегодня заберешь документы Сережи из школы?

Лида, не оборачиваясь от газовой горелки, спросила:

– Так все-таки уезжаем?

Я кивнул.

– Завтра-послезавтра – как только все соберем. Тебе помощь нужна?

– Нет.

– Постарайся все сегодня сделать. Хотя, если будет что-то не получаться, брось. Главное, собери вещи.

– А ты куда?

– Надо все дооформить.

Лида отставила кастрюльку с детской кашей, обернулась, закинула руки мне на плечи, поймала мой взгляд.

– Знаешь, – сказала она, – а я буду скучать по этому городу.

– Почему?

– Я никогда еще не была так счастлива. Может быть, все эти страдания были нужны для того, чтобы я получила то, о чем мечтала?

CLXXXIV

Оставалось утрясти кое-какие детали.

Собираясь с духом, я сосредоточенно посмотрел на телефон, потом решительно поднял трубку.

– Виктор, это Бабаев говорит. Сняли выговор. Вчера на горкоме...

– Отлично! Считай, заново родился.

– Я готов выехать к тебе.

– Когда тебя ждать?

– После Нового года сразу выезжаю.

Сердце мое забилося чаще, показалось, что запылали щеки.

CLXXXV

Я помчался домой. Лида возилась с вещами: разбирала, аккуратно складывала, упаковывала.

– Лидочка!

Она обернулась.

– Витя ждет нас!

Я подхватил ее на руки, закружил по комнате.

– Ты понимаешь?! Нет, – эмоции захлестнули меня, – ты понимаешь? Все получилось!

Восторг, надежды, предвкушение нового – у меня просто захватывало дух! Я поставил Лиду на пол. Мы стояли друг против друга, словно беззвучно крича.

«Скорей отсюда!» – звенел во мне каждый нерв.

«Давай останемся!» – говорил взгляд Лиды.

Я удивленно оглядел заплонившие комнату тюки и озадаченно присвистнул.

– Игорь, я не виновата! – принялась оправдываться Лида. – Вот, по мелочам набралось!

Я развел руками. Ну надо так надо. Не на своем горбу тащить-то.

– Ты по документам все успела?

– Все. Нас ничто не держит.

Я оглядел нашу обитель. Вспомнил, как вошел сюда в первый раз и испугался, что скажет Лида, как просил ее потерпеть, не решаясь привезти их с мальчишками в эту халупу, как обещал, что это ненадолго. И вот это «ненадолго» закончилось! Я сдержал обещание. Что нас ждет впереди?

CLXXXVI

Накануне Нового года кто-то высыпал на улицы города много-много белой крупы...» Я замер, прислушиваясь у полуприкрытой двери, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Лида читала детям сказку.

Женя сидел перед ней на диване, держа в руке раскраски, Сережа возился на ковре с машинками. Я улыбнулся. Тихо заглянул в комнату. Не хотел разрушать покой и умиротворение, что царили здесь. Мальчишки слушали, затаив дыхание.

Прошла уже пара часов, как мы приехали в дом Хаво, чтобы встретить Новый год.

Лида продолжала рассказ о мальчиках, у которых открылся дар творить чудеса. Я, словно загипнотизированный, слушал ее ровный голос, не в силах отойти.

«Взрослые боятся это делать, – продолжала читать Лида, – потому что тогда они ненароком могут совершить добрые дела, и сразу расчувствуются, а этого во взрослом мире делать нельзя. Лишь раз в году Серьезность и Расчетливость отступают, оставляя на лицах взрослых улыбку. Это и есть бесценный дар Белого Волшебника из Страны Снегов с Красным Мешком за спиной».

Лида замолчала.

– А дальше? – раздался Женин голос.

– Дальше будет завтра.

Лида захлопнула книжку.

Женя требовал продолжения.

– А ты сам сочини, – предложила Лида.

– Как это?

– А вот так: что ты делаешь, когда остаешься один в комнате?

– Боюсь, – простодушно ответил Женя.

– Чего?

– Смотреть по сторонам. Потому что тогда тебя может заметить хищный шкаф и проглотить своими ящиками.

– Вот это уже начало сказки, – похвалила Лида.

– А можно и мне сочинить? – спросил Сережа. – Я видел однажды, как наш шкаф пятится. Да, да! – огромные глаза его стали еще больше. – Он шагал к окну, как жираф.

– Я тоже видел! – отозвался Женя.

Я все стоял и стоял за дверью счастливый, забыв про дела. Спроси меня кто-нибудь, что такое счастье, я знал бы, что ответить. Вот такой миг – это оно и есть.

CLXXXVII

Хаво приготовила невероятный стол.

Я, Лида, Сережа, Женья, Слава с детьми, Элла с мужем, Гена с женой – осиротевший клан Бабаевых собрался вместе.

Не хватало отца. И место во главе стола, где обычно сидел Нахамьё, пустовало.

Хаво крутилась без устали – с подносами, противнями, кастрюлями... Привычное зрелище. И все же что-то тревожное сквозило в каждом ее движении. Было заметно, как она сдала. Чередой бед, свалившихся на нашу семью, смерть Нахамьё...

– Мама, давай тебе кто-нибудь поможет? Тяжело же, – не выдержал я.

– Э нет, сынок. Я сама, сама. Здесь я еще могу справиться. А помочь... Эх, был бы Лешенька здесь, мой сынок, – была бы лучшая помощь для меня. Ничего больше не нужно в этой жизни – только бы он вернулся. Ох, не дождусь я! Ох Худох! (О мой бог!) – запричитала Хаво, утирая платком слезу.

– Мам, не плачь. Не успеешь опомниться, как он будет сидеть вместе с нами за праздничным столом.

– Надеюсь, что доживу...

К празднику в доме Бабаевых примешивался привкус грусти. Не было желания веселиться, как встарь. Мы сели за стол. Хаво подняла бокал:

– Пусть в этом году будут только счастливые дни у вас, дети мои. А я буду ждать того благословенного часа, когда смогу обнять своего сына.

Мы поздравили друг друга с Новым годом и чокнулись шампанским.

Едва отпраздновав Новый год, мы с Лидой и детьми помчались в Ставрополь.

CLXXXVIII

Когда я подрулил к нашему новому дому, уже почти стемнело. Из подъезда пятиэтажки выскочил Володя.

- Я вас уж заждался. Как доехали?
- Птицей долетели! Ты тут караулил нас, что ли?
- Зачем? С первого этажа все видать – очень удобно.
- Да? – с сомнением отозвался я. – Сейчас оценим эти «удобства».

Лида подхватила детей. Женя со сна капризничал, Сережа клевал носом, не желая просыпаться. Нам с Володей нужно было разгрузить вещи.

- Может, через окно все покидаем? – предложил Володя.
- Молодец, рационализатор, – усмехнулся я.

Володя скрылся в подъезде и несколько секунд спустя выглянул из окна.

- Подавай! – крикнул он, протягивая руки.

Я, кряхтя, поднял первый чемодан.

– Ты туда кирпичей, что ли, напихал?! – буркнул Володя, чуть не рухнув под тяжестью.

– Нехитрый домашний скarb, нажитый непосильным трудом Лидии Ильиничны, – усмехнулся я.

– Прелесть первого этажа, – констатировал Володя, принимая второй чемодан.

- Непривычно все же, – хмуро заметил я.

Володя согласно кивнул. Он втаскивал в окно уже пятый тюк и, кажется, заклинал судьбу, чтобы он оказался последним.

– Я с самого начала тебе, Игорь, говорил: первый этаж – не твой уровень! С собственным домом не сравнится. Может, все-таки в свой дом переберетесь?

- Ни к чему мне это, Володька!
- А что так?
- Лишнее внимание, – объяснил я. – Анонимки

у нас писать не разучились. Увидят меня в новой хате – возьмутся за старое. Нет, мне это ни к чему. Тут надежнее.

Володя развел руками:

– Хозяин – барин.

Мы закончили перетаскивать вещи и теперь просто стояли во дворе. Первый этаж... Вокруг дома – сплошные заросли. Темень, наверное, будет..

– Вот, документы н а квартиру, – протянул мне Володя пачку бумаг, – и три комплекта ключей.

– А ты молодец. Быстро управился с ремонтом. Теперь хоть жить можно.

Я сунул ключи в карман.

CLXXXIX

В приемной у Гущина, как всегда, толпился народ. Секретарша, завидев меня, коротко доложила по селектору о нашем прибытии и пригласила войти.

– А, Игорь! – Виктор встал из-за стола. – Быстро ты!

Я развел руками.

– Все там уладил?

Я кивнул.

– Ну, садись. Давай подумаем, с чего тебе начать. Сложность только в твоей фамилии, не в квалификации. Все, что утверждается на бюро горкома, для тебя сейчас отпадает.

– Ты вроде говорил... – начал я, пытаюсь вырулить на нужное мне направление.

Он перебил меня.

– Подожди. Давай на такую позицию, которую не надо согласовывать.

– Можно начальником техотдела...

Виктор согласно кивнул.

– А там посмотрим...

Нажал кнопку селектора:

– Катя, скажите водителю, через пять минут выезжаем.

– Хорошо, Виктор Владимирович.

– Я поеду с тобой, – пояснил Гущин, – лично тебя представлю директору. Можешь не волноваться, мужик не опасный, думаю, сработаешься.

СХС

Двор мясокомбината был небольшой, но чистый, прибранный. Знающие с любопытством уставились на машину неожиданно пожаловавшего директора объединения. Гущин, кого-то тепло приветствуя, кому-то просто кивая, повел меня в кабинет.

– Прошу, – распахнула дверь секретарша.

Директорская «каморка» была квадратов на пятьдесят, с огромным полированным столом, парой дежурных кожаных кресел и внушительных размеров диваном. Хозяин кабинета расположился между огромными шкафами, словно в окружении двух стражей, на низком стуле. Заурядное лицо, короткий ежик, как у бывшего военного. Впрочем, как я понял позднее, по характеру директор был человеком сугубо мирным – не боец.

Мне он сразу показался на редкость стандартным. Доведись мне придумать ему кличку, я назвал бы его «Незаметный» или «Уставший».

По стенам висели бесчисленные грамоты с красными флагами. На столе стояла бронзовая чернильница с конями и еще какие-то безделушки.

Гущин обернулся ко мне.

– Сергей Сергеевич, вот, прошу, знакомьтесь – Игорь Алексеевич Бабаев, ваш новый начальник техотдела.

Как же я отвык быть подчиненным!

Директор вышел из-за стола, дружелюбно протянул руку. Рукопожатие его было твердым. Гущин, словно скрепляя наш «договор о намерениях», сделал широкий жест в мою сторону.

– Будь уверен, Игорь Алексеевич вполне в курсе дел, происходящих на комбинате. Да я думаю, тебе не надо его представлять. Человек известный, – он улыбнулся. – В основном могу тебя заверить – с таким человеком ты будешь как у Христа за пазухой.

Директор слушал внимательно, в ответ на каждую фразу кивал, как бы давая понять, что согласен с мнением начальства, но своего пока еще не сформировал.

Чувствовалось, что торжественно обставленное представление нового начальника отдела его скорее пугает, чем радует. Я не мог не заметить настороженный взгляд, который он нет-нет да кидал в мою сторону.

– Какие будут пожелания? – осторожно спросил он, когда Гущин замолчал.

Гущин скептически посмотрел на директора, потом на меня – и развел руками, как бы приглашая нас к самостоятельному диалогу. Я решил завладеть инициативой.

– Мне бы в курс дела побыстрее войти. И сразу оперативно включиться в работу.

Директор согласно кивнул. Ни дать ни взять ревизор на приемке товара: лицо непроницаемое; соображает, как дальше будут развиваться события, чем обернется мое появление.

Гущин словно бы прочитал его мысли.

– Уверяю тебя, – он осторожно взял директора комбината под локоть, – Игорь может все.

Директор в первый раз искренне улыбнулся. Потом спохватился и, коротко кашлянув, нажал на кнопку селектора.

– Позовите ко мне главного инженера.

И тут же добавил Гущину:

– Толковые руки да голова на плечах комбинату не мешают.

В дверь постучали.

В кабинет вошел мужчина лет сорока с немного раскосыми глазами.

– Знакомьтесь, Хасан, – представил его Сергей Сергеевич. – Наш главный инженер.

Тот быстро оглядел всех, остановил взгляд на мне и улыбнулся.

Я протянул ему руку.

– Игорь Бабаев.

Он наклонился ко мне, и меня обдало запахом колбасы. По всей видимости, Хасан дневал и ночевал на работе.

– Много слышан о вас, Игорь Алексеевич.

– Не думал, что меня здесь знают по отчеству.

– Слухом земля полнится.

– Вот и отлично, если так! – Гущин рассмеялся.

– Хасан, покажи Игорю производство, – распорядился директор.

СХСІ

Ничего нового я не увидел. Все как везде – разруха, запустение. Ну что ж, понятно, с чем придется иметь дело.

Хасан говорил все честно, как есть. Вводил меня в курс дела, знакомил со специфическими тонкостями, на которые всегда завязано производство дефицитного товара.

Я слушал его внимательно, пытаюсь определить, что он недоговаривает, что пытается сгладить. Похоже было на то, что мужик он простой, незатейливый и меня несколько не боится. Значит, сработаемся.

Чем больше он мне показывал, тем больше я приободрялся, понимая, что возвращаюсь к привычному ритму жизни.

В какой-то момент нашей экскурсии Хасан прервался. К нам тяжелой походкой направлялся мужчина довольно колоритной внешности.

– Знакомьтесь, – представил его Хасан, – это начальник холодильного цеха.

– Ваня Мелкумов, – рыкающим басом проговорил черноволосый армянин и протянул мне волосатую руку. Потом добавил: – Я армянин, родом из Дербента, но вскормлен еврейской грудью.

Я усмехнулся. Похоже, обо мне тут действительно слышаны.

СХСII

А не выпить ли нам по маленькой в знак взаимного уважения и за новое знакомство? – предложил Гушин, когда мы вернулись в кабинет.

– Давайте, товарищи, – директор явно успел перебраться с Гушиным наедине парой слов и теперь пребывал в совершенно ином состоянии духа – расслабленном и умиротворенном.

На маленьком столике уже была постлана салфетка, стояла нехитрая закуска, тончайшего фарфора чашечки, хрустальные бокалы – в общем, все как полагается.

Хасан открыл шампанское, указал на паштеты:

– Наши!

Из лаборатории принесли нарезанную колбасу. Гушин, прищурившись, пытался что-то прочесть на винной этикетке.

Я понимал, что для директора мое появление – как снег на голову, однако с Гушиным не поспоришь: назна-

чил – принимай. Странное чувство неловкости, и гордости, и благодарности переполняло меня. Вроде все вышло, как я задумал. Даже то, что сумел устроиться на эту незаметную на первый взгляд должность, многое сулило. Я чувствовал: все пойдет по-прежнему.

И все же успокаиваться было рано. Мог ли я быть уверен до конца в самом главном – в том, что все мои злоключения позади? Не осталось ли еще чего-то, о чем я пока не знаю?

Тот путь, на который я когда-то встал, я прошел с честью почти до конца – и вот срезался. Но никого при этом не обогал, не предал.

– Ну как вам увиденное? – обратился ко мне директор.

Эх, знали бы они все, что я пережил! Не задавали бы таких вопросов.

– Есть проблемы, но нет нерешаемых.

– Отлично.

– Если я получу соответствующие полномочия, то в достаточно короткие сроки сделаю то, чего от меня ждут.

Директор опасливо кивнул.

– Если будут предложения – приходите. Будем принимать решения.

СХСІІІ

Кновому привыкаешь быстро. То, что мы живем на первом этаже, уже не казалось мне таким уж неудобным. Двор был тихий, никто не галдел, машины под окнами не ездили. Чем не жизнь?

Я открыл дверь, стараясь не шуметь – вдруг Женя спит? Мне нравилось заставлять Лиду с мальчишками спящими – вместе, словно одно целое, видящими свои волшебные сны.

Еще в прихожей я услышал, как Лида что-то готовит на кухне. Заглянул в детскую. Дети безмятежно разметались в кроватках. Сережа улыбался – что за приключения виделись ему? Поцеловал моих мальчишек, поправил одеяла и на цыпочках вышел.

Лида стояла у плиты.

– Представление прошло на ура!

– Фу, – Лидочка обернулась ко мне, поцеловала, – от тебя разит.

– Издержки производства.

– Да не алкоголем, колбасой!

– А ты чем хотела, чтобы от меня разило после колбасного производства? Духами?

Лида загремела тарелками.

– Садись уже, ешь.

– Гушин передавал тебе привет.

– Как он там?

– Кум королю. Познакомил меня с директором. Представляешь, у меня теперь есть, – я сделал паузу, – директор. Уму непостижимо.

– Перестань, Игорь. Это ненадолго.

– Ненадолго?

– Зная тебя...

Я не успел спросить, она опередила.

– У меня хорошая новость. Сережу приняли в новую школу. Сегодня ходила к директору. Все документы пришли. Карточку из прежней школы принесла.

– А классная руководительница?

– Молодая. Говорят, одна из лучших в школе.

– Молодец, Лида.

– Сереже там понравилось.

Она поставила передо мной тарелку.

– Я специально его спрашивала. И другие дети из хороших семей.

– Мапочка, я тебя поздравляю. Не успею оглянуться, в десятый класс пойдет.

Лида наклонилась ко мне, и я снова почувствовал запах жимолости, которым много лет назад она приворожила меня. От нее пахло, как тогда, в нашу первую встречу, на заднем сиденье моего автомобиля, в поле, где студенты-фармацевты собирали... что они там собирали? Черт его знает. Главное, что там я нашел мать своих самых замечательных детей.

СХСIV

Явновь с головой окунулся в работу. Большинство сотрудников с пониманием относились к моим требованиям и готовы были идти за мной.

– Хасан, послушай. Нужно с ребятами в забойном переговорить.

– Хорошо, Игорь.

Через пять минут я уже рвал и метал по поводу грязи.

– Хасан, нужна культура производства. Нужно наладить переработку так, чтоб работа велась быстро, без потерь, с соблюдением всех санитарных норм.

– Что для этого требуется?

– В таком свиномнике работать невозможно.

– Да, Игорь, сделаем.

Он соглашался практически на все, а я продолжал делать замечания, находил новые огрехи.

Как ни странно, на нашего директора это действовало умиротворяюще.

Он остерегался меня уже меньше, наоборот, постепенно и незаметно перекладывал на меня свои обязанности или, скажем так, не возражал против того, что я забираю все больше власти. Впрочем, я следил за тем, чтобы не переборщить.

Ежедневно мы с Хасаном устраивали что-то вроде пятиминутки: я объяснял, что надо делать, чтобы наладить работу на провальных участках.

Он поражался моим умениям находить нестандартные решения, тому, как быстро я схватываю суть проблемы. Все чаще он приходил ко мне за советом. Но я и подумать не мог, чем это обернется.

СХСV

Я был в цеху, когда он неожиданно подошел ко мне:
– Игорь, пойдем к директору.

Я удивленно воззрился на него.

– Что стряслось?

– Я так больше не могу.

Он устремился вперед и вдруг, не пройдя и нескольких шагов, стремительно развернулся и подскочил ко мне.

– Слушай, мне стыдно работать твоим начальником. Мне учиться у тебя надо. Ты сам принимаешь решения, а я лишь выполняю твои распоряжения. Давай поговорим с директором, пусть ты будешь главным инженером.

Я растерялся. Вроде ни на что такое я не претендовал. Это что – какая-то интрига? Я недоверчиво посмотрел на Хасана.

– Да какая разница, у кого какая должность? Главное – результат.

– Раз так, Игорь, тогда пойдем к директору.

СХСVІ

Директор удивленно поднял на нас глаза.

– Что еще случилось? – вопрошал его испуганный взгляд.

Хасан выглядел взвинченным.

– Тут такое дело... Я предлагаю, пусть Игорь будет главным инженером, а я на его место перейду – зав. тех-отделом.

Директор удивленно смотрел на нас.

– Не понял... зачем?

– Послушайте! Я преклоняюсь перед его опытом работы! И хочу у него учиться. Не могу я быть его начальником, понимаете? Мы должны поменяться с ним местами.

Лицо Хасана покрылось красными пятнами.

– Я хочу под его руководством поработать, набраться опыта. Он реально руководит мною, а я просто выполняю его решения. Пусть он будет главным инженером, – упрямо повторял Хасан.

Директор смотрел на него, как на сумасшедшего.

– Как же я Игоря Алексеевича главным инженером назначу, если эту номенклатуру утверждает бюро горкома?

Хасан замер, как скакун, наткнувшийся на барьер.

– Вы же эту проблему в горкоме решить можете, я знаю.

Директор помотал головой.

– Первый раз такое слышу!

Он посмотрел с недоумением на Хасана, потом на меня. Пожал плечами. И согласно кивнул.

– Если ты в самом деле считаешь, что так будет больше толку, то я позвоню Гущину, и он сделает представление на Игоря. Ну а я улажу все с горкомом.

СХСVII

По дороге домой меня так и распирало. Что же там в небесах происходит, что за сила меня на поверхность выталкивает? В голове все плыло.

Лида открыла дверь с Женей на руках. Глянула на меня. Отступила. Ничего не скроешь – насквозь видит.

– Что случилось?

Женечка потянулся ко мне. Я подхватил его на руки. Женя заболтал ногами, требуя спустить его на пол. На шум вышел Сережа. Рука его была перепачкана чернилами.

– Ну, ученый, – я обнял его, – как успехи в школе?

Он посмотрел на меня своими ясными глазами, смешно подтянул шорты, приосанился, словно говоря «что за фамильярность! я уже взрослый!», и поманил брата за собой: идем, что покажу. Женя тут же помчался за старшим.

– Как у него в школе?

– Математика – отлично. Русский – боремся. Можешь не волноваться. Учительница им довольна.

Улыбка на ее лице как-то изменилась.

– А ты чего такой?

Я осторожно поманил ее к окну, поставил так, чтобы видеть ее глаза.

– Меня хотят сделать главным инженером, – произнес я почти шепотом.

Лида смотрела на меня с недоверием.

– Ты настоял?

– Они. Хасан молодец! Трезво смотрит на ситуацию. Все-таки мой опыт и его – не сравнить. Он сам предложил меня на свою должность.

Лида расхохоталась.

– Не удивлюсь, если они тебя завтра директором назначат.

– Лидочка, я в директора не рвусь. Там ситуация до смешного доходит: сам директор не спешит лезть в производство. Ему рабочая лошадка нужна. Понимаешь? Я их устраиваю. Всех.

– Значит, ты – лошадка?

– Ну, лошадка – не лошадка... – хмыкнул я.

– Надеюсь, не темная. Значит, тебе опять повезло.

– Что ты имеешь в виду?

– Что они дали тебе волю. И, возможно, скоро об этом пожалеют, – вкрадчиво добавила она.

Я схватил ее в объятия. Словно невеста откуда, из давних времен, в нашу кухню вдруг заявился молодой нахал, каким я когда-то был.

Мы грохнули от смеха в унисон, как по сигналу, слышному в целом мире только нам двоим. Такое случилось – словно бы на миг мы превращались в одно целое. Муж и жена – одна сатана, не зря же говорят.

Я не знаю, как точнее описать то понимание, что временами возникало между нами. Уверен только в одном: это оно держало на плаву.

СХСVIII

В кабинете я прикрыл дверь, чтобы никто не мешал, и достал из ящика записную книжку.

– Черт, где ты тут подевался, – бормотал я, перелистывая страницы, испещренные множеством фамилий. Вот! Нашел. Я набрал номер.

– Павленко слушает.

– Что, забыли там меня уже?

– Игорь?!

Ну и гаркнул! Я чуть не оглох.

– Ты где? Откуда?

– Значит, слушай. Ты мне нужен здесь. Есть перспективы. Сможешь перебраться?

– «Здесь» – это где?

– Здесь – это в Ставрополе, – смеясь, уточнил я. – Только что меня назначили главным инженером. Условия нормальные. Так сможешь?

На том конце провода повисла секундная пауза. Мой собеседник колебался. Правда, недолго.

- Дай... я тут сейчас..
- Чего ты мямлишь? – подстегнул я.
- Смогу, Игорь Алексеевич. Когда выдвигаться?
- Я рассмеялся.
- Это уже лучше. Подробности письмом. Давай, заканчивай там свои дела и приезжай, на месте все решим. Работы море.
- А я думал, ты в Кабарде еще, – протянул он.
- Нет, уже слинял оттуда. Так что? Принимаешь предложение?
- Считаю – я твой.

СХСІХ

- Я** набрал Гушину. Тот сразу ответил.
- Виктор, у меня проблема с кадрами. Мне нужно перетащить сюда одного парня из Армавира.
 - Да проблем нету. Бери, если тебе надо. Я поддержу.
 - А что с моим утверждением?
 - Сам понимаешь, тут все будет зависеть от горкома.
 - Чем-то помочь можешь?
 - Игорь, не гони коней, тут все всё о тебе знают. Да, и не кипятись, если на горком тебя не позовут. Как ты понимаешь, может, это и к лучшему.

СС

- С**екретарша сообщила, что меня вызывает директор.
- Ну, Игорь, поздравляю!
 - Я вопросительно посмотрел на него.
 - Ты прошел.
 - Утвердили? – не веря ушам, переспросил я.
 - Не без скрипа. Пришлось убеждать.
 - Он многозначительно посмотрел на меня.

– Противники были. Но я правильно подал твою кандидатуру. Понимаешь?

– Спасибо, – я горячо пожал протянутую руку.

– Только ты должен иметь в виду, – голос директора зазвучал заговорщически, – и в крайкоме тоже дали четко понять, что главный инженер – это твой потолок у нас.

Я удивленно посмотрел на него.

– Да, да. Потолок, – повторил он.

– Да я вообще об этом не думаю, – поспешно ответил я.

– Ну, думаешь не думаешь, а что такое быть вторым после того, как ты всю жизнь первый, я понимаю.

ССИ

Я переехал в новый кабинет. Стандартная обстановка: стол, кресло, на столе два телефона – внутренний и городской. Вспомнилось прошлое, Ессентуки. Опять я начинал все сначала. Что ж, азарта мне не занимать.

Я сел в кресло, придвинул городской телефон и набрал номер.

– Павленко? Игорь Бабаев говорит.

– Игорь, ну как там у тебя?

– Сегодня утвердили. А я подтверждаю твой переход к нам. Не передумал еще?

– Да какой там. Наоборот, ждал звонка, чтобы определиться. В общем, я здесь увольняюсь по собственному, а там ты меня зачисляешь.

– Тебе сколько времени нужно, чтобы все уладить?

– Пара дней.

– Собирайся и выезжай. Жду.

Начало было положено. Собиралась неплохая команда. Хасан – толковый парень, начальник холодильника Ваня Мелкумов и вот еще Женя Павленко. С такими можно горы свернуть.

ССII

Наступило лето, и мы в полной мере оценили одно из преимуществ жизни на первом этаже, о котором поначалу даже не задумывались: густая зелень надежно защищала от палящего ставропольского солнца.

Сережа окончил первый класс на одни пятерки. Лида уже мечтала о поездке к морю, в санаторий.

– Ну конечно, – согласился я. – Мы повезем детей к морю. Как каждый год.

Я хлопнул себя ладонью по лбу.

– Надо завтра же позвонить в Москву! Хорошо, что ты напомнила.

– А ты?

– Надолго не смогу. Сама понимаешь – все на мне...

– Но ты же не директор.

– А нагрузка, как у директора. Помнишь, как мы последний раз в Архипо-Осиповке отдыхали? – я попытался увести разговор с опасной темы.

Лида мечтательно улыбнулась.

– Игорь, о чем ты говоришь? Главное, мальчики будут довольны.

– Значит, в августе и поедете. Да и фрукты к тому времени поспеют.

ССIII

Долговязую фигуру Женьки Павленко я заметил издалека.

– О-о, чертяка! Вырвался-таки!

– Здравия желаю, товарищ директор!

– Тише! Какой я тебе директор?! Я тут главный инженер.

– Ну это, я думаю, пока.

Мы хлопнули друг друга по спинам.

- Ну что, все документы при тебе?
- Да.
- Пошли к директору – представлю.

ССIV

Директора мы застали погруженным в чтение газеты. Изредка он механически подносил ко рту чашку с чаем. Нашего появления он, кажется, не заметил.

– Сергей Сергеевич!

Директор вздрогнул.

– Извините, Игорь, задумался... Такое в мире творится, – он кивнул на газету.

– Хочу представить. Женя Павленко, о котором я говорил. Очень толковый парень. Отвечал у меня за сбыт.

Директор с интересом посмотрел на Павленко.

– Игорь рассказывал о вашей совместной работе.

– Прошли, как говорится, огонь и воду...

– Это хорошая школа. Значит, готовы трудиться? Вы кем себя видите? Замдиректора по сбыту? Или, может быть, заместитель главного инженера?

Женя шагнул вперед.

– Название не так уж важно, товарищ директор. Гораздо важнее то, как будет построена работа.

– Правильный ответ, – улыбнулся директор.

– Можете идти к кадровикам. Мы вас берем. Благодарите Игоря Алексеевича.

По дороге в кадры я наставлял Павленко.

– Я тебя сразу познакомлю с двумя парнями: Хасан и Мелкумов. Деловой мужик. Хасан тоже не подведет. Отличные ребята – моя команда. Будешь трудиться с ними в связке. Мне важно, чтобы дело шло без сбоев. Тут, конечно, бардак местами жуткий, но... это исправимо. Главное – привести все в порядок.

Павленко резко остановился, обернулся ко мне.

– Игорь, а ты здесь надолго? Скажи честно.

Я усмехнулся. Проницательный, черт!

– Честно сказать, Жень, как получится. Я не загадываю. Но, – я сделал паузу, – пока вариантов других нет, буду здесь крутиться.

CCV

Вдруг возникло какое-то мальчишеское желание как можно тише прокрасться в дом и устроить сюрприз ребятам. Я скинул ботинки, на цыпочках прошел к спальне, приоткрыл дверь. Лида сидела с Женей на полу. Перед ними лежал лист ватмана, на котором были старательно выведены разноцветные круги.

Лида рисовала квадраты и ромбики.

– Смотри, это называется квадрат, – она произносила названия геометрических фигур отчетливо, по слогам. – А вот это – ромб. Нарисуй.

Малыш, зажав в ручонке карандаш и высунув язык от напряжения, принялся старательно выводить на ватмане что-то похожее на квадратик.

– Отлично! – мама наградила ребенка поцелуем. – А теперь нарисуй мне второй квадрат.

Женечка повторил.

– Видишь? Сколько теперь здесь квадратов нарисовано?

– Два! – когда Женя обращался к маме, глаза его начинали светиться, а щеки розовели.

Мать и сын засмеялись. Лида положила перед ним три мелка: красный, синий и желтый.

– Скажи, сколько мелков ты видишь?

Женя задумался.

– Один.

– Где же один? Вот же, считай, – и Лида начала за-

гибать пальцы на руке Жени, – раз мелок, два мелок, три мелок... Сколько всего мелков?

– Три!

– Правильно! А на ручке у тебя сколько пальчиков?

– Вот!

Ребенок выставил всю ладонь с растопыренными пальцами и счастливо рассмеялся.

– А сколько это «вот»?

– Вот, – упрямо повторил Женя.

– Женечка, это пять пальчиков. Скажи маме, что на руке у тебя пять пальцев.

Они обернулись на мой голос одновременно. Женя с визгом сорвался с места и повис у меня на руках.

– Игорь, как ты так неслышно вошел?

– А я через окно влетел.

Женя вырос за последнее время. У него было тонкое, немного вытянутое лицо с упрямым подбородком, такой же чувственный, как у Лиды, рот и аккуратный носик. Огромные глаза его глядели на мир чисто и лучезарно, с каким-то всепрощающим доверием. Временами в его детском вроде бы взгляде сквозила прямо-таки заораживающая мудрость.

Я подхватил его и подбросил в воздух.

Женя завопил от восторга. Я вгляделся в сына. Передо мной была моя копия, только более совершенная. Вторая попытка мирозданию явно удалась. Не без удивления я замечал, как с каждым днем в нем все явственнее проявляется моя энергия, и, что греха таить, это наполняло меня гордостью.

– А где Сережа?

– Еще в школе. У них вторая смена. А ты что так рано?

– Павленко приехал. Я заскочил перекусить, переодеться – и обратно. У нас с ним дел по горло, все только начинается. Тебе большой привет от него.

– Тогда мой руки – и за стол. У меня все готово.

ССVI

Павленко сидел у меня в кабинете и мелкими глотками пил кофе. Я почти физически ощущал, как возвращается наше прошлое – словно опять мы в Армавире, начинаем все заново.

– Как тебе эти ребята – Хасан и этот... Мелкумов?

– Можно работать.

– Это главное. Мне важно, чтобы у тебя с ними был контакт. Поверь, они нормальные мужики. Если с ними в открытую, все будет отлично. Рассказывай, что у тебя.

– Кое-какие планы есть по закупкам.

– Пойдем, по дороге поговорим.

Мы пошли с обходом. По пути Павленко излагал мне свои планы.

– Ты только, – я остановился, – если какая-то инициатива снизу – сразу же пресекай. Или сообщай мне. Если что-то сделаете, держи меня в курсе.

– Заметано, Алексеич.

ССVII

Я уже собирался домой, когда неожиданно зазвонил телефон.

– Слушаю.

– Здоров, затворник!

До боли знакомый голос. Я не мог поверить ушам.

– Жорка! Троицкий?! Сколько лет, сколько зим!

– Да уж не перечить. Ты прям как в воду канул, хотя вроде в одном городе живем.

– Да все дела!

– Ты это брось. Какие могут быть дела у главного инженера? Раздал всем на бобы – и свободен!

Я усмехнулся.

– Да ты все про меня знаешь.

– А ты что думал? Послушай, давай как-нибудь посидим. Я тут такое место разведаль – закачаешься! Армяне держат. Такого изумительного барашка ты нигде не найдешь. Хочешь, завтра вечером за тобой заеду?

ССVІІІ

Мы вышли на улицу с Женей Павленко. Он прикурил сигарету, но тут же загасил. С сожалением посмотрел на меня.

– Все пытаюсь бросить, Алексеич.

– Да ладно тебе...

Рядом с нами притормозила «Волга». Заднее стекло опустилось, оттуда выглянула довольная физиономия Жорки.

– Ну что, чертяка?

Взгляд его остановился на Павленко, брови удивленно полезли вверх.

– А ты здесь какими судьбами?

– Да вот, перетащил его, – усмехнулся я.

– Явижу, ты решил тут развернуться, Игорек! Это правильно. Нечего в Армавире прозябать. Поехали с нами, Женя? Посидим, потолкуем. Ты как?

– Можно, в принципе.

В машине я смог разглядеть Жорку внимательнее. Лицо слегка оплыло – не иначе, влияние алкоголя. А в остальном – все тот же развеселый здоровяк, гроза секретарш и стенографисток.

Всю дорогу Жорка травил анекдоты, не давая нам и слова вставить. Я признаться, несколько утомился. Хотелось уже расслабиться. Машина затормозила у загородного ресторана на берегу озера.

– Посмотри, какая красота, – махнул рукой Жорка.

Помещение было декорировано под деревенскую избу. Метрдотель проводила нас к столику. Официантка застыла в ожидании указаний.

– Я только кофе...

– Я тоже...

– А мне, – выдохнул Жорка, – чего-нибудь покрепче. И закуску. Как всегда.

Официантка предупредительно кивнула и исчезла.

Троицкий выдохнул, в глазах его плясали чертики, будто он таил какой-то подвох и выбирал момент, чтобы меня огоршить. Неожиданно он поднялся.

– Сейчас приду, начинайте без меня.

Я посмотрел на коньяк, манивший темно-вишневым цветом. «А что, собственно?» – мелькнула мысль.

– Давай-ка выпьем, – предложил я Жене.

– Давай.

Мы молча выпили. Каждый ждал, пока заговорит другой. Вернулся Жорка. В руке он держал газету.

– Ну что, поговорим?

– Я готов.

Жорка вытянул ноги, сладко потянулся.

– Ты и представить не можешь, что у меня был за денек, – Троицкий потер глаза. – Впрочем, тебе такое, должно быть, тоже знакомо, – он кинул взгляд в сторону Павленко.

– Все нормально, можешь говорить при нем, – понимающе усмехнулся я.

Троицкий согласно кивнул.

– Лето. Сезон. Толпы людей. Дружья, враги, кто угодно, помнишь, Игорь.

– А то... Начнут звонить, просить устроить по старой памяти на курорт, – я улыбнулся. – Или уже не будут звонить?

Нас прервала метрдотель. Она бесшумно подошла к Троицкому, наклонилась к самому уху.

– Я распорядилась, – она кивнула назад, на полупустой зал, – больше никого не впускать.

Троицкий кивнул.

– Тебя здесь уважают, – протянул Павленко.

Жора отмахнулся.

– Который час?

– Одиннадцать.

– А я думал, уже ближе к рассвету. День бесконечный. Да и ночь такая. А завтра целых три совещания. Ты в порядке, Игорь?

– Сам не знаю.

– Вот и я тоже. Весь день в каком-то отупении. Один раз сердце прихватило. На такой работе – одни нервы.

– Так что ты хотел сказать, Жора?

Троицкий ткнул в газету. Это была «Правда». Прямо под его пальцем я увидел заголовок – что-то про новые методы и экономическую модель.

– Игорь, ты вообще в своем окопе газеты читаешь?

– Да я света белого не вижу!

– А вот и зря! Впрочем, в окопе сидеть тоже полезно. Все равно не вычитаешь о том, что нас ждет.

Я вопросительно смотрел на Жору.

– Ребята, грядут перемены.

Он поднес к моим глазам газету с тем самым заголовком.

– Ты позвал меня сюда, чтобы политинформацию провести? – съязвил я.

Жорка покачал головой.

– В общем, слушайте. Я тут общался с одним знакомым, он рассказал, что в Москве всерьез обсуждают возможность выбора руководителей предприятий трудовыми коллективами.

– Это как? – округлил глаза Павленко.

– Не понял... – отозвался я.

– А вот так. На предприятиях будут сформированы советы трудовых коллективов, которые будут выбирать директоров.

– А как же утверждение в крайкоме?

– А никак. Им накажут способствовать развитию демократических начал... Гласность, перестройка – слышал?

– Ну конечно!

– Вот так. Представляешь, какие возможности откроются? Только одно: ребята, это пока тайна. Молчок. Пока не будет постановления ЦК, ничего не произойдет.

– А когда примут?

– А черт их знает, – Жора расслабленно откинулся на спинку стула. – Но это неизбежно.

Я задумался.

– Ты понимаешь, к чему это ведет? – Жора, сузив глаза, смотрел на меня. – Взять, к примеру, тебя. Если будут выборы, кого выберет коллектив – директора или тебя?

– Не директора – точно! Это и ежу понятно, – со смехом ответил Женья. – На комбинате фактически всем рулит Игорь. Постоянно в цехах мелькает, с людьми общается. Так что, скорее его, чем директора.

– Вот, Игорь, тебе и ответ. А ты окопался там у себя, забыл про друзей, которые такие новости приносят. Понимаешь? Насчет своих шансов?

Жора снова разлил по рюмкам.

– За все хорошее, чтобы было. И главное, чтобы знали, – впереди будет еще лучше. Я тебе вот что хотел сказать, Игорь. Если ты просто живешь – это не многое меняет. Но если ты живешь с чувством, что не все в мире подчиняется скучному регламенту, тогда тебе нужно развернуться, иначе будешь виноват перед Богом, который отпустил тебе шила в задницу, чтоб ты вертелся. Значит, вертись. Возможно, окажешься виноват перед кем-то – но не перед самим собой. А это главное.

ССІХ

На следующий день я с утра поехал в объединение к Вите Гушину.

– А, Игорь! Комбинат уже перестроил? – он оторвался от утренней газеты.

Я улыбнулся. Кажется, вся страна помешалась на новостях. Отовсюду только и слышишь: «гласность», «перестройка». А что это такое? С чем едят?

– Вить, тут сорока на хвосте принесла. Решил узнать из первых уст. Ты слышал что-нибудь о готовящемся постановлении ЦК о выборности руководителей предприятий?

Гушин взглянул с интересом. Хитро прищурился.

– А ты откуда знаешь?

– Ну, дыма без огня не бывает. Раз такие слухи есть, значит, что-то происходит.

– Да, перемены в стране кардинальные. Судя по всему, дело идет к тому, что партия утратит былой контроль за назначениями. Но в какой мере – непонятно. Возможно, все ограничится просто одобрением кандидатур. Я слышал, что такое постановление обсуждается. Но пока никакой конкретики.

– А как это представляется? В общих чертах?

– Да просто, Игорь. Профсоюз или совет работников может выдвинуть кандидатуры на голосование. А народ будет голосовать. Кто больше голосов наберет, тот и директор.

– И все?

– И все.

Я присвистнул.

– А если тебе придет такая бумага – организовать выборы. Как ты поступишь?

Витя хитро посмотрел на меня.

– Как мне скажут, так и сделаю. Ты насчет себя не думал? – он усмехнулся. – Уверен, ты победишь, если предоставят шанс.

Я молчал.

– Только ты раньше времени не суетись. Пока еще ничего непонятно. Но и ушами хлопать не стоит. Ты, разумеется, понимаешь, что жизнь – такая штука, никогда не знаешь, где подстелить соломку. Почему не позаботиться о самом себе?

– Да мне это пока и неудобно. Сергей меня принял, а я что же, получается, его буду подсигивать?

– Ну, взять тебя было и в его интересах. Так что тут взаимная выгода.

ССХ

Я вышел от Гущина с ощущением, что мир наш, конечно, местечко беспокойное. И вся эта информация о грядущих выборах директоров умиротворения тоже не прибавляла.

Сам этот гущинский взгляд с прищуром уже казался приглашением. Только к чему? Он словно знал, но не хотел до поры раскрывать карты. Тоже, поди, палка о двух концах...

Чует мое сердце: что-то вскоре снова изменится в моей судьбе.

Я понимал, что о директорстве мне думать рано. Но перспектива в один миг взлететь на вершину, с которой я был сброшен, была так соблазнительна, что не думать о ней я не мог.

Уверенность Гущина и Троицкого в том, что стоит мне захотеть – и победа у меня в кармане, будоражила. Я ехал на комбинат, прокручивая в голове возможные сценарии загадочного будущего.

ССХІ

Солнце только-только взошло. Вещи были собраны, и, пока не начало припекать, мы усадили сонных Сережу и Женю в машину. Лида устроилась с ними на заднем сиденье, я рядом с водителем. Еще раз проверил документы и деньги и скомандовал:

– Помчали в Архипо-Осиповку!

Дети прилипли к окнам, Лида потихоньку начала клевать носом, все глубже проваливаясь в сон, я рассеянно смотрел в окно, стараясь ни о чем не думать.

Раздражение – вечный спутник рабочих проблем – отступило. Глаза мои закрылись, и я погрузился в дремоту. Проснулся от резкого толчка.

– Приехали, – отпартовал водитель.

ССХІІ

В дом отдыха в Архипо-Осиповке – поистине оазис почти западного комфорта, невиданного в Союзе в те времена, – доступ имели лишь избранные. Санаторий этот уже который год оставался флагманом respectable советского отдыха на югах.

Водитель посигналил на въезде, и шлагбаум поднялся, открывая нам дорогу в рай.

Безупречно ухоженные газоны и клумбы. Белоснежные корпуса – как нарисованные на фоне покрытых лесом гор. Строгие геометрические формы зданий – и переливающиеся всеми цветами радуги витражи...

Мы вошли в мраморный вестибюль. Эта гулкая тишина после гомона птиц, треска цикад и шума моря словно отгораживала от мира, от всех его проблем. Такое волшебное увеличительное стекло – отсекает все лишнее, незначущее, выделяя главное.

ССХІІІ

У дальней зеркальной стены появились три фигурки.
– Лариса! – окликнул я.

Маша с Людой с визгом бросились к нам.

Лариса неловко чмокнула меня в щеку.

– Давно нас ждете? – бросилась к сестре Лида.

– Да успокойся, только приехали.

– Я волновалась, что мы опоздали, – Лида бросилась целовать племянниц. Сережа смущенно застыл.

Лара обняла меня.

– Я тебе так благодарна, Игорь!

– Да брось, Лариса.

– Нет, ты им, – она кивнула на девочек, – как отец, – она прижала девчонок к себе. – Что надо сказать дяде?

Девчонки прыснули.

– Ладно, не смущай их.

– Ну, побегайте, – сказала Лариса, подталкивая их к братьям.

Мы пошли к администратору оформлять номера.

– Как там Володя? – спросил я.

– Тебе лучше знать. Ты же его в Ставрополе держишь.

– Что значит «держу»? – изумился я.

– Он так матери говорит. Вообще-то, он жениться собрался. Ты не слышал? На своей осетинке.

– Зареме?

– Ну да!

– Он мне ничего не говорил.

– Ну, видимо, скажет еще. Это же не решение, а только планы. Ну да ладно.

Администратор вручила нам ключи от номера.

– Купаться идете? – Лариса с нетерпением смотрела на нас с Лидой. – Просто мечтаю о море. Эта духота меня с ума сведет.

ССХІV

Пляж в Архипо-Осиповке был уникальный – с мелким песком. Дети загомонили, полезли в воду. Мы растянулись под зонтиками. Еще немного, и я напрочь забуду о работе.

Дети все еще плескались под присмотром Ларисы, а я лежал и думал: «У меня будет несколько дней настоящего отдыха!».

Ожидание бывает порой едва ли не прекраснее того, чего ждешь. Предвкушение – что может быть лучше? Что еще наполняет жизнь такой гармонией и радостью?

Каждый раз, оказываясь здесь, я будто заново открывал для себя простой закон: можно, оказывается, жить и без трудовых свершений, выматывающей гонки, изнурительных ночных бдений. Впрочем, – и это я тоже хорошо понимал, – не больше, чем пару дней.

– Как ты? – Лида повернулась ко мне. На носу ее белел клочок бумаги – чтобы не сгореть на солнце с непривычки.

– Ты прямо как папуаска с такой нашлапкой.

Мы тихо рассмеялись. Жара делала свое дело, покрывая слова, мысли и даже смех пленкой расслабленности и покоя. Мир казался прочным, бесконечно надежным и безопасным.

Лида снова посмотрела на меня.

– А я знаю, о чем ты думаешь.

– О чем? – язык слушался с трудом. Приятная дремота сковала все тело.

– О комбинате, о чем же еще. Хочешь улизнуть от нас.

– Лидочка, ты что? Мы только приехали.

– Да ладно тебе, себя можешь обманывать, меня не проведешь. Я же по глазам вижу. Ты никогда не думал, что нельзя непрерывно вариться в проблемах комбината?

– Нет, – ответил я искренне.

Лида рассмеялась. Перевернулась, подставляя солнцу спину, и принялась рисовать что-то на горячем песке. Потом, глядя куда-то в сторону, сказала:

– С тех пор, как мы переехали в Ставрополь, ты стал меняться.

– Это как?

– Отдаляться, что ли. Может быть, побудешь подольше здесь, с нами?

– Лидочка, я не могу, – дремота слетела. Я приподнялся на локте. – Мне крайний срок – послезавтра. Люди не прощают слабости. Если меня там не будет, это расценят как слабость, а сейчас каждый день много значит. Я тебе не говорил – в стране все меняется, рано или поздно нас это тоже коснется.

– В каком смысле меняется?

– В прямом. Никто не знает, что из этого получится, но где-то что-то точно будет. Мне Троицкий об этом рассказывал, Гущин. Нужно чутье. Ничего больше. Все слишком опасно. Слишком по-звериному. Полагаться надо только на интуицию, и я на нее полагаюсь.

– Так я и знала, – проронила Лида упавшим голосом. Мысли ее улетели куда-то далеко – туда, где жили страхи и опасения. – Опять исчезнешь? Все понятно. Будешь пропадать по вечерам, – в голосе ее зазвучал протест, – приходиться только ночевать...

– Ну зачем ты так, Лида?

– Да ладно... Я что? – она вздохнула.

Некоторое время мы лежали молча.

– В конце концов, отцовская судьба, – нарушил я тишину, – всем нам урок. Когда вот-вот случится что-то важное, люди оставляют свою обычную болтовню. Я научился ценить свободу и то, как ею можно распоряжаться. Я должен действовать, родная. Не обижайся.

ССХV

Через два дня я уже был в Ставрополе. Суматоха и чехарда закрутили, я с головой погрузился в работу, забывая о сне и отдыхе. О том, что был на Черном море, уже и не вспоминал.

Я посмотрел на часы: семь вечера. В дверь постучали.

– Войдите.

В кабинет влетел Павленко.

– Ты чего?

Дыхание его было тяжелым, будто стометровку бежал.

Я рассмеялся.

– За тобой ОБХСС гналось?

Женя плотно закрыл дверь, подошел ко мне.

– Гущина в Москву переводят.

– Да ты что?

– Наверняка знаю.

Я потерял переносицу. Ничего себе секретец. Мне он ни слова, ни полслова. Я вышел из-за стола.

– А куда?

– В НПО «Комплекс». Это под Москвой – Зеленоград!

Слышал, нет? Считай, Москва.

– Значит, машина закрутилась?

– Какая машина? – не понял Павленко.

– Сам не знаю. Думаю, что государственная. Витя мне на что-то намекал.

– Ты позвони ему. Он спрашивал. У меня еще встреча с Хасаном. Надо кое-что с ним порешать.

Дверь за Павленко со стуком захлопнулась. Я задумчиво вертел в руках карандаш. Значит, Виктор что-то знал, а мне не сказал. Нет, мне он сказал: «Не торопись». Не торопись... Тоже мне, конспиратор. Я усмехнулся, набрал номер.

– Витя, это Бабаев.

– А-а, Игорь. Донесли или не успели?

– Уже сообщили.

– Я и сам не ожидал такого поворота, если честно. Пойми, были разговоры, но я не знал, что все так быстро.

– Я не понял – это повышение или шаг в сторону?

– Ты знаешь, думаю, и то, и другое, – он гортанно рассмеялся. – Но я на это пошел. Мы же с тобой говорили: наступает переломный момент. Надо брать судьбу в свои руки.

– Звучит эпохально, – произнес я тихо.

«Что-то мне судьба пока таких козырей не предлагает», – мелькнула мысль. Но вслух говорить ничего такого я не стал, а вместо этого весело произнес:

– Прими мои поздравления!

Гущин уловил в моих словах иронию, а может, даже обиду.

– Игорь, сейчас, конечно, суматоха страшная. Надо успеть сдать дела, готовлюсь к переезду. Но, как только там обоснуюсь, я свяжусь с тобой. Слышишь?

– Спасибо, Витя! Всегда рад тебя слышать.

ССХVI

Вечер пятницы неожиданно выдался спокойным. Никаких поздних совещаний в тот день назначено не было, и я в кои-то веки вернулся домой пораньше.

Жене не терпелось показать мне свои новые машинки. Я слушал его, вникая в загадочный мир сына. Хочешь не хочешь – позабудешь обо всем: о невзгодах, соблазнах, тщетных потугах... Если это счастье, то у меня оно было.

Телефон требовательно зазвонил.

– Игорь! Привет! Это Павленко.

– О-о господи! Виктор Иванович! – я ушам не поверил. С ним мы не очень часто общались, хотя хорошо знали друг друга. – Богатым будешь.

– Твоими бы устами да мед пить. Ты где сейчас?
 – На ставропольском. Главным инженером.
 – Понятно. Послушай, мы тут на ялтинском комбинате
 провожаем на пенсию директора. Ему уже за 70, он и так
 пересидел. Предлагаю тебе эту должность.

- Мне? В Ялте?
- Ну да. Как ты на это смотришь?
- Ялта – это интересно.
- Предлагаю приехать и посмотреть.

Я положил трубку. Ялта! Вот так неожиданность!
 Мысли вихрем закрутились в голове. Курортный город...
 «Вспомни Анапу», – промурлыкал внутренний голос.

ССХVII

На следующий же день я зашел к директору:
 – Сергей Сергеевич, я бы хотел съездить прове-
 дать семью.

- А где они у тебя?
- Да в санаторий отправил жену с детьми. Там вра-
 чебный присмотр, поддержка. С врачом надо бы перегово-
 рить, знаешь, как это бывает...
- Игорь, никаких проблем. К выходным можешь пару
 дней прихватить.

– Договорились. Я тогда в четверг сразу рвану туда.
 Я попрощался и, окрыленный, помчался к себе. Уже
 через день я был в Симферополе. Павленко меня ждал.

- Смотрю, ты в боевом настрое?
- Да, нормально все.
- Тогда поехали! Старик нас ждет.

Мы ехали в Ялту, вдыхая целебный крымский воздух.
 – Игорь, ты посмотришь сейчас все, и прошу – прими
 решение. Об остальном не волнуйся. Наш глава – мужик
 общительный, открытый. На него можно положиться. Ну

а раз тебя в главной парторганизации одобрили, откуда родом наш генеральный секретарь, то здесь уж точно утвердят, сто процентов. Сейчас все зависит от твоего решения.

Я смотрел за окно, не соображая даже, что вижу. Мысли, одна другой занятнее, мелькали и гасли.

– Ты прям из огня да в полымя! – хохотнул я.

– Ну а что терять время? Сейчас посмотрим комбинат и, если ты дашь свое согласие, сразу к первому заскочим. Ты в Ставрополе-то сможешь быстро сняться с якоря?

Я задумался.

– С этим могут быть проблемы...

– Ну, слушай... – Павленко махнул рукой. – Это ты сможешь решить. Скажи, по семейным обстоятельствам. Крымский воздух детям нужен. Наплети что-нибудь.

ССХVIII

Мы въехали в ворота комбината.
– Он о тебе наслышан, не волнуйся, – приободрил Павленко.

Я вышел из машины, огляделся.

На первый взгляд – ничего хорошего. Небольшое производство на окраине города. По сравнению с Армавиром – просто чих. В памяти всплыла Анапа. Что-то неуловимо общее было у двух этих мест.

– Чтобы тут все исправить, много сил не надо, – пробормотал я.

– Что ты говоришь? – переспросил Павленко.

– Да так, мысли вслух.

Нас встретил директор, седовласый армянин. Этаким кряжистый дуб, побитый молнией. Породистое лицо сохраняло властность маститого управленца, привыкшего командовать. Он прекрасно понимал, по какому поводу мы пожаловали, но радушия и гостеприимства ему это нисколько не убавило.

– Здравствуйте, дорогие гости!

Он долго тряс руку Павленко, потом повернулся ко мне.

– Это Игорь Алексеевич Бабаев, – ответил на немой вопрос мой гид.

Директор многозначительно кивнул.

– У нас тут, наверное, совсем другие масштабы, – начал он. – Зато природа здесь, сам Крым – это, конечно, явление уникальное. Увидите, какая вокруг красота.

Директор повел нас по цехам. Меланхолично, даже с какой-то долей ностальгии, он рассказывал, как построена работа, куда поставляется продукция, упомянул об изношенности оборудования. Знакомая песня!

Мы вышли на площадку перед центральным входом, и я чуть не ахнул: насколько хватало глаз, вдоль всей линии горизонта простиралось море. Где-то сбоку едва попадали в поле зрения городские постройки. Взгляд от них тут же убегал, возвращаясь обратно к необъятной морской глади, раскинувшейся прямо перед глазами. Дух захватывало от этого великолепия.

– А теперь нас ждут в банкетном зале. Прошу, – прервал мои мысли директор.

Мы с Павленко переглянулись.

– Пойдем. Увидишь, как здесь принимают, – шепнул он мне.

Стол, и правда, был накрыт по-царски. Внесли блюдо с индейкой. Павленко придвинул тарелку, не стесняясь показать, что страшно проголодался.

– Игорь Алексеевич, чего ждешь? Попробуй, – обратился ко мне по-свойски директор, указывая на блюда со всевозможными колбасами и копченостями, – наша продукция.

– Честно говоря, голова кружится, – признался я, – от той красоты, что вокруг.

Директор, прищурившись, одобрительно посмотрел на меня.

– Смотри! Вот, действительно, где красота. И знай, – директор уже прочно перешел на «ты», – я буду рад, если именно ты возьмешь в свои руки дело, которому я отдал жизнь, – он смотрел на меня изучающе и с надеждой.

Сияло солнце, жизнь вновь казалась безоблачной.

– Игорь, нам пора в горком.

Павленко посмотрел на часы и извинился перед директором:

– Назначено. Нас ждут.

ССХІХ

Мы приехали в центр Ялты и отправились в кабинет первого секретаря горкома.

– Вот, это тот самый парень, – представил меня Павленко. Потом коротко рассказал мою биографию.

– Игорь Алексеевич, я не вижу проблем с вашим назначением на должность директора. Вас предложил мой друг, это лучшая рекомендация. Выговор снят. Мы знаем, что произошло на Кубани, и эти истории из прошлого меня мало интересуют. Для меня главное – поднять комбинат!

И он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

– Заканчивайте побыстрее свои дела в Ставрополе, и ждем вас здесь.

ССХХ

Я же говорил, все будет хорошо, – Павленко, прощаясь, тепло потряс мою руку. – И запомни: этот человек слов на ветер не бросает.

– Раз так, то вскоре ждите меня.

Мы обнялись на прощание, и я поехал в Архипо-Осиповку – порадовать Лиду и сыновей.

